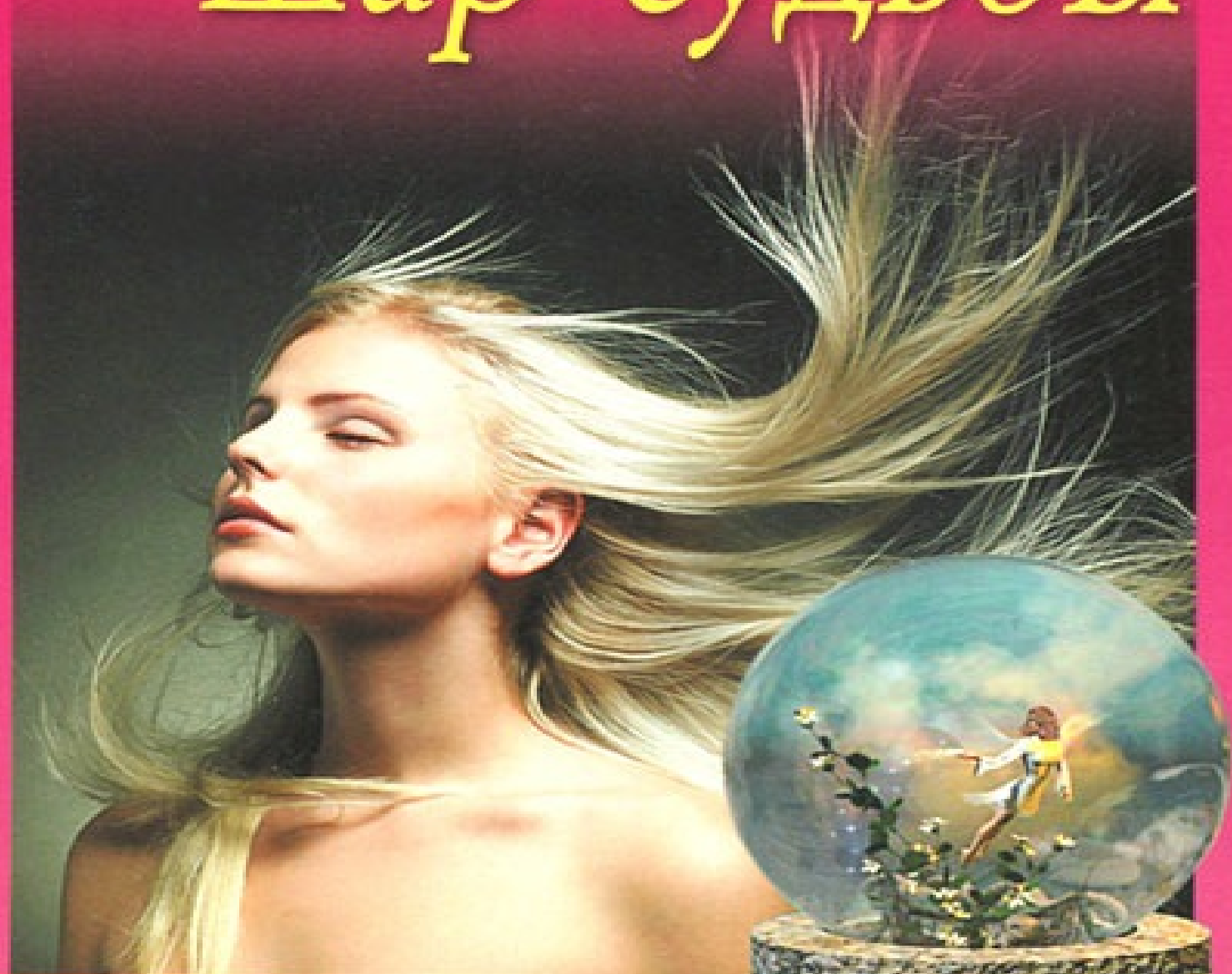




*Марина*  
**СЕРОВА**

# *Хрустальный шар судьбы*



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

## **Annotation**

К частному детективу Татьяне Ивановой обращается Альбина Черкасова. Недавно убили невесту ее сына, студентку медицинского колледжа Марианну Новожилову. Она умерла от отравления ядом замедленного действия в квартире врача, под руководством которого проходила практику. Новожилова зашла к нему за капельницей и внезапно скончалась. Сыщица едет в колледж. Одна из студенток высказывает предположение, будто смерть девушки связана с ее сиротским прошлым. Известно, что перед смертью Марианна развернула активные поиски пропавшей подруги Вероники – бывшей воспитанницы того же детского дома...

---

- [Марина Серова](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
-

**Марина Серова**

**Хрустальный шар судьбы**

## Пролог

– Ника, ты не спишь? – приглушенный голос звучит заговорщически.

– Нет, – тихо отзывается Вероника из-под одеяла.

– У меня для тебя что-то есть...

– Что, Маруся?

Маруся достает из-под одеяла что-то шуршащее и протягивает Нике. Та ощупывает, осматривает это при тусклом свете пробивающейся в окошко луны и понимает, что это леденец в целлофановой обертке – яркий, розовый, нереально аппетитный.

– Откуда это у тебя? – спрашивает она удивленно.

– Тетя Катя дала.

– Сразу два? – недоверчиво уточняет Ника.

– Нет, один. Но я сказала, что нас с тобой двое, поэтому пусть еще один даст. Он же пополам не ломается! Ты ешь, ешь! Я уже свой начала.

– Спасибо, – говорит Ника, бережно припрятывая гостинец под подушку.

Некоторое время в комнате висит тишина.

– Ника! – вновь слышится голос Маруси, сопровождаемый уютным причмокиванием.

– Ау?

– А ты сейчас что делаешь?

– Ничего, – пожимает плечами Ника. – Думаю.

– А о чем? – не отстает Маруся.

– Да так... Стих сочиняю.

– Везет же! – вздыхает Маруся. – А у меня стихи никогда не получаются. Как-то пробовала прочитать, так вся группа смеялась. Ника, а ты кем хочешь быть, когда вырастешь?

– Не знаю... Я как-то не думала об этом, – задумчиво говорит Вероника.

– Ты много кем можешь быть! – убежденно говорит Маруся без тени зависти. – Ты талантливая. Ты и стихи сочиняешь, и поешь, и картины у тебя вон какие красивые. Только я их не всегда понимаю.

– Ничего, – с легкой грустью улыбается Ника. – Вырастешь, поймешь...

– Ты всегда так говоришь! – с обидой замечает Маруся. – Рада, что на целых два года меня старше.

- Вот уж несколько, – возражает Ника. – Давай спать.
- Давай, – соглашается Маруся, но продолжает возиться.

Через некоторое время она приподнимается на кровати и склоняется к Нике:

- Ника, спишь?
- Нет, – слегка недовольно откликается Вероника. – Ты-то почему не спишь?

– Не получается что-то... Ника, а знаешь, кем я хочу стать?

– Ну, кем? – интересуется Вероника, кажется, только для того, чтобы Маруся поскорее отстала.

- Спасателем! – на ухо ей выдыхает та.
- Кем? – Ника сама изумленно приподнимается на постели.
- Спасателем! – повторяет Маруся, гордая произведенным эффектом.
- Девочки! – дверь приоткрывается, и раздается строгий голос. – Спать сейчас же!

Девчонки разом замолкают и утыкаются в свои подушки.

– И кого же ты спасти собралась? – когда шаги в коридоре стихают, Ника отрывает голову от постели и смотрит на девочку с ласковой улыбкой.

– Да всех подряд! Всех, кому нужна помощь! Вот тебя, например!

– А меня-то от кого?

– От кого... Да мало ли от кого! – отмахивается Маруся.

– Ох, Маруся! В прошлом году ты хотела быть пожарником, потому что у них красивая форма и они ездят на машине с сиреной. Потом хотела быть летчиком. Потом – машинистом, и обязательно на паровозе! Потому что он тебе понравился на картинке. Хотя сейчас и паровозов-то нет. Интересно, кем ты станешь на самом деле?

– Спасателем! – упрямо заявляет Маруся. – И буду спасать тебя! Тебя обязательно придется спасать, ты же такая непрактичная!

– Это кто тебе сказал такое? – удивленно спрашивает Ника, подпирая подбородок остреньким кулачком.

– Тетя Катя! Она говорит, что за такой неприспособленной барышней глаз да глаз нужен. И еще добавила: «Господи, хоть бы ей муж хороший достался, самостоятельный!» Ника, а ты хочешь замуж?

– Не знаю. А что это ты о замужестве задумалась? Сама, что ли, собралась? Не рановато ли?

– Нет, что ты! Я, Ника, никогда замуж не выйду. Ни за что! Я просто боюсь, что ты выйдешь, я стану тебе не нужна, и ты меня бросишь...

Голосок Маруси дрожит, и Ника улавливает в темной тишине всхлипывание. Приподнявшись выше, она нащупывает темную головку

подружки и гладит жесткие волосы:

– Ну что ты такое говоришь! Я никогда тебя не брошу.

– Обещаешь? – с надеждой вскидывает на нее Маруся огромные глаза.

– Обещаю. Спи.

Ника прикрывает глаза и пытается придумать рифму к сложному слову «меланхолия». В голову приходит почему-то только Монголия, и Вероника пытается представить, какая она, эта Монголия, которую она видела только на карте и которая представляется ей загадочной, таинственной страной с цветочными лугами, где живут необыкновенные люди, похожие на древних сказочных богатырей... Маруся вертится рядом на своей постели и вздыхает. Ей явно не терпится спросить еще о чем-то, но она видит, что Ника лежит с плотно сомкнутыми веками и ровно дышит. Маруся несколько раз косится на нее, затем не выдерживает:

– Ника! Спишь?

– Ну что тебе еще? – едва слышно тянет Ника.

– А мы с тобой правда сестры?

– Да дашь ты мне сегодня поспать, Маруся? Ты же знаешь, что нет. Но мы... Мы даже ближе, чем сестры! Мы же с тобой все время вместе, все друг о друге знаем.

– И конфеты всегда пополам делим, и пряники! – подхватывает Маруся.

– Глупышка ты еще совсем! Спи.

Маруся, кажется, успокаивается от слов Ники. Она уже не возится, лежит тихо, свернувшись в комочек и подтянув колени к животу. Через некоторое время она начинает посапывать. Ника же, неожиданно взволнованная сегодняшней болтовней и серьезными вопросами, затронутыми младшей подругой, теперь никак не может заснуть.

Луна выходит из-за облаков и освещает своим неярким светом комнату. Ника видит спокойные лица спящих девочек, темные кудряшки Маруси. Они совсем не похожи на ее собственные. У Маруси кудри крутые, жесткие, непослушные. И черные. У Ники – длинные мягкие локоны, пепельно-русые, которые покорно ложатся так, как их причешешь. Их даже жалеют стричь, когда приходит время, позволяют расти, в нарушение порядка.

Ника склоняется к постели Маруси, вглядывается в круглое безмятежное личико, проводит по крепенькой загорелой руке с болячкой на локте, замазанной зеленкой...

– Спасательница, – с улыбкой произносит она и поправляет на подруге сбившееся одеяльце. – Сама смотри не попади в беду, с твоим-то

неугомонным характером...

## Глава первая

– Кружится Земля вокруг своей оси, ну а мне двадцать лет! – весело распевала я вместе с включенным радио, безбожно греша против истины и не испытывая ни капли угрызений совести.

А с чего бы мне их испытывать, если я чувствовала себя совсем юной и счастливой этим солнечным летним днем? Не зря же говорится, что женщине столько лет, на сколько она себя ощущает. А это во многом зависит от настроения. Мое же настроение было просто чудесным, можно даже сказать, беспричинно чудесным, совсем как в юности, когда ты постоянно живешь с ощущением счастья в душе. Ну и о чем тут еще говорить?

Я возвращалась на своем «Ситроене» с турбазы, на которой провела целых пять отличнейших дней в компании со своей подругой, Светкой-парикмахершей, и с парочкой старых друзей-приятелей. Погоды, как говорится, стояли дивные, свинина для шашлыка была выбрана самая лучшая, сок и минералка хранились в холодильнике и были приятно прохладными, а красное вино – ледяным.

К концу недели мое тело покрылось ровным темно-коричневым загаром с золотистым отливом, а натуральные светлые волосы побелели и стали почти льняными, совсем как в детстве. Отдых явно пошел мне на пользу, я успела расслабиться, наполниться новыми силами и зарядиться энергией и бодростью.

Но, как бы ни было мне хорошо на волжских берегах, признаться, я ощущала радость и облегчение от возвращения домой. Что ни говори, а дома всегда лучше, чем где бы то ни было. Я уже соскучилась и по любимому дивану, и по дискам с излюбленными фильмами, по телевизору с интересными программами, да и по работе, честно говоря, я тоже соскучилась. Может быть, кому-то это и покажется странным, но я люблю свою работу. И если бы мне суждено было родиться заново, я бы, не задумываясь, с радостью вновь выбрала профессию частного детектива – трудную, опасную, порою изнурительную, но такую интересную!

Поставив машину в гараж, я направилась в ближайший супермаркет, так как холодильник дома был не только пуст, а даже и выключен, дабы не накручивать электроэнергию впустую все эти дни. Наполнив корзину любимыми продуктами, запасясь тремя литрами апельсинового сока и большой банкой кофе, я, пройдя через кассу, прошествовала наконец к себе



домой. Не успела я повернуть ключ в замке, как сразу почувствовала родной, ни с чем не сравнимый запах родного жилища.

– Фу-у-ух-ты! – произнесла я, плюхаясь на мягкое сиденье дивана после того, как рассовала продукты по местам.

Пока в кухне закипала вода для кофе, я лениво пощелкала телевизионными каналами и, в очередной раз убедившись, что смотреть, в сущности, нечего, выключила телевизор и пошла доваривать свой любимый напиток. Вернувшись с чашкой в комнату, я машинально остановилась, чтобы проверить записи на автоответчике домашнего телефона. Их было немного, а вот пропущенных вызовов – порядочно. В основном это были старые друзья, которые уже дозвонились мне на сотовый. Но вот один номер, незнакомый мне, высветился аж двадцать три раза! Кто-то очень упорно меня добивался...

Я не стала перезванивать, так как стараюсь руководствоваться правилом: не бежать впереди паровоза. Надо будет, сами позвонят. Не успела я об этом подумать, как телефон разразился заливистой трелью. Я посмотрела на экран – так и есть! Тот самый номер. Не став скрываться, я подняла трубку.

– Алло? Алло? – высокий женский голос звучал взволнованно и удивленно одновременно. – Я могу поговорить с Татьяной Александровной Ивановой? – спросила женщина.

– Я внимательно вас слушаю, – ответила я.

– У меня к вам очень важное дело! Слава богу, что наконец-то я дозвонилась! А то я уже подумала, что вы сменили номер, и как вас теперь разыскивать, непонятно... Когда мы с вами можем встретиться?

– Вы, простите, по какому вопросу? – прервала я эмоциональные эскапады незримой собеседницы.

– Я? То есть... Я как бы... – голос зазвучал несколько растерянно, однако женщина быстро взяла себя в руки. – Я, можно сказать, по самому что ни на есть прямому вопросу! По вашей профессиональной части. Мне нужно, чтобы вы раскрыли преступление!

– А что за преступление? – изо всех сил скрывая тоску в голосе, поинтересовалась я.

Я, конечно, успела соскучиться по работе – сама себе только что в этом признавалась, каюсь. Но чтобы вот так, что называется, с корабля на бал... К такому повороту событий я была, честно признаться, не готова. У меня имелись совершенно определенные планы на сегодняшний вечер, как-то: ничего не делать и тупо отдыхать. От чего? От отдыха, как бы

парадоксально это ни звучало! Сменить активный отдых на пассивный. Вот так. И эта женщина со своим преступлением никак не вписывалась в мои планы. В душе я даже надеялась, что ее дело окажется какой-нибудь ерундой и мне удастся убедить дамочку, что оно вполне потерпит до завтра. А может быть, и вообще от него можно будет отказаться.

– Убийство! – разочаровала меня потенциальная клиентка. – Совершенно убийство!

– Кого убили-то? – вяло полюбопытствовала я, подавив вздох.

– М-м-м... – дамочка слегка запнулась, но потом заговорила увереннее: – Убили одну молодую девушку. Ее отравили.

– Откуда у вас такая уверенность? – спросила я.

– В смысле? – не поняла женщина.

– Ну, может, это был несчастный случай? Или самоубийство?

Женщина как-то обиженно засопела.

– Вы прямо как милиция говорите, – сказала она. – А я думала, что вы заинтересованы в том, чтобы действительно раскрыть преступление...

– Извините, пожалуйста, – взяв себя в руки, сменила я тон. – Просто мне необходимо знать подробности. Я вовсе не пытаюсь куда-то «сплавить» ваше дело.

Хотя именно такая мысль возникла у меня в начале нашей беседы.

– Понимаете, – продолжила я, – иногда человек может заблуждаться, полагая, что произошло убийство. Может быть, девушка отравилась сама?

– Даже если это так... – тон дамочки неожиданно стал твердым. – Я хочу, чтобы вы это установили. Я не могу больше смотреть, как мальчик мучается! Он совершенно не находит себе места, и я опасюсь за его здоровье. Поэтому все должно выясниться раз и навсегда!

– Что за мальчик-то? – подивилась я. – И почему он мучается?

– Ах, я же не сказала вам! – раздосадованно произнесла моя собеседница. – Дело в том, что с этой девушкой встречался наш сын. Они... как бы это сказать... Дружили. И теперь, после ее смерти, он не находит себе места.

– Ну что ж, – пожала я плечами. – Тогда нам действительно нужно встретиться, чтобы вы мне все рассказали.

– Я подъеду прямо сейчас! – заявила женщина, не дослушав меня до конца. – Ждите!

И, не успела я опомниться, как она положила трубку, оставив меня слушать треньканье коротких гудков... Мне ничего не оставалось, как вновь пожать плечами и отправиться в кухню, варить новую порцию кофе.

Звонок домофона прозвучал буквально минут через десять, из чего я

сделала вывод, что женщина либо живет совсем близко, либо лихо водит машину.

Вскоре моим глазам предстала высокая, стройная дама лет сорока с небольшим, миловидная, очень ухоженная, одетая в открытый сарафан в бирюзово-синих тонах, узко присборенный в талии и с пышной длинной юбкой. Светлые волосы женщины были забраны наверх и скототы симпатичной заколкой в виде перламутровой раковины. Золотистый загар ровно покрывал ее плечи, на которых не было бледных полос от бретелек купальника. Видимо, она либо посещала солярий, либо загорала на пляже топлес. На стройных ногах женщины красовались бело-синие босоножки со стразами, в руках она сжимала полосатую, в тон сарафану сумочку.

Женщина бросила взгляд на мою дорожную сумку, брошенную в коридоре, на мои мокрые после душа волосы...

– Ой, простите, я, наверное, не вовремя? – спросила гостя. – Вы с дороги?

– Ну, что теперь об этом говорить, – усмехнулась я. – Проходите, раз уж пришли.

– Вы все-таки простите меня, Татьяна Александровна, – продолжала она, снимая босоножки. – Я не знаю, есть ли у вас дети...

– Нет, – разочаровала ее я.

– Ну, все равно, думаю, что как женщина вы меня поймете, – говоря это, визитерша прошла за мной в комнату и села в предложенное кресло. – Мой сын очень страдает, я не могу на это спокойно смотреть! Он забросил учебу, друзей, похудел...

– Это я уже поняла, – прервала я ее. – Что все-таки случилось? И как вас зовут, кстати?

– Альбина Юрьевна, – немного запоздало представилась клиентка. – Фамилия наша – Черкасовы. Может быть, вы слышали? Мой муж работает в городской администрации...

– Увы, нет, – ответила я. – Хотя знакомые в администрации у меня есть. Но не думаю, что это сейчас важно. Расскажите о вашем деле.

– Сейчас, сейчас, – торопливо закивала Альбина Юрьевна. – Ох! Я просто очень волнуюсь...

Безукоризненный маникюр и макияж гостя, однако, свидетельствовали о том, что даже сильные треволения не мешают ей заботиться о собственной внешности. Видимо, она привыкла в любых обстоятельствах, что называется, держать марку и блюсти имидж.

– Одним словом, у нас есть сын, Виталик. Ему двадцать один год. Учится в университете, на физико-математическом факультете, отделение

нанотехнологий – он очень способный мальчик. Виталик занял перовое место на городской олимпиаде, и его приняли в университет без экзаменов, представляете?!

Она восторженно взглянула на меня.

– Очень похвально, – кивнула я. – А что же произошло с его девушкой?

– Да-да, – Альбина Юрьевна помрачнела и затеребила подол пышной юбки сарафана. – В общем, примерно год тому назад он познакомился с девушкой... Ее звали Марианна.

– Какое интересное имя, редкое, – мимоходом заметила я.

– Да, да, – как-то печально подтвердила Черкасова. – Только вот...

Она снова замялась.

– Вам не нравилась эта девушка? – прямо спросила я.

Альбина Юрьевна вздохнула.

– Чем же? – продолжала допытываться я.

– Да понимаете... Нет! – она прижала руки к груди. – Я ничего не хочу о ней сказать плохого! Может быть, она и замечательная девочка! Она умненькая, трудолюбивая, настойчивая, вежливая... Никогда не грубила, не ругалась. Училась в медучилище.

– Ну и прекрасно! – кивнула я. – Так в чем проблема-то?

– Проблема в том, что она из детского дома. Приезжая, из Пензы, кажется. Ну вы поймите сами... – Альбина Юрьевна склонилась ниже и заговорила доверительно: – Ведь Виталик – совершенно ей не пара! Он вырос в интеллигентной семье, в большом городе. У него и круг друзей соответствующий! Ну, словом... Вы понимаете.

– Понимаю, – вновь усмехнулась я.

– Я еще раз говорю, что ничего лично против Марианны я не имела, это все объективные факторы, поймите! Я не собираюсь поливать ее грязью! Тем более что ее уже нет в живых...

– Вот именно! – жестко напомнила ей я. – Может быть, все-таки поговорим об этом подробнее? Какая теперь разница, пара – не пара она была вашему сыну, если она умерла? Скажите лучше, когда это случилось? Где? Ваш сын был рядом с ней, когда она отравилась?

– Нет-нет, что вы! – воскликнула Альбина Юрьевна, округлив и вытаращив свои ярко-голубые глаза. – Это произошло в совершенно постороннем месте!

– Что значит «постороннем»? – сощурилась я.

– Ну, не имеющем к нам никакого отношения, – подчеркнула Альбина Юрьевна, решительно проведя ладонью в воздухе. – На какой-то чужой

квартире какого-то ее знакомого. Виталик не знает этого человека!

– Так, Альбина Юрьевна, – устало произнесла я. – Давайте все-таки мы с вами определимся: мы собираемся прояснить факты смерти Марианны, причем сделаем это беспристрастно, не обсуждая пока что вашего Виталика. Или его подозревают в убийстве Марианны? – я пристально посмотрела Альбине Юрьевне в лицо.

– Да что вы! – глаза Черкасовой стали похожи на блюдца, а и без того высокий голос зазвенел, как натянутая струна. – Как вам могло такое в голову прийти?!

– Чем она отравилась? – вместо ответа спросила я.

– Каким-то медицинским препаратом, ядом, – сказала Альбина Юрьевна.

– Наркотиком? – уточнила я.

– Нет, кажется, нет... – неуверенно ответила она. – Я забыла название, но вы можете уточнить это в милиции. У вас же, наверное, есть туда... доступ?

– Есть, не переживайте, – успокоила ее я. – Так почему вы все-таки решили меня нанять, уважаемая Альбина Юрьевна, если, как я понимаю, Марианна не была вам особенно дорога и смерть ее вы, в общем-то, не оплакиваете?

– Ну зачем вы так... – смутилась Черкасова. – Я, конечно, не могу сказать, что любила ее, как родную дочь, но все же мне небезразлично, что она погибла. К тому же Виталик очень переживает. Я же говорила, что даже беспокоюсь за его здоровье.

– То есть, Альбина Юрьевна, вы можете твердо меня уверить, что вашему сыну ничего не грозит, его ни в чем не обвиняют, и лишь желание вытащить его из депрессии подвигло вас обратиться к частному детективу? Я вас прошу ничего от меня не скрывать, потому что я все равно узнаю правду. И если уж вы обращаетесь ко мне за помощью, то в ваших же интересах быть со мной искренней до конца.

– Я все понимаю, – кивнула сердобольная мама. – И абсолютно честно могу сказать, что Виталика ни в чем не обвиняют. По правде сказать, мы не сразу решились на то, чтобы нанять вас – ведь с момента смерти Марианны прошло уже больше недели... Муж поначалу даже и слышать не хотел ни о каком частном детективе. Но потом он и сам понял, что иначе добром дело не кончится. Виталик закрылся в своей комнате, по сути, он отгородился от всего мира. Он даже плакал первые дни!

Альбина Юрьевна прижала к глазам надушенный платочек и продолжила:

– Сначала Виталик не знал, что делать. А потом у него появилась эта идея насчет частного расследования. Уж не знаю, сам ли он до этого додумался, или кто-то из друзей ему подсказал, но я ухватилась за эту мысль. Если все выяснится, может быть, мальчик наконец успокоится? Понимаете, у него появилась цель! Вначале была полная апатия, а теперь он ждет, что убийца будет найден.

– И что тогда? – вскинула я голову. – Он пойдет и, в свою очередь, убьет его?

– Ох, да что вы! Боже упаси! – совсем перепугалась Черкасова.

– Я просто хочу, чтобы наше сотрудничество строилось на деловой основе, а не на эмоциях, – пояснила я. – Ни вам, ни мне совершенно не нужно, чтобы ваш сын наломал дров. Скажите, он вообще человек импульсивный?

– Иногда бывает, – призналась Альбина Юрьевна. – Но редко. И потом, что значит – импульсивный? Он никогда даже не дрался ни с кем! Он учиться всегда любил, за компьютером много времени проводил.

– То есть он не подвержен вспышкам агрессии?

– Нет, – категорически махнула рукой Черкасова.

– А вы что-нибудь знаете о том, кто мог желать смерти Марианны? Что за круг общения у нее был? Где она проживала?

Я задала Альбине Юрьевне целый ряд важных вопросов, памятуя о том, что она толком не ответила на предыдущие. Я уже поняла, что моя клиентка весьма импульсивна и относится к тому типу людей, которые действуют, повинувшись исключительно чувствам, а не разуму и логике. Ну что ж, это, конечно, всегда несколько осложняет работу с ними, но все же несмертельно – я привыкла к разным клиентам, и Альбина Юрьевна в этом смысле была не самым плохим вариантом. По крайней мере, она не пыталась давать мне указаний, как вести расследование.

– Жила она в общежитии, ей дали комнату от училища, – более или менее внятно ответила Черкасова.

– Одна? Или она делила с кем-то эту комнату? – уточнила я.

– Не знаю.

– Адрес, где произошла ее смерть, вам известен?

– Нет...

– Словом, вы ничего не знаете, – со вздохом вынуждена была констатировать я. – Придется побеседовать с вашим сыном. Надеюсь, вы не будете возражать, ведь это означает – подвергнуть мальчика такому стрессу? – не в силах скрыть иронию, уточнила я.

– Я понимаю необходимость этого, – поджав губы, согласилась

Альбина Юрьевна. – Виталик сам ждет не дождется, когда появятся хоть какие-нибудь новости.

– Кстати, а это лично Виталик дал вам номер моего телефона? – поинтересовалась я.

– Нет, Сергей. Муж, в смысле, – пояснила Альбина Юрьевна. – Когда мне удалось его убедить в том, что нужно нанять частного детектива, он сказал – так и быть, но только с условием, чтобы это был свой человек.

– Что значит – свой? – удивилась я. – Первый раз слышу, чтобы я была своей для вашего мужа! Мы с ним даже не знакомы и, думаю, никогда не виделись.

– Может быть, я не совсем удачно выразилась, – поправились Альбина Юрьевна. – Я просто имела в виду, что муж начал действовать через свои каналы. И один из его коллег порекомендовал мне вашу кандидатуру. Виктор Павлович Арбузов – знаете такого?

– Ах, вот оно что, – протянула я. – Тогда все понятно.

Чиновник городской администрации, Виктор Павлович Арбузов был мне давно знаком. Несколько раз мне приходилось пересекаться с ним по делам, несколько раз мы встречались в разных ситуациях, в том числе и на светских мероприятиях. Отношения у нас были вполне дружелюбными, и я не удивилась, что он посоветовал Черкасову обратиться ко мне.

– У вас есть фотография Марианны? – спросила я.

– С собой нет, – растерялась Альбина Юрьевна. – А что, нужно было взять? Я могу попросить у Виталика...

«Непонятно, какого рожна она так спешила сюда, если толку от нее никакого», – с невольным раздражением подумала я, однако постаралась ничем не выдать своих чувств.

– Думаю, Альбина Юрьевна, вы все-таки поспешили со своим визитом ко мне, – заметила я вслух.

– Как поспешила? – удивилась Альбина Юрьевна. – Я третий день вам названиваю!

– Я говорю в том смысле, что лучше было бы мне самой приехать к вам, – сказала я. – От вас, к сожалению, я не могу получить полноценную информацию: вы и сами не в курсе многих вещей. Надеюсь, ваш Виталик окажется лучше осведомлен о жизни своей девушки.

– Вы что, хотите поехать к нам прямо сейчас? – спросила Альбина Юрьевна.

– А зачем тянуть-то? – улыбнулась я. – Вы на машине?

– Да, шофер ждет внизу.

– Тогда будьте добры, подождите там же, я скоро спущусь, –

попросила я.

– Подождите, а деньги? – Альбина Юрьевна затеребила свою сумочку. – Ведь я взяла с собой определенную сумму. Вот, возьмите. Думаю, этого хватит?

Денег было достаточно – и за несколько дней расследования, и на расходы. Что ж, причин отказываться от этого дела у меня не было, и я молча кивнула.

– А теперь разрешите, я все-таки соберусь, – сказала я и, когда Черкасова, понимающе кивнув, покинула мою квартиру, достала из сумочки замшевый мешочек, в котором хранились мои гадальные кости. Этими двенадцатигранниками я пользуюсь уже много лет, обращаюсь к ним с любым важным для меня вопросом. И всегда получаю достоверный ответ. Нужно лишь правильно расшифровать выпавшее толкование. Но за годы общения с костями я научилась делать это мастерски. Сейчас косточки сообщили мне следующее:

«3+21+25» – «Вы займетесь благородной работой, даже если она будет незаметна для окружающих».

Приятно, когда твоя работа высоко оплачивается. Но вдвойне приятнее, когда она еще и оказывается благородной!

Я улыбнулась, быстро оделась, причесалась и, довольно подмигнув своему отражению в зеркале, спустилась на улицу.

Альбина Юрьевна восседала на переднем сиденье серебристого «Ниссана» рядом с симпатичным водителем лет тридцати двух – тридцати пяти. Он небрежно осмотрел меня и, услышав, как хозяйка что-то сказала, вышел из машины и открыл заднюю дверцу.

– Благодарю, – бросила я, усаживаясь в мягкое кресло, и машина лихо стартовала с места.

Жили Черкасовы в районе Набережной Космонавтов, в новом девятиэтажном доме, снабженном охраной. Альбина Юрьевна, выйдя из машины, подняла голову и посмотрела на один из красно-кирпичных балконов. Я проследила за ее взглядом, но никого не увидела. Моя клиентка вздохнула и, покачав головой, прошагала к подъезду.

Мы поднялись на девятый этаж, женщина отперла дверь, и мы прошли внутрь. В квартире было прохладно, даже холодновато: сплит-система, видимо, была установлена на минимальную температуру. В условиях нынешней жары это было, конечно, приятно.

Квартира Черкасовых оказалась двухуровневой. Альбина Юрьевна первым делом прошла по лестнице на второй этаж. Однако она очень быстро вернулась и, перегнувшись через перила, радостно провозгласила:



- Поднимайтесь, пожалуйста, Виталик вас ждет!
- А ваш муж дома? – любопытствовала я, ступая на лестницу.
- Увы, пока нет, – развела она руками. – И неизвестно, когда вернется.

Он может задержаться допоздна, это обычное дело.

Я прошла по коридору второго этажа, сопровождаемая хозяйкой, к комнате, дверь в которую была приоткрыта. Альбина Юрьевна автоматически нацепила на лицо слащавую улыбку и толкнула дверь.

– Виталик, а вот и мы! – пропела она каким-то приторным голосом, который звучал преувеличенно ласково, с сюсюкающими интонациями.

Я, конечно, не мать, и даже не психолог, но все же мне показалось, что для разговора с сынишкой, которому уже перевалило за двадцать, подобный тон не очень-то подходит.

Решив особо не церемониться с нежным юным созданием, я прошла в комнату и столкнулась взглядом с милостивым молодым человеком с длинными волнистыми темно-русыми волосами, казавшимися очень мягкими. Парень полулежал на широком диване с дымчато-голубоватой обивкой. При моем появлении он поднялся. В его глазах виделись вопрос и оценка. Он скользнул по мне взглядом, чуть сощурился и неожиданно улыбнулся.

– Добрый вечер, – приятным тенором поприветствовал он меня. – Я Виталий, а вы – Татьяна Александровна?

– Да, Виталик, это та самая Татьяна Александровна, о которой нам рассказал дядя Витя, – все с той же слащавой манерой разговора влезла Альбина Юрьевна. – Ты уж поговори с ней, сынок, расскажи ей о...

– Альбина Юрьевна, – решительно вмешалась я, поскольку мне уже надоела эта материнская гиперопека. – Если я не ошибаюсь, именно Виталий был инициатором того, чтобы я принялась за эту работу? Тогда ваши уговоры побеседовать со мной выглядят несколько странно, согласитесь...

– Мама, оставь нас, пожалуйста, вдвоем, – попросил сын, пристально глядя на мать.

В его голубых глазах, явно доставшихся сыну от матушки, я неожиданно заметила злой огонек.

– Я просто думала, что, может быть, смогу помочь, – принялась оправдываться Альбина Юрьевна, но Виталик перебил ее:

– Мы и сами прекрасно справимся. Лучше приготовь нам что-нибудь.

– Хорошо, хорошо, сейчас я все сделаю, – прижимая ладони к груди, сказала Альбина Юрьевна и пошла к выходу. Однако у двери она все же обернулась и задержалась на несколько секунд.

– Мама, ну! – раздраженно повысил голос Виталик, и Альбина Юрьевна метнулась в коридор.

Я едва заметно улыбалась.

– Извините, – пробормотал Виталик, глядя в сторону. – Мама порой бывает невыносима.

– Давай не будем об этом, – попросила я. – Меня сейчас интересует конкретная информация, чтобы я могла начать расследование. Итак, рассказывай, с самого начала. Где и как ты познакомился с Марианной?

– В центре «Волга-спорт», – сразу же ответил Черкасов-младший. – Это было почти год тому назад. Я занимался там теннисом, а она пришла на фитнес. Я сразу обратил на нее внимание и предложил подвезти. Она согласилась. Так мы и познакомились...

– Чем она тебе понравилась? – мягко спросила я.

– Ну, это зачастую происходит иррационально, сложно объяснить с точки зрения логики, – пожал плечами Виталик. – Хотя и с этой стороны все понятно: Марианна была очень красивая, веселая. Яркая девушка, заметная. Но... Таких ведь много, понимаете? А понравилась мне именно она. Значит, дело в чем-то другом.

Он посмотрел на меня с недоумением, словно и сам не понимал, чем же еще его привлекла Марианна.

– Ладно, понравилась, и все! – махнула я рукой. – Она была совсем одинока, как я понимаю?

– Да, она из детского дома, – кивнул Черкасов.

– Ты что-нибудь знаешь о той ее жизни?

– Да, она неоднократно мне об этом рассказывала. Говорила, что она сирота. Детский дом вспоминала с теплотой, ни о ком слова плохого не сказала.

– Она давно приехала в Тарасов?

– Год назад и приехала!

– И сразу пошла на фитнес? – удивилась я.

– Ну, а что тут такого? – нахмурился Виталик. – Она была очень жизнелюбивая, хотела многое попробовать. Я ее прекрасно понимал: это мы выросли в городе, в благополучных семьях. А у нее многого не было, очень многого. И ей хотелось наверстать упущенное, все попробовать.

– В смысле – все? – насторожилась я. – Алкоголь, наркотики?

– Нет, – поморщился Виталик. – Я совсем не об этом! Марианна, кстати, была равнодушна к таким вещам. Я как раз сейчас понял, чем она меня зацепила. Она была... Неиспорченная, понимаете? Нет, она не была ограниченной простушкой из маленького провинциального городка, хотя и

приехала именно оттуда. Она была очень одарена интеллектуально. Поверьте, это так, я бы просто не стал встречаться с девушкой, с которой мне неинтересно беседовать. Я вам попытаюсь объяснить! – воскликнул он и даже вскочил с дивана.

Я заметила, что в глазах его возникло возбуждение.

«А мальчик все же импульсивен, – отметила я про себя. – Интересно, до какой степени проявляется в нем это качество?»

– Ну, вы понимаете, у родителей денег много, да? – кивком ответил он за меня на свое утверждение.

– Ну, наверное, – вставила я, а Виталик продолжал:

– Сразу могу сказать – я с раннего детства ни в чем не нуждался. Отказа в средствах не знал. Позволить мог себе многое, хотя особо не наглел. Я вообще домосед по натуре, меня шумные компании не привлекают. Но, тем не менее, побывал, конечно, во многих местах. И алкоголь, конечно, пробовал, и сигареты...

– А наркотики? – осторожно спросила я.

– Траву курил пару раз, – признался Черкасов. – Но это давно было, еще на втором курсе. Но сразу бросил.

– Что? Не понравилось? – усмехнулась я.

– Наоборот, – признался Черкасов. – Понравилось, потому и бросил.

Я высоко подняла брови.

– Испугался, что смогу подсесть, – пояснил он. – А там и до синтетики недалеко. Сколько наших из универа ушли из-за того, что всего лишь пару лет назад начали «герой» баловаться. А начиналось все так невинно!

– Надо же, какой ты прагматик! – удивленно констатировала я. – И сила воли у тебя, оказывается, есть...

– Это из-за маменьки у вас сложилось обо мне мнение, как о хлюпике, – криво ухмыльнулся Черкасов, и я вдруг отметила в его тоне явное неуважение к матери.

Нет, он не высказывался оскорбительно в ее адрес, он вообще не стал давать ей никаких характеристик, но я безошибочно поняла: Виталик Черкасов не уважал свою мать, для которой он сам был, кажется, центром Вселенной...

– Ты хотел рассказать о своем отношении к Марианне, – напомнила я.

– Да! – подхватил Черкасов. – Понимаете, она была не такая, как другие девушки. Она была... Настоящая! Марианна не была подвержена никаким стереотипам. Ну, как обычно проводят свободное время большинство современных девушек? Дискотеки, ночные клубы, бары... В качестве подарков, естественно, они предпочитают драгоценности,

косметику, новый телефон. Ноутбук, шубу – куда же без нее! – или даже машину, смотря по финансовому состоянию кавалера. А знаете, что Марианна попросила меня ей купить, когда я пригласил ее в бар?

– Что же? – заинтересовалась я.

– Килограмм черешни! – улыбнулся Виталик, и в глазах его появилось ностальгическое выражение. – Как раз стоял июль, мы катили по городу, мимо рынка проезжали, а там черешня – крупная такая, спелая, почти черная. Так вот, в бар Марианна, кстати, пойти отказалась, а вот на черешню набросилась с удовольствием. Я ее понимал: в детдоме она такого, конечно, не видела.

– И что? Ей совершенно были неинтересны развлекательные заведения города? – недоверчиво спросила я. – Ты же говорил, что ей хотелось все попробовать!

– Да, но не в том смысле. Попробовать – значит, посмотреть и оценить. Мы ходили с ней и в бар, и в ночной клуб, но после первого же посещения Марианна составляла свое представление об этих заведениях и больше идти туда не хотела. Понимаете? Увидела – не понравилось – «больше не пойду». Я говорю, она не была порочной.

– Да никто ее в этом и не обвиняет, – пожала я плечами.

– Мама могла наговорить вам что угодно, – буркнул Виталик. – Я знаю, что они с отцом не любили Марианну. Они хотели, чтобы я нашел девушку своего круга, – последние слова он произнес с манерно-чопорными интонациями, явно передразнивая родителей. – А девушки моего круга – все, как одна, похожи друг на друга, – заключил он своим обычным голосом. – А Марианна не боялась быть непохожей на кого-то.

– Над ней не посмеивались? Не называли старомодной?

– Пробовали, – неожиданно рассмеялся Виталик. – В медучилище одноклассницы какие-то начали к ней прикалываться, а она их так отметелила! Сумкой медицинской.

– Вот как? Боевая девушка, однако! – покачала я головой.

– Еще какая! – восхищенно проговорил Виталик. – Она себя в обиду не давала, всегда могла постоять за себя!

«Ну, понятно, детдомовское детство не прошло для нее даром, – отметила я про себя. – Не могло ли оно вылиться в склонность любые разногласия решать через драку? А это чревато... Всегда найдется тот, кто сильнее тебя. Не физически, так по уму...»

Вслух же я спросила:

– У вас были близкие отношения? Извини, что спрашиваю, мне это нужно.

Виталик искоса посмотрел на меня и усмехнулся, отвернувшись к окну.

– Да, были, – наконец произнес он. – Совсем недавно...

– В смысле? – осторожно уточнила я.

– Марианна долго не хотела. Я сперва настаивал, потом просто ждал. Понял, что если я напролом пойду, она меня совсем отошьет.

– Или сумкой отметелит, – улыбнулась я.

– Нет, что вы, она со мной была нежной, – вздохнул Виталик, и в голосе его зазвучали грустные нотки.

– Ладно, с лирикой мы определились, теперь давай перейдем к сухим фактам, – постаралась я своим тоном настроить его на деловой лад. – По факту смерти Марианны ты что-нибудь знаешь?

– Ее отравили, – как-то растерянно произнес Черкасов.

– Это я уже поняла, – махнула я рукой. – Где, когда? Точная дата, время смерти...

– Это произошло девятнадцатого июня, – ответил Виталик. – Сразу после обеда. У Марианны закончились занятия, и она пошла к одному своему знакомому. Он врачом на «Скорой» работает, она собиралась у него капельницу взять. Они как раз учились системы ставить, она хотела потренироваться.

– На ком? – подняла я бровь.

– Ну, можно было и на мне, – пожал он плечами. – Я не возражал. Витаминчики покапать – всегда полезно.

– Фамилия этого врача? И откуда она его знает?

– Она с ним на практике познакомилась. Фамилия его Лебедев, зовут Анатолий. Я его видел пару раз, Марианна забегала к нему то за тонометром, то за лекарствами какими-то.

– Ну и как он тебе?

– Нормальный мужик, – снова пожал плечами Черкасов. – Спокойный.

– А ты не ревновал к нему Марианну? Не боялся, что она периодически к нему «забегает»? – прищурилась я.

– Нет, что вы! – Виталик посмотрел на меня с таким удивлением, словно я сморозила несусветную глупость. – Он ведь старый уже! Ему под сорок!

«Да уж, – с досадой подумала я. – Просто совсем глубокий старик!»

И невольно я позавидовала юности Черкасова, его возрасту, когда все, кто старше двадцати пяти, кажутся тебе пожилыми людьми.

– Ты с ним беседовал после смерти Марианны?

– Нет, я не подумал как-то... Мне не до того было, – смутился

Виталик.

Видимо, мысль побеседовать с главным свидетелем совершенно не приходила ему в голову. Что ж, это понятно, если ты не собираешься лично заниматься расследованием убийства. Но по-человечески-то... неужели ему не было интересно?

– Но я читал его показания, – немного порадовал меня Виталик. – К нам из милиции приходили, я их попросил... Так вот, там сказано, что Марианна пробыла у него совсем немного, всего пару минут. Даже в квартиру не проходила. Взяла капельницу, они перебросились парой фраз с Лебедевым, и она уже собралась уходить. Вышла из квартиры и почувствовала себя плохо. Лебедев сказал, что она схватилась за сердце и стала оседать на пол, прямо на лестнице. Он ее подхватил, хотел занести в квартиру и тут понял, что она уже умерла. Он тут же вызвал «Скорую» и милицию. Те констатировали смерть.

– А самого Лебедева не задержали по подозрению? – удивилась я. – Он же первая кандидатура!

– Задержали, – кивнул Черкасов. – Но потом выпустили.

– Почему?

– Вот этого я не знаю, – покачал он головой. – У нас милиция еще до его задержания побывала.

– Ты после этого и решил к частному детективу обратиться?

– Ну да, – подтвердил он. – А что делать, раз милиция не может убийцу найти? Лебедева выпустили, а никого другого не арестовали.

– А ты сам как считаешь? Лебедев не может быть виновником смерти Марианны?

– Думаю, нет. Зачем это ему? Они и общались-то чисто по делам. По мелким, профессиональным.

«Ой ли? – подумала я. – Это еще нужно выяснить. Пока что я вижу только одну сторону медали, очевидную для Виталика. И насчет этого Лебедева надо мне поинтересоваться в милиции как можно скорее. Интересно, кто ведет это дело? Хорошо бы, кто-то из своих».

– Адрес Лебедева тебе известен? – спросила я.

– Точно не знаю, но показать могу. Мы как-то заходили к нему вместе с Марианной. Это возле Липок, такой сталинский дом с монументальными подъездами, знаете?

– Знаю, конечно, – кивнула я.

– Третий этаж, дверь направо. Металлическая.

– Хорошо, – я записала данные в блокнот. – Марианна приехала из Пензы?

– Да, из Пензы. Год тому назад.  
– Номер детского дома, в котором она воспитывалась?  
– Восемь, – на мое удивление, сразу ответил Черкасов.  
– Фамилия девушки?  
– Новожилова. Марианна Викторовна.  
– Фотографии ее у тебя есть?  
– Да, конечно, – Черкасов с готовностью подошел к угловому компьютерному столу, пощелкал по клавиатуре и открыл папку с фотографиями.

Марианна была действительно красивой девушкой: чуть выше среднего роста, длинные черные волосы, карие с зеленью глаза, отличная спортивная фигура... Выглядела она действительно броско, заметно. И одежда ее была яркой, но небезвкусной. Модная обувь, разные по цвету и моделям сумки... Я внимательно рассмотрела девушку на всех снимках и повернулась к Виталику:

– Откуда у нее деньги на фитнес? Она работала?  
– Нет, только подрабатывала Ну, уколы, там, делала на дому и все такое.

– Так откуда деньги? Ты ей давал?  
– Нет. Хотя я старался помогать ей по мере сил – мне это несложно. Но Марианна умела распоряжаться средствами. Она не была транжирой.

– И все же? Со стипендии медучилища не будешь менять сумки под каждый наряд, – кивнула я на фотографии. – Да и фитнес стоит недешево. А ведь ей еще и питаться нужно было. Родителей у нее нет, помочь некому. Ты много давал ей денег?

– Нет, немного. Но ей что-то полагалось от государства, кажется, как выпускнице детского дома. Я не знаю, сколько конкретно ей платили, никогда не интересовался этим. Но Марианна не жила впроголодь. К тому же в Пензе она продала квартиру.

– Квартиру продала? – изумилась я. – Это уже интересно!  
– Ну да. Им же по окончании детского дома выделяют жилье. Марианне досталась однокомнатная квартира. Но она не хотела жить в Пензе, продала квартиру и приехала в Тарасов.

– Однако здесь она жилье не приобрела? Правильно я понимаю? – задумчиво спросила я.

– Не приобрела. Ей же дали комнату от общежития – зачем покупать? Это она так рассуждала.

– А деньги от продажи квартиры непонятно где... – протянула я и, повернувшись, прямо обратилась к Виталику: – Тебе что-нибудь известно

про эти деньги?

– Ну, знаете! – возмущенно вскинул он голову. – За кого вы меня принимаете? Чтобы я задавал ей такие вопросы!

– Да не кипятись ты, – поморщилась я. – Кипяток прямо такой крутой! А принимаю я тебя за человека, который был близок этой девушке! Может быть, ближе всех, поскольку больше никого в этом городе у нее не было. И я думаю, что она должна была именно с тобой делиться своими планами. Или я ошибаюсь?

– Нет, все так, – сбавив тон, кивнул Виталик со вздохом. – Но об этих деньгах мы действительно никогда не говорили. Меня они не интересовали, а Марианна... Я вам уже говорил, что она была практичной девушкой. У меня не было сомнений, что она правильно распорядится этими средствами. В банк положит, к примеру.

– Но ведь она сирота! Наверняка она была неопытна в таких вопросах. Ее вполне могли обмануть какие-нибудь мошенники.

– Не знаю, не знаю, – повторил Черкасов. – Мы это не обсуждали.

«Ладно, сама выясню, то есть постараюсь выяснить это в милиции. Может, они уже успели что-то раскопать? Интересно, где эти деньги и кому они теперь достанутся? Понятно, что завещания у девятнадцатилетней девчонки скорее всего никакого и не было... Кому в таком возрасте придет в голову составлять завещание? Но чем черт не шутит? В общем, нужно все это уточнить. Виталик, конечно, оказался полезнее, чем его мама, но все же информации маловато. Нужно ехать в милицию и к Лебедеву. А также в училище и в общежитие. А потом, если понадобится, и в Пензу смотаться. И все это следует начать завтра, прямо с утра».

Разговор с Виталиком, пожалуй, пора было заканчивать. У меня осталось всего несколько вопросов, после чего я собиралась попрощаться с ним, но тут послышался стук в дверь, затем она мгновенно отворилась, и на пороге появилась Альбина Юрьевна. Было совершенно очевидно, что постучалась она чисто для проформы.

– Я прошу прощения, что задержалась с угощением, – начала она, внимательно оглядывая лицо своего сына. – Сергей Николаевич приехал с работы, мы разговаривали... Татьяна Александровна, милости прошу поужинать с нами. Мы как раз садимся за стол. Виталик, и ты... идемте.

Виталик вопросительно посмотрел на меня. Я хотела было отказаться, но потом подумала, что за столом смогу пообщаться с Черкасовым-старшим, чтобы «определиться» со всем их семейством за один вечер.

– Хорошо, спасибо, – я поднялась и пошла вслед за Альбиной Юрьевой, которая спускалась впереди меня, цокая по ступенькам



подметками своих домашних туфельек леопардовой расцветки, на небольшом каблучке.

Сергей Николаевич уже восседал в просторной гостиной за столом. Это был мужчина лет сорока семи, невысокий, с не очень выразительной внешностью, чуть лысоватый, в очках с тонкой золотистой оправой. Одет он был в стандартный, хотя и хорошо сшитый, серый костюм. Сергей Николаевич, нахмурившись, читал газету. Увидев всю нашу компанию, он отложил ее, протер очки салфеткой и пристально посмотрел на меня водянистыми серыми глазами. Я отметила, что Виталик своей милловидностью и смазливостью явно пошел в мать. Черты лица его отца были гораздо более простыми и блеклыми.

«Такой тип внешности хорошо бы подошел для наружки, – невольно подумала я, подавляя улыбку. – Пройдешь мимо – и не заметишь!»

– Сережа, это и есть Татьяна Александровна, она уже взялась за работу. Сразу видно настоящего профессионала, недаром Витя ее так хвалил! – чрезмерно бодрым и оптимистичным голосом заговорила Альбина Юрьевна, легонько подталкивая меня к столу.

– Добрый вечер, – скучным голосом проговорил Черкасов. На лице его не отразилось никаких эмоций.

Мы сели за стол, и появившаяся домработница разлила по тарелкам суп с фрикадельками.

– У нас всегда поздний обед, – с извиняющейся улыбкой проговорила Альбина Юрьевна. – Это все из-за Сережиной службы. Он так много работает! И мы все из-за этого страдаем. Я просто плакать готова!

«Посмотрела бы я, как бы ты запричитала, если бы он лишился своей службы! Навзрыд бы зарыдала!» – неожиданно со злым сарказмом подумала я: Альбина Юрьевна начала меня раздражать своей чрезмерной эмоциональностью, всеми этими «ахами» и «охами».

– Очень вкусно, – вежливо откликнулась я, попробовав суп.

– Виктор Павлович говорил, что обычно вы тратите на расследование дня три-четыре, это так? – спросил вдруг Сергей Николаевич, не отрываясь от еды.

Виталик бросил на него быстрый взгляд.

– По-разному бывает, – уклончиво ответила я. – Но это редко занимает больше недели.

Черкасов ничего не ответил, лишь неопределенно кивнул. Во взгляде Виталика я уловила настороженность. Наверное, он испугался, что отец может поставить какие-то условия, ограничивающие мои действия, и это заставит меня отказаться от расследования. Но Черкасов-старший больше

ничего не сказал на эту тему.

После обеда нам подали кофе с мороженым – натуральный, крепкий, горячий – отличный десерт! Покончив с ним первым, Сергей Николаевич поднялся и, бросив жене: «Я в кабинет», хотел было покинуть гостиную, но я окликнула его:

– Сергей Николаевич, можно задать вам пару вопросов?

Черкасов застыл на месте, после чего произнес:

– Да, разумеется. Спрашивайте.

– Наедине, – уточнила я.

Его раздумье длилось буквально полсекунды:

– Хорошо, после десерта загляните ко мне.

По тому, как нахмурились тоненькие выщипанные брови Альбины Юрьевны, я сделал вывод, что ей не очень-то приятен такой поворот событий и она не совсем довольна моим поведением. Но вот тем ли, что я останусь с ее мужем наедине, или же тем, что я осмелилась потревожить его после тяжелого трудового дня, – этого я так и не смогла определить.

Не отказавшись от второй чашки – уж очень вкусным был кофе, нечасто встретишь подобный, будучи у кого-то в гостях, – я решила закончить беседу с Виталиком.

– С кем Марианна общалась в училище и в общежитии? Ты знаешь какие-нибудь имена?

– У нее не было близких подруг, – сразу же ответил он. – Так, приятельницы. В комнате она жила с девушкой по имени Наташа. Я видел ее несколько раз, когда мы заходили к Марианне.

– Ты бывал у нее в общежитии? – удивленно спросила Альбина Юрьевна, застыв с чашкой в руке, и уголки ее губ поползли вниз.

Виталик не удостоил мать ответом и снова заговорил со мной:

– А в училище она со всеми общалась одинаково дружелюбно.

– За исключением тех девушек, которых она отметелила сумкой, – напомнила я ему.

При этих словах Альбина Юрьевна аж подскочила на стуле.

– Марианна дралась?! – с ужасом, показавшимся мне несколько преувеличенным, даже притворным, спросила она у сына.

Виталик проигнорировал вопрос матери, сморщившись при этом, однако, словно съел кислую дольку лимона. Альбину Юрьевну подобная реакция явно не удовлетворила.

– Виталик! – повысила она голос. – Что, Марианна была такой хулиганкой?

Виталик резко повернулся к матери. Несколько секунд он смотрел ей

прямо в глаза, причем взгляд у него был таким, что у меня даже мурашки пробежали по спине. Затем он медленно приблизил свое лицо почти вплотную к лицу матери и тяжело выдохнул:

– Нет!

Альбина Юрьевна, не ожидавшая подобного, отшатнулась и уже с неподдельным ужасом уставилась на сына. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Мама, – наконец глухо, но твердо произнес Виталик. – Я тебя очень прошу, никогда – ты слышишь, никогда! – не касайся имени Марианны и всего, что с ней связано! – Затем он повернулся ко мне и совершенно спокойно произнес: – Одну из ее знакомых девушек звали Катя Переверзева. Вторую я по имени не знаю, но, думаю, это можно выяснить в училище. Вы собираетесь туда поехать?

– Да, причем завтра.

– А еще куда? – поинтересовался Виталик.

Я улыбнулась.

– В разные места, – ответила уклончиво. – Ты уж за меня не беспокойся, я знаю, что делать.

– Просто Виталик переживает за исход расследования, – не упустила возможности вставить свой комментарий Альбина Юрьевна.

– Расслабься, – бросила я ему, стараясь не обращать внимания на мамашу. – У меня еще не бывало нераскрытых дел. Спасибо за обед, я еще совсем немного у вас задержусь. Где кабинет вашего мужа?

Альбина Юрьевна, разумеется, поднялась и лично пошла меня провожать. Введя меня в кабинет, она – словно бы невзначай – хотела остаться там, но Сергей Николаевич смерил ее молчаливым, но красноречивым взглядом, и супруга нехотя удалилась.

Кабинет хозяина дома был оборудован без помпы, очень функционально. За время пребывания в одиночестве Сергей Николаевич успел снять пиджак и остался в светло-сиреневой рубашке с короткими рукавами и в брюках. Он сидел за письменным столом перед включенным компьютером. Однако я заметила, что никаких важных данных на экране не высвечивалось: там красовалась раскладка старого доброго пасьянса.

Черкасов предложил мне сесть и молча смотрел на меня, не задавая никаких вопросов и, видимо, предоставив мне эту прерогативу.

– Вы общались с милицией? Они делились с вами версиями о произошедшем? – сразу же перешла я к делу.

– Версиями не делились. Потому что, как я думаю, у них и самих их нет, – усмехнулся Черкасов. – Правда, мне пообещали, что этим делом

займется лично начальник убойного отдела.

– Вы хорошо знали Марианну?

– Постольку-поскольку, – ответил Сергей Николаевич. – Сами видите, во сколько я домой приезжаю. Да и они, молодежь, в смысле, не очень-то стремились сидеть в нашей компании, как вы понимаете. Но за столом мы общались, конечно.

– Альбина Юрьевна призналась, что ей не очень нравился выбор сына, – осторожно бросила я, внимательно следя за реакцией Черкасова.

– Альбине не понравился бы любой выбор Виталика, – засмеялся Сергей Николаевич. – Увы, из нее выйдет ужасная свекровь. Можно только посочувствовать нашей будущей невестке.

– Откровенно, – склонила я набок голову, с легкой улыбкой оценив этот ответ.

– Объективно, – пожал плечами Черкасов. – Когда Виталику было всего три года, Альбина призналась, что уже заранее ненавидит его будущую жену.

– Вот даже как? – удивилась я.

– В общем-то, ничего странного. Женщин такого типа много.

– Вы заговорили об отношениях невестка-свекровь. У Виталика были такие планы – жениться?

– Если и были, то он с нами не делился. Но нет, думаю, вряд ли. Не в ближайшем будущем. Ему же нужно закончить университет. Да и Марианна училась. Да и вообще, сейчас многие молодые люди не спешат скрепить свой союз брачными узами. Что ж, это вполне объяснимо: они же и так все имеют! Зачем им эти сложности? Хотя в натуре Виталика, надо отметить, романтизм присутствует.

– А вы были бы против этого брака? – прямо спросила я.

– Да, – столь же прямо ответил Черкасов, не отводя глаз.

– Почему? Вас смущало материальное положение Марианны?

– Нисколько, – покачал он головой. – Я бы обеспечил Виталика и его молодую жену всем необходимым. Татьяна Александровна, неужели вы думаете, что я рассчитывал бы на то, что моего сына будет содержать жена или ее родители? Уж наверное я вполне в состоянии позаботиться о его будущем. И о многом я уже позаботился. Меня в большей степени волновала наследственность невесты. Вы ведь в курсе, что она – детдомовская?

– Да, – подтвердила я.

– Ну вот, это все и объясняет. Кто были ее родители? Неизвестно! Может быть, это какие-то алкоголики, наркоманы, убийцы или вообще

психически нездоровые люди? А от этого, извините, зависит здоровье моих внуков! И я не мог легкомысленно отнестись к этому вопросу.

– Так вы запрещали эти отношения?

– Разве можно что-то запретить взрослому сыну? Нет, в принципе, можно, конечно. Можно пригрозить, лишить финансирования или чего-то еще... Но я не думаю, что это – лучший выход.

– Но вы говорили с сыном на эту тему?

– Говорил. Но каждый из нас, что называется, остался при своем.

– И что же вы еще предприняли?

– Ничего, – с легким удивлением пожал плечами Черкасов. – Я просто решил запастись терпением, практически будучи уверен, что со временем все само пройдет. Виталик пресытился бы романтикой и ему бы стали в тягость эти отношения. Все-таки, какой бы милой ни была эта девушка, детдомовское воспитание в ней чувствовалось. Это только в сказках люди с разным социальным положением живут долго и счастливо. В реальности милому принцу добрейшая бессловесная Золушка осточертела бы уже через пару месяцев.

– Давайте все-таки оставим сказки в стороне, – улыбнулась я. – Значит, вы не требовали, чтобы Виталик разорвал отношения с Марианной, хотя и были против?

– Нет. Он бы все равно их не разорвал на этом этапе.

– И тем не менее именно вы нанимаете частного детектива, чтобы расследовать обстоятельства смерти Марианны?

– Поймите меня правильно, Татьяна Александровна. Для меня важнее всего, чтобы вся эта история поскорее закончилась. И ради этого я готов пойти на такую мелкую жертву. Мне проще заплатить частному детективу, чем потерять доверительные отношения с сыном.

И он с легкой насмешкой посмотрел на меня.

– Что ж, вы мудрый человек, – кивнула я. – Значит, вас не очень-то волнуют результаты расследования, лишь бы они прояснились как можно скорее?

– Можно сказать и так, – согласился Черкасов. – Хотя это звучит, наверное, несколько цинично. Но я хочу, чтобы Виталик получил то, что ему сейчас и нужно, чтобы эта история не затянулась надолго и не мешала ему жить дальше. А в том, что он быстро успокоится, я не сомневаюсь. И девушек таких, как Марианна, в его жизни будет еще не одна. Что же касается фактов по этому делу, то, думаю, вам лучше поинтересоваться всем этим в милиции. Да и друзья Марианны могут рассказать о ней куда больше, чем я. Надеюсь, я прояснил свою позицию?

– Да, вполне, – кивнула я, поднимаясь. – Что ж, Сергей Николаевич, спасибо за беседу. Если вам понадобится узнать, как продвигается расследование, можете мне звонить.

Черкасов кивнул и углубился в экран.

Не успела я покинуть его кабинет, как буквально сразу же, словно бы из-под земли, нарисовалась Альбина Юрьевна. Во взгляде ее угадывалось любопытство, которое она не могла скрыть, ей хотелось выяснить, как пришла моя беседа с ее мужем. Отделяясь от мадам общими фразами, я прошла в прихожую, быстренько обулась и, попрощавшись с хозяйкой и с выглядывавшим из-за ее плеча Виталиком, поспешила на выход.

– Шофер ждет внизу, – сказала Альбина Юрьевна. – Он вас отвезет.

Что-то неуловимое послышалось мне в ее голосе, нечто, показавшееся мне странным, но я так и не поняла, что это было.

До дома меня доставили очень быстро, однако когда я поднялась в квартиру, то обнаружила, что уже половина двенадцатого ночи. Но, поскольку материала для анализа у меня пока что было маловато, а усталость после недельного пребывания на Волге давала о себе знать, я не стала ничем «грузиться», а просто расстелила постель и улеглась спать, оставив все дела до завтра.

## Глава вторая

Утро началось с того, что я проснулась от громкого хлопка. Невольно резко выпрямившись на постели, я обнаружила, что поднялся сильный ветер, и от его порыва в комнате захлопнулось окно. Я слезла с постели и подошла к балкону. Деревья сильногнулись из стороны в сторону, небо затянули фиолетовые тучи, а на термометре значилось плюс двадцать два градуса.

«Что ж, видимо, к нам пришел атлантический циклон, – подумала я. – Вовремя я успела отдохнуть и позагорать!»

Собственно, такая смена погоды мне лично даже на пользу: что ни говори, а в жару работается хуже. Пусть лучше будет прохладно и пасмурно, пусть даже пойдет дождь – для расследования это более приемлемые условия, нежели африканский зной.

Когда я пила кофе после завтрака, капли дождя уже стучали по карнизу. Но меня это не смущало, я готова была отправиться туда, куда потребуется. И все же прежде мне хотелось пообщаться с милицией и посмотреть материалы по факту смерти Марианны Новожиловой, чтобы поточнее определиться с дальнейшим пунктом расследования.

Вспомнив, как Сергей Николаевич говорил о том, что дело находится на контроле у начальника убийного отдела, я набрала рабочий номер подполковника Мельникова, своего старого друга, возглавлявшего данный отдел Кировского УВД.

Андрей Мельников получил подполковничьи погоны не так давно, примерно года полтора-два тому назад. Однако это дало ему повод заважничать, приобрести вальяжные повадки и командный голос. Правда, это в основном отражалось на его подчиненных, а не на мне. Со мною, знавшей Андрея со времен его сержантской юности, он старался вести себя по-прежнему. Если же Мельников изредка забывался, принимаясь при мне важно раздувать щеки и гордо вскидывать голову, я всегда возвращала его на землю, колко напоминая приятелю, сколько дел, по сути, я раскрыла за него.

Работать параллельно с Мельниковым мне приходилось часто, и практически всегда решающая версия оставалась за мной. Мельникову, который, по сути, был очень неплохим оперативником, на мой взгляд, добиваться блестящих результатов мешало его стремление следовать стандартными путями. Он не любил неожиданных версий, поскольку они

могли оказаться опасными. Опасными в глазах его начальства, стараясь избежать гнева которого Мельников и клепал привычные и шаблонные версии. Правда, мне все же удавалось сбить его с этого несправедного пути своей неумолимой жаждой докопаться до истины. Мельников кряхтел, чесал «репу», потом махнул рукой и соглашался «попробовать». И уж потом, когда предложенный мною вариант оправдывался на все сто процентов, он признавал, что я была права, и даже благодарил меня.

Правда, по прошествии энного количества времени Андрей Александрович начинал забываться и говорил, что это изначально была именно его идея. Причем выдавал он эти реплики с такой искренностью, что я только рот открывала от изумления.

Но, к счастью, другом Мельников был хорошим, в помощи никогда мне не отказывал, а если и выпендривался порою, то в основном для вида, чтобы подчеркнуть собственную значимость. Поэтому и сейчас я не колеблясь обратилась к нему. И тон намеренно выбрала непринужденный.

– Здорово, Андрюха, – весело начала я, едва услышав в трубке баритон Мельникова.

– А, это ты, Иванова, – с каким-то разочарованием протянул подполковник.

– А ты на что рассчитывал? – насмешливо спросила я.

– Ни на что хорошее! – отрезал Андрей и вздохнул.

– Что за пессимистическое настроение? – удивилась я. – С каких пор ты стал мрачным мизантропом?

– Станешь тут, – буркнул Мельников. – У меня отпуск через неделю.

– Так это же хорошо. Чем ты недоволен?

– А ты в окно смотрела? Там ливень хлещет!

Струйки дождя за окном и впрямь встали водяной стеной.

– Ну и что? За неделю все сто раз может измениться!

– А может и не измениться! – упрямо стоял на своем подполковник. – Черт, ну почему мне так не везет? Главное, все сотрудники уже отгуляли, пока жара стояла, а я здесь мучился! Теперь, когда моя очередь подошла, – все наоборот! Даже Арсентьеву повезло, а он у нас главный неудачник!

– Да хватит тебе причитать, как старая бабка! К тому же ты наверняка не собирался в городе сидеть? А там, куда ты отправишься, климат совсем другой.

– Я, Иванова, в отличие от тебя, на госслужбе состою! У меня нет средств, чтобы по Египтам разъезжать! – раздраженно отозвался Мельников.

– Зависть, Андрюшенька, – плохое чувство, – попеняла я старому



приятелю. – К тому же в Египте сейчас, прямо скажем, тоже не очень хорошо. Там невыносимая жара стоит. Туда лучше в октябре ехать. И не прибудняйся ты так, я же знаю, что ты вполне можешь себе позволить поездку за границу. В Египет уж, во всяком случае. И вообще, давай лучше к делу перейдем.

– Давай, – неохотно согласился Мельников, который в последнее время очень любил жаловаться на судьбу на пустом месте. – Что за дело-то?

– Марианна Новожилова, – коротко ответила я.

– А-а-а, – протянул Мельников. – А ты-то тут при чем?

– А меня наняла семья Черкасовых, – сказала я. – Знаешь таких?

– А то! – ухмыльнулся Мельников. – Значит, они тебя наняли? Вот же неугомонная семейка! Мало того, что нас тут всех на уши поставили, мне сорок раз звонили, так им еще и частного детектива подавай! А меня начальство и так каждый день за эту Марианну дрючит!

– Что, Черкасов лично тебе названивал сорок раз? – удивилась я.

– Он-то нет, а вот женушка его... Достала просто!

«Узнаю Альбину Юрьевну», – мысленно усмехнулась я и спросила:

– Материалы-то можно посмотреть? Заодно, может, и соображениями своими со мной поделишься? Раз уж мы снова делаем одно дело.

– Приезжай, приезжай! – сказал Мельников. – Тебе же ливень – не помеха!

– Я работаю добросовестно, Мельников, – напомнила я ему.

«А не пузо отращиваю», – добавила про себя, но вслух, конечно, я говорить этого не стала, дабы не портить и без того нерадужное настроение давнего приятеля. Мельников, который порою бывал обидчивым как ребенок, сейчас мог вообще надуться, как мышь на крупу, и просто отказаться общаться. А это мне совсем не было на руку. Поэтому я быстренько свернула беседу и пошла одеваться.

Облачившись в брюки и легкую ветровку и надев непромокаемые кроссовки, я двинулась на улицу. Дождь всего за несколько минут напрудил огромные пузыристые лужи и потоки ручьев. Перепрыгивая через них, я пробралась до своей машины. В РУВД я была минут через пятнадцать.

Мельников сидел в своем кабинете и цедил зеленый чай с жасмином.

– Хочешь? – предложил он. – Кофе закончился.

– Нет, спасибо, – отказалась я, усаживаясь напротив него.

– Зря. Моя жена вычитала, что зеленый чай прекрасно очищает почки и печень.

– У меня с этими органами все в порядке, – улыбнулась я. – Да и с остальными тоже.

– Это пока, – язвительно проговорил Мельников.

– С тобой невероятно приятно общаться! – восхитилась я. – Ты так потрясающе мил и любезен!

– Ладно, ладно, – махнул рукой Мельников, небрежно придвигая ко мне папку с «Делом номер такой-то». – Вот тебе материалы, вникай.

Первой страницей дела был протокол осмотра места происшествия – которое являлось квартирой некоего Анатолия Дмитриевича Лебедева. К протоколу присовокуплялись показания самого Лебедева и соседей, а также заключение судебно-медицинского эксперта о смерти Марианны Викторовны Новожиловой. Из него мне стало известно, что смерть девушки наступила в тринадцать часов тридцать две минуты девятнадцатого июня. Причиной смерти явилось отравление пропанололом, дозировка составляла около трех граммов. Далее шло описание этого препарата, испещренное специальными фармакологическими терминами, не очень мне понятными. Главное, что я для себя уяснила, это то, что для кончины здорового взрослого человека достаточно введения двух граммов этого вещества. Однако внятного описания действия этого препарата я так и не обнаружила. Прочла фамилию судмедэксперта и увидела, что она мне незнакома.

Прочитав результаты вскрытия, я убедилась, что ни алкоголя, ни наркосодержащих веществ в организме девушки не обнаружили. Она также не была беременной или больной.

– Ну что, Мельников, – подняла я глаза на подполковника, изучив материалы. – На самоубийство такое не спишешь, а?

– Похоже, нет, – досадливо засопел Мельников. – Разве что на несчастный случай?.. – с надеждой посмотрел он на меня.

– Не обольщайся, – разочаровала я его. – Сам понимаешь, что это убийство. Так что придется тебе расстараться, чтобы найти виновного и отвязаться от въедливой семейки Черкасовых.

– А ты думаешь, им настоящий преступник нужен? – хмыкнул Мельников. – Нет, Таня, им нужна удобная и правдоподобная версия. Чтобы они могли скормить ее своему сыночку, дабы дитячко успокоилось.

– То есть в унисон и твоим желаниям, – с улыбкой кивнула я.

– Напрасно иронизируешь, Иванова, – неодобрительно вздохнул Мельников. – Ты же знаешь, что я всегда за правду. Но я лицо подневольное, а начальство требует раскрывать дела в кратчайшие сроки. А эта Новожилова и так уже зависла!

– У тебя есть версии?

Мельников почесал в затылке.

– Скорее всего это кто-то из студентов, – высказал он предположение.

– Почему? – удивилась я.

– Ну, во-первых, они медики, хоть и будущие. В ядах должны разбираться, да и доступ у них к ним может быть. Вот и приколотись...

– Ничего себе приколы! – присвистнула я. – Однокурснице яд подсунуть!

– Ну, они же молодые совсем! Знаешь, какая сейчас молодежь, Таня, безбашенная! Может, решили просто пошутить, посмотреть, что получится. Или что похуже... Не поделили что-то с этой Новожиловой. Захотели ей отомстить. Я так понял, она девчонка резкая была. К тому же красивая, я фото видел. Может, ей завидовали.

– «Может, может!» – передразнила я его. – Ты словно на воде гадаешь. На чем-то твои предположения основываются? Ты говорил с этими одноклассниками? Что, у них с Марианной были конфликты?

– Таких уж крупных не было. Но вот некоторые студенты Новожилову откровенно недолюбливали. И это заметно.

– Да, очень уж сильно нужно человека недолюбливать, чтобы решиться на убийство, – заметила я. – Она реально кому-нибудь мешала?

– Да кому она могла помешать! – с досадой проговорил Андрей. – Я сам всю голову сломал: сирота детдомовская, живет в комнатухе в общежитии! Кому могла быть выгодна ее смерть? Да никому! Вот и остается – выдвигать другие версии, нематериального характера. А если вообще все случайно получилось? Ну, напутали девчонки-студентки чего-то, подсунили ей в спешке не тот препарат, потом перепугались... Допустим, у нее голова болела?..

– Я все-таки не думаю, что у простых студентов имеются яды в полном и бесконтрольном их распоряжении, – недоверчиво покачала я головой. – К тому же ты полагаешь, что студенты их хранят вперемешку с лекарственными препаратами?

Мельников только вздохнул, и я поняла, что он и сам не знает, отработкой какой именно версии милиции следует заняться. Поскольку – Сергей Николаевич Черкасов был прав! – у Андрея и не было ни одной мало-мальски здравой версии.

– А вот некий Анатолий Лебедев, – напомнила я. – Главный свидетель по этому делу, как я понимаю. Если не сказать подозреваемый... Его действительно отпустили? Он же вполне может быть виновен.

– Не может, – угрюмо ответил Мельников. – Алиби у него. Яд-то длительного действия, Таня, понимаешь? А Новожилова пробыла у Лебедева всего несколько минут. Мы проверяли: в час дня у нее

закончились занятия, после чего она и зашла к приятелю. И к этому моменту яд в ее организме находился уже несколько часов. Так что Лебедев не при делах. А до этого она была только в училище. Я потому и думаю на этих медиков недоделанных!

– Дай-ка мне адрес Лебедева, – попросила я. – А то у меня только приблизительное описание.

– Ищи, он там есть, – Мельников кивнул на папку с «Делом». – Но вряд ли он что-то важное тебе скажет, мы его уже отработали.

– Ее комнату тщательно осматривали?

– Более чем.

– Никакого дневника, личных записей не нашли?

– Нет, – с нажимом выдохнул Мельников.

– А компьютер? Может быть, какие-то файлы?

– Не было у нее никакого компьютера! – поморщился Мельников. – Там и осматривать-то нечего: кровать, шкаф с тряпками-шляпками, учебники, тетради.

– А в тетрадях смотрели? – не отставала я. – Может, там какие-то записи есть?

– Нет там никаких записей, Иванова! – не выдержал подполковник. – Все просмотрели! Думаешь, что все менты тупые, одна ты умная?

– Ничего такого я не думаю, – примирительно сказала я.

– Значит, успокойся! Раз я говорю, что наши ребята все осмотрели, значит, так и есть.

– А детский дом? – спросила я.

– Что «детский дом»? – не понял Мельников.

– В детский дом вы ездили?

– Зачем? – удивился подполковник. – Она там уже год как не бывала! Да и потом, убили-то ее здесь! Никого в училище из выпускников этого детского дома нет, я проверял.

– Она продала в Пензе квартиру, ты знаешь об этом?

– Да, знаю.

– Ты не думал, где деньги от этой продажи? Их не нашли при осмотре ее комнаты?

– Нет, не нашли. Да я этим особо не заморачиваюсь! Может быть, она их давно потратить успела! Прошло-то уже больше года! А она молодая девка, красивая была, одеваться любила... Опять же, одна в большом городе. Кафе-рестораны, такси-клубы – вот денежки потихоньку и утекли. Это с непривычки кажется, что их много, а как тратить начнешь – вот и нет их! Я по себе знаю.

– Ты что, тоже квартиру продал? – усмехнулась я.

Взгляд Мельникова ясно свидетельствовал о том, что избранный мною ироничный стиль общения он сегодня совершенно не одобряет.

– Хорошо, возможно, ты и прав, – задумчиво сказала я, отставив шутки в сторону. – Ладно, мне пора. Спасибо. Что ж, поможем друг другу, если что-то выясним. У тебя сейчас что в планах?

Мельников смерил меня таким мрачным взглядом, что я поняла риторичность своего вопроса.

– Что ж, гуд бай, – я поспешила попрощаться с зашедшим в тупик подполковником.

Выйдя из РУВД и попав под мощные струи лившего с крыши здания дождя, я быстро запрыгнула в машину и включила дворники. Погревшись несколько минут в салоне, я решила поехать в училище: было еще слишком рано для визита в общежитие. Студенты должны быть на занятиях, а Лебедев, наверное, на работе.

\* \* \*

Старенькое темно-красное здание областного медицинского училища, именуемое с недавних пор колледжем, располагалось у берега Волги. Реку не было видно из его окон. Мне пришлось проехать мимо, сделав затем поворот к училищу. Над Волгой нависли тучи, опустился туман, река казалась вытекшим из огромного тюбика слоем густого клея.

Я остановила машину поближе к входу и, накинув капюшон ветровки, подбежала к тяжелой входной двери. Пройдя внутрь, я ощутила резкий запах медикаментов, кажется, впитавшийся за долгие годы существования учебного заведения в его стены.

Несмотря на современное название, по сути колледж оставался все тем же медицинским училищем, что и несколько лет тому назад. Мне доводилось бывать здесь неоднократно в процессе многочисленных исследований. Да, в помещении сделали хороший ремонт, поставили пластиковые окна, но все же здание оставалось тем же строением в духе уже позапрошлого столетия.

Сидевший на вахте охранник не задал мне никаких вопросов, не потребовал пропуска и вообще проявил поразительное равнодушие. Но это и к лучшему. Я не стала привлекать к себе внимания, просто подошла к расписанию занятий, висевшему на доске, на стене. Здесь я обнаружила,

что у студентов уже началась летняя сессия и в училище проходят в основном консультации и подготовка к экзаменам и зачетам.

Номер группы, в которой училась Марианна Новожилова, я заранее выяснила у Виталика Черкасова и теперь искала его глазами в расписании. Вскоре я уже знала, что группа номер два первого курса занимается на втором этаже, в двадцать четвертой аудитории. А проводит консультацию некая Черновец Наталья Максимовна. И именно с ней я решила побеседовать в числе первых опрашиваемых.

Поднявшись по широкой лестнице с витыми чугунными перилами, я остановилась в коридоре и присела на подоконник, приготовившись к ожиданию. Это не заняло много времени: буквально минут через десять дверь аудитории открылась и, переговариваясь на ходу, в коридор повалили студенты. Точнее, студентки, я отметила явное преобладание представительниц слабого пола. Они были одеты в форменную одежду, но не одинаковую. На ком-то были ярко-зеленые брючные костюмчики, на ком-то голубые, некоторые были в привычных белых халатиках, но в основном коротеньких, без воротника и рукавов.

Я заглянула в аудиторию. Полноватая шатенка лет сорока пяти, с округлыми запястьями сильных рук, собирала книги в объемную сумку. Я постучала и, увидев ее удивленный взгляд, прошла в класс.

– Здравствуйте, я к вам по поводу Марианны Новожиловой, – начала я с улыбкой, не распространяясь о своем статусе. – Скажите, вы преподаете в группе, где она училась?

– Да, я их куратор, – ответила женщина.

– Наверняка с вами уже беседовали, – продолжая улыбаться, проговорила я. – Но мне бы хотелось кое-что уточнить, составить собственное представление. Я также занимаюсь расследованием смерти Марианны.

Я не боялась, что студенты разойдутся и я не сумею с ними поговорить: из того же расписания следовало, что после консультации перед экзаменом у них состоится практическое занятие на первом этаже. Так что я вполне все успевала.

– Ах, да-да, – женщина погрузилась, уголки губ ее опустились, и она понимающе закивала. – Присаживайтесь, – она показала мне на стул за первой партой. Я села на предложенное место, а она опустилась на свой преподавательский стул.

– Наталья Максимовна, – начала я, намеренно обращаясь к преподавательнице по имени-отчеству, дабы продемонстрировать свою осведомленность и завоевать ее доверие. – Давайте начнем с самого

простого. Что вы можете сказать о Марианне?

Наталья Максимовна призадумалась.

– Хорошая студентка, настырная. Хотя она проучилась только один год, можно с уверенностью сказать, что у нее все получилось бы в медицине. Понимаете, многие отсеиваются именно после первого курса. Это люди, попавшие в медицину случайно. И, слава богу, у них хватает ума это понять и сменить место учебы.

– К сожалению, как показывает практика, не у всех, – со вздохом отметила я.

– Не у всех, – строго согласилась Наталья Максимовна. – Но ведь это не только к сфере медицины относится. Просто в других областях непрофессионализм не так явно бросается в глаза.

– Ладно, оставим это, – махнула я рукой. – Значит, Марианна не была в медицине случайным человеком?

– Нет. Конечно, особого дара я у нее не отмечала, но, во-первых, об этом и говорить пока рановато, во-вторых, не всем же быть гениями. Нужны нормальные, добротные специалисты. Главное – она ничего не боялась. Ни крови, ни гноя, ни инструментов. Знаете, некоторые от вида скальпеля в обморок падают, – усмехнулась Черновец. – А ее я даже в операционную хотела определить – для практических занятий. А операционная медсестра – это особая статья. Это вам не уколы ставить! Правда, потом все же я отправила ее на «Скорую». В операционную первокурснице все-таки рановато идти. Но думаю, что она после училища пошла бы в институт и стала врачом.

– Хирургом? – предположила я.

– Может быть, и хирургом. Но теперь, увы, этого никогда не будет.

И женщина тяжело вздохнула.

– Наталья Максимовна, опишите, пожалуйста, Марианну как человека. Какой она была, с кем дружила?

– В группе у нее не было близких подруг, – покачала головой преподавательница. – Она не очень-то сходилась с девочками.

– Почему? Из-за того, что была приезжей?

– Не думаю, что дело в этом. У нас много приезжих девушек. Дело в ее строптивости. И еще – она была воинственной. Держалась с превосходством.

– Претендовала на лидерство?

– Нет, скорее на независимость. Ей не нужны были подчиненные, она была сама по себе. А это тоже многим не нравилось.

– У нее бывали конфликты с одногруппниками?

– Крупных не было.

– Я слышала, что у нее возникла ссора с Катей Переверзевой, – и я воспроизвела рассказ Виталика.

Черновец поморщилась:

– Да, неприятная история. Кажется, они подрались. Катя что-то обидное сказала Марианне, насчет ее происхождения... Вы же, наверное, знаете, что она была сиротой, воспитывалась в детском доме?

Я молча кивнула.

– Ну так вот, а Катя как-то проехала насчет ее родителей. Марианна схватила сумку с инструментами и запустила в нее. Это произошло не в стенах училища, на улице, при этом не присутствовал никто из преподавателей, потому все и обошлось малой кровью. Девчонок вызывали в деканат, беседовали с ними, но обе стояли на своем: никакой драки не было, это все неудачная шутка. Ну, в конце концов, их оставили в покое.

– Простите, Наталья Максимовна, а откуда же это стало известно?

Черновец нахмурилась, но промолчала.

– Наталья Максимовна? – повторила я, настойчиво пытаюсь заглянуть куратору в глаза. – Я жду. Ведь речь идет об убийстве вашей студентки...

– Я не думаю, что этот инцидент имеет какое-то отношение к ее смерти, – медленно произнесла Наталья Максимовна и повернулась ко мне. – Ну, хорошо, я вам скажу. Об этом нам сообщила одна из студенток.

– Фамилия, – коротко потребовала я, достав блокнот.

– Лена Зубанова, – сухо ответила преподаватель.

– А ей это зачем?

– Для порядка, – совсем отвернувшись от меня, сказала Наталья Максимовна.

– Местная стукачка? – усмехнулась я. – Что, и такое явление процветает в вашем училище?

– Ой, как вы неудачно выразились, – Наталья Максимовна скривилась. – Ничего подобного! Просто Лена – староста группы, она за все отвечает! Потом с нее же и спросят! А многие этого не понимают.

– Ясно, – кивнула я. – И когда же точно произошел этот эпизод?

– Весной. Кажется, в апреле – тепло уже было, девчонки в перерывах во двор выходили. Но вы зря на этом акцентируете внимание. Наши студенты непричастны к смерти Марианны, я в этом уверена.

– Ее отравили лекарственным препаратом, – подняв палец, заметила я. – Не забывайте, что у вас – медицинский колледж!

– Неужели вы думаете, что у нас студенты имеют свободный доступ ко всем лекарствам?! – изумилась Наталья Максимовна. – Они же не врачи,



даже не медсестры, а всего лишь студенты!

– Но у них же бывают какие-то практические занятия, – предположила я.

– Занятия! – усмехнулась преподаватель. – Да они пока еще только бинтовать правильно учатся!

– А я выяснила, что они уже должны были учиться ставить системы, – заметила я.

– И вы думаете, им для этого выдают яды? – саркастически спросила Черновец. – Занятия проходят под строгим контролем преподавателя! Все препараты абсолютно безобидны. На руки студентам не выдают ничего! Все яды у нас хранятся в специальном сейфе, под ключом, и он имеется только у руководителя группы. В противном случае они бы все уже от несчастной любви потравились, возраст-то, сами понимаете, какой!

– То есть у вас нет никаких версий – почему Марианна погибла?

– Абсолютно никаких, – покачала головой Наталья Максимовна. – Сама удивляюсь! У нее не было большого количества знакомых. Знаю лишь, что она встречалась с каким-то парнем, вроде бы он из обеспеченной семьи. Может быть, это его работа?

«Теоретически, все возможно, – подумала я про себя. – Но вообще-то непохоже».

– Да! – неожиданно оживилась Черновец. – Вы знаете, а ведь Марианной интересовался какой-то мужчина! Может быть, это он причастен к ее смерти? Или он что-то знает?

– Что за мужчина? – настала очередь оживиться уже и мне.

– Молодой, лет двадцати пяти, в темных очках... – принялась перечислять его приметы Наталья Максимовна. – Честно говоря, я его не очень хорошо запомнила, потому что тогда торопилась, а он сидел в машине...

– В машине? Что за машина? – торопливо спросила я, доставая блокнот.

– По-моему, «Рено». Такого темно-красного, насыщенного цвета, заметная машина.

– Этот мужчина был за рулем?

– Да, он сидел на водительском сиденье, – Наталья Максимовна наморщила лоб. – А я проходила к корпусу. Как раз дождь шел, я торопилась. Он не стал из машины выходить, только высунулся из окна. Я еще удивилась: дождь идет, а на нем темные очки.

– И что он сказал?

– Начал расспрашивать меня о Марианне, о том, как она училась... Но

я ничего не стала ему говорить – с какой стати?

– Он как-нибудь представился вам?

– Нет, просто сказал, что он ее знакомый.

– Странно, – протянула я.

– Вот и мне теперь это кажется весьма странным! – подхватила Наталья Максимовна.

– Когда это было?

– Примерно неделю тому назад или чуть больше. В общем, сразу после смерти Марианны.

– И больше вы его не видели? Или его машину?

– Машину точно не видела, – покачала она головой. – А вот его самого... Я же говорю, что плохо его запомнила – торопилась, да еще очки эти... Но вроде бы не видела.

– Вы узнали бы его при встрече?

– Не знаю, – честно призналась Черновец. – Может, и нет. Да я с ним и говорила-то меньше минуты.

– Номер машины вы, конечно, не запомнили?

– Конечно. Я и запоминать не стала. Даже не подумала тогда, что это важно.

– Как зовут девушку, с которой Марианна жила в комнате общежития? – перевела я разговор на другую тему.

– Так же, как и меня – Наталья. Фамилия – Крохалева, – ответила преподавательница, и я записала фамилию девушки в блокнот.

– Кто еще из ваших студентов живет в общежитии?

– Многие живут, – пожалала она полными плечами.

– А Лена Зубанова и Катя Переверзева?

– Катя – местная, а Лена действительно живет в общежитии, – сообщила Черновец.

– Наталья Максимовна, припомните, как Марианна вела себя в день своей гибели? Может быть, вам что-то показалось странным в ее поведении? Или, например, что-то ее тревожило? – этот вопрос был очень важен для меня.

– Я понимаю, о чем вы говорите, – кивнула Наталья Максимовна. – Но здесь я вам ничем не помогу: в тот день меня не было в училище. Студенты занимались у другого преподавателя.

– Вот как... – разочарованно протянула я. – И какие занятия у них шли в тот день?

– У них были консультации перед сессией. Сейчас я уточню...

Она достала из ящичка стола тетрадь большого формата и принялась

перелистывать ее.

– Вот, – наконец сказала она. – Консультации по анатомии и физиологии. Но, увы, побеседовать с педагогом вы не сможете: Ольга Васильевна четыре дня назад ушла в отпуск. Сразу после того, как ребята сдали экзамен.

– Я хотела бы побеседовать с вашими студентами, – сказала я куратору.

Это сообщение не вызвало особого восторга у преподавательницы, но и возражать она не стала.

– Что ж, – посмотрев на наручные часы, ответила она. – У них через полчаса заканчивается очередное занятие, можете подождать. Но только в коридоре, уж извините. Мне пора, я и так задержалась.

Я поблагодарила Наталью Максимовну за беседу и, выйдя из класса, спустилась на первый этаж. Времени было достаточно, и я прошла в буфет. На небольшом листочке меню, прикрепленном к стене скотчем, значились блюда: стандартный набор для подобного заведения. Первое, два вторых – на выбор, булочки-пончики-ватрушки...

Взяв чашку кофе и пирожное, я присела за столик в углу. В столовой было пусто. За стойкой хлопотала пожилая буфетчица, она же, видимо, – по совместительству – и посудомойка. Я лениво помешивала ложечкой сахар в кофе и жалела, что не прихватила с собой какой-нибудь журналчик, дабы скоротать время.

Вскоре место за соседним столиком занял какой-то парень – довольно-таки высокий, спортивного телосложения.

«Наверное, будущий хирург», – подумала я про себя.

Все хирурги-мужчины представлялись мне такими широкоплечими богатырями под два метра ростом. Этот, правда, до двух метров явно не дотягивал, да и крепкости ему недоставало, но у него еще было время кое-что наверстать.

Парень откусил кусочек от пирожка и принялся неторопливо прихлебывать чай. Я к этому моменту уже покончила со своей нехитрой снедью и решила пока что позвонить Виталику Черкасову, чтобы поинтересоваться, во сколько начинаются занятия в «Волга-спорте» – вчера я как-то не удосужилась прояснить этот момент.

Разговаривать в столовой и привлекать чье-либо внимание мне не хотелось, и я вышла во двор. Дождь уже прекратился, воздух наполнился прохладой, и я потихоньку двинулась по территории училища к воротам. Достала телефон, набрала номер, и тут... Меня словно током ударило! У

ворот училища стоял темно-красный «Рено»! Я быстро взглянула на водительское сиденье: пустое. И вообще в машине никого не было.

Круто развернувшись, я бросилась обратно в училище. В вестибюле никого не было, только охранник невозмутимо занимал свое место да в конце коридора слышались приглушенные удаляющиеся шаги.

– Здесь проходил кто-нибудь? – на бегу крикнула я охраннику.

Тот лишь недоуменно пожал плечами. Я вихрем пронеслась через коридор, выскочила на лестницу, ведущую ко второму выходу, быстро спустилась по ней и оказалась на заднем дворе. Пусто! Я метнулась назад, проделав тот же путь в обратной последовательности. Никого.

Снова во двор, на улицу – машины не было! Я огляделась по сторонам, но ничего, похожего на красный «Рено», в поле зрения не обнаружила...

Глубоко вздохнув, я, теперь уже гораздо медленнее, побрела обратно в училище.

– Скажите, мимо вас несколько минут назад никто не проходил? – вновь обратилась я к охраннику.

– Только студент какой-то, – пожал он плечами, глядя на меня с некоторым подозрением. – А вы вообще-то кто?

– Я к Наталье Максимовне, – не стала я вдаваться в подробности.

Пройдя в столовую, я обнаружила лишь буфетчицу, мывшую огромную алюминиевую кастрюлю и что-то монотонно напевающую себе под нос. Столик, соседний с моим, пустовал.

– Простите, пожалуйста, – я подошла к буфетчице, и та неохотно оторвалась от своего занятия, подняв на меня глаза. – Парень, который только что здесь обедал, это ваш студент?

– Понятия не имею, – развела женщина мокрыми руками. – Хотя вроде бы нет... Во всяком случае, я раньше его не видела.

– Спасибо, – кивнула я и вышла из столовой.

Отыскать Наталью Максимовну у меня не получилось: видимо, она уже покинула пределы училища. Но что это все могло означать? Человек в красном «Рено» следил за ней? Или все же за мной? Или он вообще оказался здесь по своим делам, и я лишь случайно натолкнулась на его машину? В сущности, Наталья Максимовна не могла бы мне ответить на эти вопросы: она сразу предупредила, что вряд ли сможет узнать человека, расспрашивавшего ее о Марианне Новожиловой. И самое главное, что я, торопыга, впопыхах не обратила внимания на номер, украшавший блестящий «Рено»!

«Одним словом, Татьяна Александровна, вы малость лопухнулись, – со вздохом призналась я самой себе. – И теперь вам придется исправлять

эту ошибку!»

Исправить собственную оплошность я была вполне готова, вот только не знала покуда, как это сделать...

Посмотрев на часы, я увидела, что полчаса, оставшиеся до окончания занятий, истекли. И теперь можно хотя бы побеседовать со студентами. Вдруг этот владелец «Рено» подходил к кому-то из них, и сейчас прояснится хотя бы что-нибудь?

Теща себя этой надеждой, я отправилась беседовать с однокашниками Марианны.

\* \* \*

Занятие закончилось, студенты шумной толпой выходили из кабинета. Я остановилась чуть поодаль и громко произнесла:

– Уважаемые студенты! Минуточку внимания! Я веду расследование гибели вашей подгруппы, Марианны Новожиловой. Наталья Максимовна заверила, что вы готовы оказать мне содействие в раскрытии этого преступления. Поэтому убедительная просьба – задержаться для короткой беседы.

Студенты растерянно остановились, молча оглядывая меня. Некоторые начали перешептываться. Затем все взгляды обратились к высокой, широкой в кости девушке с темно-русыми волосами, заплетенными в косу, уложенную «корзиночкой». Девушка была в форменном брючном зеленом костюме. Крупные черты ее лица казались несколько надменными.

– Ну... хорошо, – кивнула та, принимая какой-то неестественно-представительный вид. – Меня зовут Елена, я староста группы.

– Елена Зубанова? – уточнила я, доставая блокнот и также напуская на себя серьезный вид.

Я безошибочно определила, что эта девушка, нацепившая маску преувеличенной важности, из породы людей, кто шутить не любит, и стиль общения с ней должен быть деловым и подчеркнуто официальным.

– Совершенно верно, – кивнула та.

– Меня интересуют события, произошедшие в вашем училище девятнадцатого июня. Проще говоря, что случилось в то утро, ставшее последним в жизни Марианны? Не заметили ли вы чего-то необычного?

Студенты переглянулись. Наконец староста ответила:

– Ничего не заметили, все было, как обычно.

Остальные закивали.

– Наверное, лучше нас вам расскажет Наташа, – робко заметила студентка в халатике, маленького роста, похожая на ученицу средних классов школы.

Ребята обернулись в сторону миловидной шатенки со вздернутым носиком. Та изумленно вскинула бровки, но тут же быстро заговорила:

– Да, мы жили с Марианной в одной комнате, но я тоже ничего необычного не заметила.

– Наташа, вещи Марианны по-прежнему остались в вашей общей комнате?

– Да, только я оттуда переехала. Мне стало немного жутко там жить, – Наташа передернула плечиками и как-то виновато посмотрела на меня.

– Вот что, девушки! У вас занятия на сегодня закончились?

– Да, – подтвердила староста.

– Тогда я предлагаю пройти в общежитие. Те, кто не живет там, могут быть свободны. За исключением... – я сделала паузу и продолжила: – За исключением Кати Переверзевой.

Стоявшая позади всей группы худенькая вертлявая крашеная блондинка моментально вспыхнула и обменялась тревожным взглядом с Леной Зубановой. Староста, однако, взяла себя в руки и спокойно сказала:

– Хорошо, пойдете.

– Ребята, – обратилась я к остальным, – если вы все же владеете какой-то информацией о жизни Марианны или о том, что могло послужить причиной ее смерти, поделитесь, пожалуйста, вашими сведениями со следствием.

Студенты молчали.

– Ладно, я на всякий случай оставлю вам номер своего телефона, – проговорила я, доставая блокнот и записывая номер своего сотового, – я намеренно не стала раздавать студентам свои визитки, на которых ясно было написано, что я являюсь всего лишь частным детективом. Пусть думают, что я работаю в официальных органах.

Листок с номером взяла одна из девушек. Потоптавшись, студенты начали расходиться. Осталась лишь небольшая их группа. Вместе с ними я и проследовала к выходу.

До общежития колледжа идти было совсем недалеко, путь можно было проложить и через двор, что мы и сделали. По дороге я отметила, что спавшая было вместе с дождем жара теперь вновь неуклонно набирает обороты. Температура явно повысилась, лужи уже практически высохли, причем после прошедшего ливня стало куда более влажно и душно, воздух

был теплым и противным, как в парилке.

Подойдя к зданию общежития, мы поднялись на второй этаж и двинулась по коридору.

– Вот комната, в которой мы жили раньше, – показала рукой Наташа. – У меня остался ключ, я могу ее открыть.

– Да, пожалуйста, – попросила я.

Через полминуты я уже была в помещении, служившем жилищем Марианны Новожиловой на протяжении года. Комната примерно метров восемнадцати, стандартный прямоугольник. Две кровати вдоль стен, друг напротив друга, письменный стол, шкаф. Обстановка небогатая, но жить вполне можно.

«И все же это не идет в сравнение с собственной квартирой, пусть даже в Пензе! – подумала я. – Что же заставило Марианну отказаться от личной жилплощади и перебраться на казенные метры?»

– Вот это – кровать Марианны, – показала Наташа на левую от входа стену.

Мы стояли посреди комнаты, я осматривалась, а девчонки переминались с ноги на ногу. Я отметила, что в их группе не было ни одного парня: по крайней мере, на сегодняшних занятиях присутствовали одни девушки.

– Что же, юноши игнорируют ваше заведение? – чуть улыбнувшись, полюбопытствовала я.

– Просто у нас профиль – акушерство, – пояснила Наташа. – Мало кому из мальчиков это интересно. А в других группах много юношей.

– Ну что, может быть, присядем, чтобы беседовать было удобнее? – непринужденно предложила я.

– Мы можем принести стулья, – сказала одна из девушек, метнувшись к двери. Остальные отправились туда же.

Я подумала, что девчонкам явно не хочется садиться на кровать, на которой спала Марианна. Нелепое суеверие, конечно, но мне, в сущности, это было неважно. Стулья так стулья, хотят – пусть таскают, пока молодые.

Вскоре комната опять наполнилась девушками. Они наконец расселись, причем для меня стула, естественно, не захватил никто, и я уселась прямо на кровать Наташи Крохалевой, наплевав на все условности. В конце концов, это не кровать покойницы!

– Значит, на занятиях ничего необычного вы не заметили? А Марианна не жаловалась на состояние здоровья?

– Нет, она вела себя, как всегда, – сказала Лена Зубанова.

– Как всегда – это как? – решила я подбодрить ее улыбкой.

- Сидела и записывала то, что говорила Ольга Васильевна.
- А в перерыве?
- В перерыве она, по-моему, ни с кем не общалась. Во всяком случае, я с ней не разговаривала.
- В буфет она не ходила, часом?
- Нет, в буфет не ходила, совершенно точно, – ответила Наташа Крохалева. – Я это помню, потому что сама предложила ей перекусить, я встала поздно и не успела позавтракать. А Марианна сказала, что она не голодна.
- Вот как? Значит, она все-таки успела позавтракать? – спросила я. – Наташа, пожалуйста, вспомни все. Что было в тот день, с самого начала. Это очень важно для расследования! Ведь никто лучше тебя не сможет описать то утро.
- К сожалению, я плохо могу его описать, – вздохнула Наташа. – Я же говорю, что встала поздно. У нас консультации должны были начаться в десять, вот я и решила отоспаться. Встала уже в половине десятого и тут же стала краситься. Тут уж не до завтрака было!
- На лице Лены Зубановой, напрочь лишенном макияжа, появилась усмешка.
- Марианна где была в это время?
- А она куда-то ушла, еще рано утром, кажется. Я слышала сквозь сон, как она закрывала дверь. И потом мы встретились с нею только на занятиях.
- И ты не спросила ее, куда она ходила? – удивилась я.
- Нет, – Наташа тоже удивилась. – Мало ли куда ей понадобилось отойти? Например, в магазин. Что здесь такого? Марианна вообще была жаворонком, она всегда просыпалась раньше меня.
- А после занятий? Она говорила, куда собирается?
- А вот после занятий она, кстати, пожаловалась на головную боль, – припомнила Наташа. – Еще сказала, что с утра голова у нее болела, но она таблетку приняла, и все вроде прошло. А потом опять возобновилась.
- Таблетку приняла? – насторожилась я. – Где она ее взяла?
- Ой, вот этого я не знаю! Наверное, в аптеке купила, где же еще? – обескураженно предположила Наташа. – И еще она говорила, что устала. Я ей заметила, что это, наверное, нервное, перед сессией. У многих бывает. Даже посоветовала ей никуда не ходить, полежать в комнате. Но она сказала, что только ненадолго съездит и вернется. Но уже не вернулась...
- Куда она поехала, ты знаешь?
- Кажется, к какому-то человеку, с которым она на практике



познакомилась. Она на станции «Скорой помощи» практиковалась, а он там работает. Вроде бы он ей что-то обещал дать, для занятий.

– И все? Больше она никуда не планировала заехать?

– По-моему, нет, – сказала Наташа. – Мне, во всяком случае, она ничего не говорила.

«Скорее всего так оно и было, – подумала я. – Марианна поехала прямо к Анатолию Лебедеву, поскольку занятия окончились в час дня, а у него она была в начале второго. В перерыве между консультациями в буфет она не ходила и никаких лекарств не принимала. А это значит, что яд попал в ее организм еще до начала занятий. И все это время, пока она сидела за партой, организм ее подвергался интоксикации. Неудивительно, что под конец консультации она почувствовала себя плохо. Я, правда, не совсем знаю, как действует этот пропанолол, но, может быть, как раз Лебедев сможет мне это объяснить популярно? Все-таки он на «Скорой» работает».

Но пока что следовало продолжить беседу со студентками.

– Девочки, теперь я хочу обратиться сразу ко всем вам, – обвела я взглядом скучковавшихся девчонок. – Что вы знаете о Марианне? Чем была наполнена ее жизнь? Почему она вообще приехала из Пензы? С кем дружила, чем занималась в свободное время? И какие у вас самих есть версии случившегося?

О некоторых из этих пунктов я уже имела кое-какое представление, так как беседовала с Виталиком Черкасовым. Но, во-первых, студентки, жившие недавно с Марианной бок о бок, могли знать куда больше – и потому, что проводили много времени вместе, и потому, что были девчонками. Не всегда мужчине доверишь все секреты, даже если это твой парень. А во-вторых, Виталик подавал информацию, что называется, со своей колокольни. У соседок по общежитию мог быть совершенно иной взгляд на действительность, окружавшую Марианну. И еще мне не давал покоя вопрос о деньгах, полученных Марианной от продажи пензенской квартиры. Куда они могли деться?

– Марианна была детдомовской, – медленно начала говорить Наташа Крохалева. – Наверное, поэтому она и приехала в Тарасов. Что ее держало в Пензе, если там у нее никого нет из родных? Да и учиться она хотела. А в Тарасове много всяких учебных заведений, как-никак город студентов! Марианна мечтала после окончания колледжа поступить в мединститут.

– Марианна продала в Пензе квартиру, – проговорила я. – Она рассказывала об этом?

– Да, как-то раз упомянула, – кивнула Наташа. – Я, правда, спросила тогда – а почему же ты не купишь себе жилье здесь? Но Марианна сказала,

что на квартиру в Тарасове этих денег все равно не хватит, а в коммуналку она въезжать не хотела. Вообще, ей почему-то была неприятна эта тема. Она сразу хмурилась, закрывалась, а я не настаивала на подробностях. Зачем, если человек не хочет говорить?

«Лучше бы ты была любопытнее и понастойчивее! – с досадой подумала я. – Но если бы можно было все предусмотреть! Ломай теперь голову, почему это было Марианне неприятно и где деньги!»

– А деньги от продажи квартиры она что же, потратила? – стараясь говорить непринужденно, спросила я.

Девушки снова переглянулись.

– Вряд ли, я так не думаю, – протянула Крохалева. – Она не очень много тратила. Правда, она ходила заниматься в фитнес-центр. Это, конечно, отнимало у нее средства. Но ведь не все! Но я никогда не видела у нее в комнате больших денег. Хотя, естественно, я не рылась в ее вещах.

– Но ведь после ее смерти милиция все осмотрела, – строго глядя на меня, заметила Зубанова. – И никаких денег не нашли.

– Разумеется, я в курсе, – успокоила я ее бдительность. – Потому и интересуюсь у вас, может быть, вы что-то знаете об этом.

– Марианна не очень-то любила делиться своими личными мыслями и планами, – сухо сказала староста группы. – У нее был непокладистый характер.

– Ой, да нормальный у нее был характер! Хватит наговаривать! – поморщившись, махнула рукой Наташа. – Просто у каждого человека есть своя личная жизнь, в которой он не обязан ни перед кем отчитываться!

– Кстати, о личной жизни, – ввернула я. – Что вам известно об этом? Какой бы ни была скрытной Марианна, но все-таки всего не утаишь!

– Да она и не пыталась ничего утаивать, – ответила Крохалева. – Мы все знали, что она встречается с молодым человеком, Виталиком Черкасовым. Она познакомилась с ним как раз в фитнес-центре, почти сразу же после того, как поступила в училище. Ну и что здесь такого?

– Какими были их отношения? – игнорируя последний, риторический вопрос Наташи, спросила я.

– Нормальными, – пожала та плечами. – Даже, можно сказать, отличными.

– Не такими уж и отличными, – вставила вдруг одна девушка, имени которой я не знала. – Марианна как-то проговорилась, что она не нравится его родителям!

– Ну и что? – тут же кинулась на защиту погибшей подруги Наташа. – Жила-то бы она с ним, а не с его родителями!

– Да это одно и то же! – фыркнула вдруг Катя Переверзева, до этого момента сидевшая тихо, как мышь. – И вообще, скажешь тоже – жить! У них просто трали-вали были, и ничего серьезного! А если бы даже разговор об этом и зашел, сразу ясно бы стало, что ей тут ловить нечего! Всем же ясно, что Виталик сидел на папенькиной шее! А вот лишил бы его папик наследства за эту «дружбу» с Марианной, посмотрела бы я на них!

– Ты просто завидуешь, и все! – с ноткой презрения заметила покрасневшая Наташа.

– Я? Вот уж нашла чему завидовать! – скривилась Катя и отвернула к стене сердитое лицо, похожее на мордочку лисички.

– Конечно, завидовала! – распалившись, продолжала Наташа. – Ты постоянно пыталась ей жизнь отравить, задиралась, это все видели! А теперь ты не можешь Марианне простить, что она тебе по шее надавала!

После этой фразы в комнате повисла тишина. Переверзева, которая хотела было ее нарушить, открыла и тут же закрыла рот, с беспокойством метнув взгляд в сторону Лены Зубановой. Та мрачно покосилась на нее, но ничего не ответила, лишь сложила руки на коленях и поджала губы.

– А вот об этом поподробнее можно? – четко произнесла я, обращаясь конкретно к Кате.

Переверзева не могла этого не понять. Она заерзала на своем стуле, еще раз посмотрела на Зубанову, хранившую каменное молчание, и наконец выдала:

– Новожилова сама была виновата! Это даже преподаватели отметили!

– В чем состояла суть конфликта? – настойчиво уточнила я, не обращая внимания на эмоции Кати.

Переверзева молчала, нервно теребя в руках сумочку. Наташа хотела было что-то сказать, но тут послышался ровный голос Зубановой:

– Новожилова устроила безобразную сцену с рукоприкладством. Прямо на территории колледжа. Я была вынуждена поставить об этом в известность администрацию.

Я заметила, что Наташа Крохалева при этом чуть не задохнулась от негодования. Она подскочила на своем стуле и, гневно сверкая карими глазами, быстро заговорила:

– Эту версию ты подсунула Наталье Максимовне, чтобы выслужиться перед ней лишний раз, хотя все прекрасно знают, что все было не так!

– В подобном тоне я вообще не собираюсь продолжать разговор, – надменно произнесла Зубанова и отвернулась, но было заметно, что остальные девушки явно на стороне Наташи. Они начали подавать реплики, сперва робко, а потом все более и более уверенным тоном. Это

явно ободрило Крохалеву, и она заговорила еще решительнее:

– А почему это ты не хочешь продолжать разговор? Подумаешь, цаца какая! Я тебя вообще-то ничем не оскорбила! Просто нужно говорить правду, а не то, что удобно вам с Катей! Тем более если речь идет об убийстве!

– Еще никто не доказал, что это было убийство! – уже с трудом сохраняя хладнокровие, отозвалась Зубанова.

Я тихо сидела, не вмешиваясь, предоставляя студенткам самим развивать ситуацию. Мне было интересно, что же выяснится в процессе этой перепалки? В такие минуты часто на поверхность всплывает то, что не прояснилось бы при спокойной, обстоятельной беседе.

– А почему это ты так заволновалась? – Наташа прищурилась и придвинулась ближе к Лене. – Или тебе выгодно, чтобы все считали это несчастным случаем?

– Ты думай хоть иногда, Крохалева, что говоришь! – уже не скрывая злости, сказала Зубанова. – Сама распущенная, за языком не следишь, и хочешь, чтобы все такими же были!

– Это только ты у нас прикидываешься правильной! А на самом деле делаешь все, как тебе выгодно! Потому и к Наталье Максимовне постоянно бегаешь жаловаться! – парировала Наташа.

– Я не жалею, а отвечаю за порядок! – не выдержав, вскричала Лена. – А на вас надеяться – никакой дисциплины не будет! Все полетит в тартарары!

– Ну уж не надо говорить, будто мы все – такие распущенные и недисциплинированные! – поддержала Наташу другая девушка. – Хочешь сказать, что Катя была права, начав издеваться над Марианной? И это было уже не в первый раз!

– Но Новожилова начала драку! – стояла на своем Зубанова.

– Правильно, потому что Катя ее спровоцировала! Если бы тебе такое сказали, неизвестно, как бы ты отреагировала! Я, например, прекрасно понимаю Марианну.

– Признайся, Катя, ты же постоянно приставала к Марианне! – Наташа поднялась и подошла вплотную к однокласснице.

– Да пошли вы все! – Переверзева неожиданно вскочила со стула и быстрыми шагами проследовала к двери.

Буквально вылетев в коридор, она резко толкнула дверь назад, и та захлопнулась с оглушительным треском.

– Вот, пожалуйста, – протянула Наташа, как бы давая понять, что подобное поведение – норма для Кати. – Вечно кашу заварит на ровном

месте. Это она устроила безобразную сцену, а не Марианна! А ты непонятно почему ее защищаешь!

Этот выпад относился к Лене Зубановой.

– Я слежу за порядком, – сквозь зубы повторила та. – Ничего личного.

– Можно подумать, ты не слышала, что Катя сказала Марианне!

– Я уже сказала тебе, что не собираюсь разговаривать в подобном тоне! – повысила голос Зубанова.

– А ты на меня не кричи! И не воображай о себе много. Подумаешь, староста! Старосту, вообще-то, мы сами выбираем. И можем тебя переизбрать, никто нам не запретит.

Я увидела, что лицо Зубановой покрылось неровными красными пятнами, однако она отчаянно пыталась сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Это должен решать совет преподавателей, – бросила она.

– Ничего подобного! – Наташу уже было не остановить. – Это внутренние вопросы. Очень нужно преподавателям ими заниматься! И даже Наталья Максимовна – это было видно! – не очень-то была довольна, когда ты ей наябедничала на Марианну! Она явно предпочитала, чтобы мы сами разобрались. Так что хватит преподавателями прикрываться.

Зубанова незаметно обвела взглядом остальных студенток. Однако их взгляды свидетельствовали о том, что большинство девушек разделяет точку зрения Крохалевой. Видимо, чувствуя, что сейчас силовой перевес не на ее стороне, и надеясь выбрать более подходящее время для упрочения своих позиций, Лена поднялась, стараясь держаться прямо и с достоинством, и поплыла к двери. Обернувшись, она негромко произнесла для меня одной:

– До свидания. Если понадобится – я в своей комнате, номер двенадцать.

И вышла, очень аккуратно прикрыв за собой дверь. После ее ухода все как-то разом стихли.

– Девочки, может быть, кто-нибудь все-таки расскажет мне подробности той истории? – наконец нарушила я свое долгое молчание. – А то вы все очень эмоционально спорили, а сути я так и не поняла.

Наташа посмотрела на одноклассниц и, получив их молчаливое одобрение, начала рассказывать:

– В общем, Катя и раньше пыталась дразнить Марианну. Она вообще злая на язык, это все знают.

Она обвела взглядом девушек и, убедившись, что никто не возражает, продолжила:

– Мы стояли во дворе – как раз была середина весны, погода замечательная, занятия только что закончились... Мы с Марианной собирались идти на практику, и тут у нее зазвонил телефон. Как оказалось, ей Виталик позвонил. Ну, Марианна быстренько с ним договорилась о чем-то, а Катя – тут как тут. И давай язвить – мол, что, отхватила мажорного мальчика, да? Марианна сначала не реагировала, спокойно ей отвечала, а потом Катя совсем перешла все границы. Взяла и заявила – мол, родители ему все равно не позволят на детдомовской жениться, да и сам Виталик бросит Марианну, когда поумнеет. Потому что неизвестно, кто ее родители, скорее всего пьяницы законченные или наркоманы. Или вообще в тюрьме сидят! Тут Марианна не выдержала, взмахнула сумкой – а у нее там медицинские инструменты лежали, в том числе и тяжелые, – и как треснет Катю по плечу! Правда, не очень сильно получилось, потому что Катюшка руку подставить успела. Марианна собралась еще раз ей захватить, но тут уже девчонки вмешались. Катя, конечно, развопилась, что Новожилова ее покалечила, а Зубанова сразу в деканат побежала. Девочки! – Наташа прижала руки к груди. – Я серьезно вам говорю: давайте ее переизберем из старост! Ну неужели вам не надоело, что она все время командует?

– Да переизберем, не проблема, – успокоила Наташу одна из одногруппниц.

– Давайте все-таки вернемся к Марианне. По крайней мере, закончим с разбором этой истории. Значит, Катя Переверзева испытывала к Марианне личную неприязнь? – спросила я.

– Да Катя и вообще такая! Склочная! – не задумываясь, отозвалась Наташа Крохалева, махнув рукой.

– А вот я так не думаю, – возразила другая студентка. – У Переверзевой характер, конечно, стержневой, но Марианну она особенно не любила, это точно!

– Почему? – спросила я.

– Завидовала ей скорее всего, – задумчиво произнесла девушка. – У Марианны как-то легко все получалось. Девчонка приехала из другого города, без протекции поступила в колледж, в то время как за Катю поступление родители отвалили деньги, а прежде нанимали ей репетиторов – она сама рассказывала. Училась Марианна хорошо, преподаватели ее хвалили. Парня, опять же, вон какого отхватила! А Катя, хоть она и тарасовская, и с родителями у нее все в порядке, а успехами особыми похвастать не могла. А уж когда Марианне Виталик звонил, Катя аж от злости лопалась, все не знала, как бы ее уколоть побольнее.

– Он нравился Кате? – прямо спросила я.

– Конечно, нравился, – со вздохом сказала Наташа Крохалева, но зависти в ее голосе я не уловила. – Странно, если бы не нравился: симпатичный, богатый, к Марианне относился прекрасно. О таком женихе все мечтают!

– А сама Марианна как к нему относилась?

– Марианна была не очень-то сентиментальной, она не любила разводить охи-вздохи. Свое хорошее отношение к кому-то она выражала делом. Но я не помню, чтобы они с Виталиком ссорились. Все у них шло хорошо.

– Ты, Наташа, конечно, больше знала о Марианне, потому что жила с ней, – сказала другая девушка. – Но я бы назвала ее несколько... авантюристичной.

– Да? И в чем это выразилось? – заинтересовалась я.

– Ну, посудите сами: имея собственное жилье в Пензе, она его продает и едет в совершенно незнакомый город, в котором никогда раньше даже не была! То есть, можно сказать, едет в никуда! Я бы так не смогла! – девушка поежилась.

– Просто, Люда, ты другая, – высказала свое мнение Наташа. – А Марианна была скорее смелая, нежели авантюристичная.

«А может быть, тут имели место некие обстоятельства, вынудившие Марианну покинуть Пензу? – неожиданно пришла мне в голову мысль. – Ведь, действительно, ее отъезд «в никуда» кажется несколько странным. Не исключено, что мне все-таки придется навеститься в этот славный городок!»

– Про детский дом она что-нибудь рассказывала? О своей жизни там? – любопытствовала я.

– Очень мало.

– Она не жаловалась ни на что? Может быть, кто-то ее там обижал?

– Нет, она вообще никогда не жаловалась. Она была очень позитивной.

– С другими студентками у нее не было конфликтов?

– Нет, к ней все нормально относились.

– Ну, и еще такой вопрос: с кем она общалась здесь, в Тарасове? Кроме Виталика? Может быть, у нее были подруги за пределами училища?

Наташа наморщила лоб:

– Мне кажется, не было. Правда, я считала, что мы с ней дружим. Как-то раз она мельком упомянула какую-то подругу, но я никогда ее не видела.

– Да? – ухватилась я за этот факт. – Что за подруга, как ее зовут, откуда она?

– Ой, я не помню... – протянула Крохалева. – Это уже давно было. Мне кажется, Марианна давно с ней не виделась, потому что никогда об

этом не рассказывала. Она в основном с Виталиком встречалась, по вечерам. Или занималась. Она вообще любила учиться, я уже говорила. Вот, на фитнес пошла, а недавно диски притащила, с записями уроков испанского. Изучать, говорит, буду. Я чуть не упала! Говорю – а испанский-то тебе зачем? А она – интересно! Представляете?! У нас и от своих предметов голова пухнет. Одна латынь чего стоит! А тут – испанский!

– Одним словом, она была любознательной, прилежной, довольно-таки смелой, даже на грани авантюризма, умела постоять за себя, – принялась перечислять я качества, которыми можно было «наградить» Марианну.

– Да, пожалуй, так, – согласилась со мной Люда.

– А теперь – очень серьезный вопрос, девочки... – произнесла я, и девчонки сразу состроили серьезные лица. – Из-за чего Марианну могли убить?

Студентки молчали. Потом они вдруг наперебой принялись крутить головами и пожимать плечами:

– Не знаем... Не знаем... – посыпалось с разных сторон.

– А я думаю, что это как-то связано с ее прошлым! – вдруг сказала Люда, возвысив голос.

– Это еще почему? – удивленно воззрилась на нее Наташа.

– Потому что это – единственный правдоподобный вариант. Ну подумайте сами: кто из студентов мог ее убить? Зачем?.. Никто! Виталик? Вообще бред! А больше у нее и не было никого!

– Был еще фитнес-центр, – напомнил ей кто-то из девушек.

– Ну, это ерунда, – отмахнулась Люда. – Там-то она кому могла помешать? И чем? Даже если бы она и там подралась с кем-то, за это не травят ядом!

– Вы знаете, чем ее отравили? – я вгляделась в лица студенток.

– Нет, не знаем. Нам не сообщали, – ответила за всех Люда.

– И последний вопрос: вас никто не расспрашивал о Марианне сразу после ее смерти? Какой-нибудь посторонний человек, не из милиции?

– Нет, – был общий ответ.

– Хорошо. Красный «Рено» не появлялся возле училища или общежития?

Все девчонки опять ответили отрицательно.

– Ну что ж, девочки, спасибо за беседу, – слегка улыбнулась я. – Вы мне во многом помогли. Думаю, теперь расследование пойдет быстрее.

– Вы нам расскажете, кто ее убил, когда все закончится? – наивно спросила Наташа.



– Думаю, вам сообщат, – улыбнувшись чуть шире, сказала я и попрощалась со студентками.

\* \* \*

Беседа с Анатолием Лебедевым немного прояснила ситуацию. Я поехала к нему сразу после посещения общежития, без звонка, наугад, так как не знала его номера телефона. Но Лебедев оказался дома. Стройный, довольно молодой еще мужчина, лет тридцати семи, с выразительными глазами, открыл мне дверь, как только я сказала в домофон, что пришла по поводу расследования обстоятельств смерти Марианны Новожиловой.

– Милиция вроде бы уже обо всем меня расспросила, – с порога сказал он.

– Я не из милиции, – не стала я скрывать. – Я частный детектив.

– Да? – брови Лебедева поднялись. – Вот уж не подумал бы, что смертью Марианны заинтересуется частный детектив! Она же одинокая совсем девушка... была.

– А вы откуда знаете? – прищурилась я.

– Так мы же работали вместе, – пожал он плечами. – Выдавалось время поболтать.

– Анатолий Дмитриевич, я все-таки попрошу вас запастись терпением и уделить мне время, – попросила я.

– Да проходите, проходите, – махнул рукой Лебедев. – Вам, кстати, повезло, что у меня сегодня нет дежурства, а то зря бы проездили. Я сутками дежурю.

– Вот и хорошо, – разуваясь в просторной прихожей, сказала я и прошла в комнату.

Стандартная квартира закоренелого, видимо, холостяка или давно разведенного мужчины – вот каким было мое первое впечатление. И хотя бардака я нигде не заметила, все же отсутствие женской руки чувствовалось.

Лебедев не стал предлагать мне ни чаю, ни кофе, не стал садиться, лишь показал мне на кресло возле стола, а сам встал у открытого окна и закурил – видимо, ему надоело пересказывать одно и то же множество раз, и он надеялся сделать нашу беседу максимально краткой. Я тоже не стала рассусоливать и сразу перешла к вопросам. Анатолий подтвердил, что Марианна действительно заехала к нему после часа дня девятнадцатого

июня, чтобы одолжить капельницу. И что практически сразу после этого она потеряла сознание, а чуть позже наступила ее смерть. Что он сам лично вызвал «Скорую», но Марианна скончалась до ее приезда.

– Я сразу понял, что это летальный исход, – произнес он, выпуская сигаретный дым в окно. – Помочь ей ничем было нельзя, поздно: слишком много времени прошло с того момента, как она приняла пропанолол. Несколько часов, не меньше. Я даже дивился, что она ко мне пришла в таком состоянии. Мы, вообще-то, об этом специально не договаривались. Я ей обещал одолжить капельницу, но не думал, что она придет именно в тот день. Собирался отдать ей оборудование на станции «Скорой», когда она придет на практику.

– Как же Марианна смогла отсидеть три часа на занятиях, а потом еще и добраться до вас? – удивленно спросила я.

– Симптомы отравления пропанололом проявляются по-разному, – пожал плечами Анатолий Дмитриевич. – У кого-то последствия наступают через двадцать-тридцать минут после принятия яда, у кого-то – через три часа или даже больше. Вот как раз с Марианной – тот случай. Я еще обратил внимание на то, что она бледная какая-то, вялая. Обычно она прямо светилась здоровьем. Сослалась на усталость, головную боль. Я пригласил ее пройти, выпить кофе, но она отказалась – сказала, что в общежитие поедет, ляжет поспать. Даже в квартиру не вошла. Я отдал ей капельницу, мы попрощались, и она уже ступила на лестницу, как вдруг упала, капельницу выронила... Я сразу к ней, а у нее судороги начались. Я сразу понял: отравление! На спину ее перевернул, хотел в квартиру занести, на диван уложить, а она уже затихла. Дыхания нет, сердце остановилось. Я начал реанимационные процедуры, хотя и понимал их бесполезность. Словом, вызвал «Скорую», приехала бригада, зафиксировала смерть...

Он вздохнул и затушил сигарету в стеклянной пепельнице, под которую приспособил пузатую колбу.

– А что это за яд – пропанолол? – спросила я.

– Ну, строго говоря, это не яд, а лекарство, – усмехнулся Лебедев. – Просто исход зависит от дозировки. Относится к бета-адреноблокаторам. Они избирательно и конкурентно блокируют действие катехоламинов, опосредуемое через бета-рецепторы. В большой дозе оказывает кардиодепрессивное действие по типу хинидина.

– Ой-ой-ой! – зажмурившись, я подняла руки. – Анатолий Дмитриевич, нельзя ли попроще?

– Пожалуйста, – улыбнулся Лебедев. – Пропанолол может

применяться – и применяется в основном – как средство, снимающее или уменьшающее тахикардию. Анаприлин, например, слышали такое название?

Я кивнула.

– Так вот, действующим веществом в нем как раз является пропранолол. И с тахикардией он справляется прекрасно, с редкими побочными эффектами. Но если дозировка превышена, наступает общая интоксикация организма. Токсическая доза различна и зависит от состояния сердечной мышцы, функции печени и почек. У молодых, здоровых людей она составляет приблизительно два грамма, а при сердечной недостаточности, кардиомиопатии доза едва-едва превышает терапевтическую.

– Но Марианна была здоровым человеком? – вопросительно посмотрела я на него.

– Да, но доза в три грамма не оставит шансов никому. Именно столько она получила, я потом в милиции интересовался.

– И кто же мог дать ей такую дозу? – задала я риторический вопрос.

– Вы меня спрашиваете? – вскинул брови Лебедев. – Я врач, а не следователь.

– Я просто подумала, что, поскольку вы тесно общались с Марианной, может быть, вам что-то известно о каких-то тайных обстоятельствах ее жизни? – с надеждой посмотрела я на врача.

– Не так уж и тесно. Во-первых, у нас с ней все-таки большая разница в возрасте, чтобы нам было интересно проводить вместе много времени. Во-вторых, практика на станции у них была не чаще двух раз в неделю, и не всегда она совпадала с моими дежурствами. В-третьих, кто я ей такой, чтобы она делилась со мною своими секретами? Об этом вам лучше поговорить с ее одноклассниками. Или с ее женихом.

– А вы с ним знакомы, да?

– Видел раза два. Приятный парень, молодой только совсем. Больше ничего о нем сказать не могу – мы с ним и парой фраз-то не перебросились.

– Вы знали, что Марианна воспитывалась в детском доме?

– Да, она как-то упомянула об этом, когда я о родителях ее спросил, – кивнул Лебедев.

– И больше она ничего не рассказывала о своей жизни в Пензе?

– Нет.

– И ни о каких подругах?

– Нет. Послушайте, Татьяна Александровна, в милиции ведь есть мои показания, вы можете с ними ознакомиться подробно.

– Я понимаю, Анатолий Дмитриевич, что вам не хочется тратить

редкий выходной на разговор со мной, но я просто надеялась, что личная беседа может что-то прояснить.

– Увы и ах, – развел он руками. – Сожалею, что ничем не смог вам помочь. Побеседуйте лучше с ее сверстниками, наверняка они знают больше меня.

– Уже беседовала. Ну что ж, вы хотя бы меня просветили насчет этого пресловутого пропанолола, – вздохнула я, поднимаясь с кресла и прощаясь с Лебедевым.

Время близилось к четырем часам, когда я вышла из подъезда сталинского дома с колоннами. Позвонив Виталику Черкасову и выяснив, что занятия фитнесом в центре «Волга-спорт» начинаются в семь, я резонно решила, что успею заехать домой пообедать. К тому же из-за жары я немилосердно парилась в дурацкой ветровке, которую нацепила утром, испугавшись дождя. Но ветровка-то – ладно, ее можно и скинуть, а вот высокие кроссовки вызвали такое ощущение, словно мои ноги преют в валенках. Ступни взмокли, и я очень хотела переодеться и переобуться, а заодно и душ принять. Словом, как ни крути, а поехать домой было самым разумным решением в сложившейся ситуации.

Последовательно проделав все намеченное и устроившись в кухне с тарелкой, на которой румянился разноцветными красками огромный кусок пиццы, я провела предварительный анализ сведений, полученных мною в течение первой фазы расследования. Пока что стройных версий не вырисовывалось. И даже кого-то, мало-мальски подходящего на роль убийцы, я тоже представить себе не могла. Правда, в запасе имелся неизвестный тип на красном «Рено», не дававший мне покоя, но кто он такой и где его искать, я не имела понятия. Однако я почему-то не очень беспокоилась на его счет, будучи уверенной, что этот парень еще появится.

Съев пиццу и выпив чашку кофе, я решила обратиться к костям: что они-то думают по поводу всего происходящего? Кости «думали» недолго:

«34+10+18» – «Против Вас действует тайный противник, но если Вы будете осторожны, он разоблачит себя сам в самый неожиданный момент».

Что ж, вроде бы осторожность соблюдать я уже и так давно привыкла. Будем надеяться, что это мое качество не подведет меня и в дальнейшем. Передохнув до шести часов, я вновь набрала номер Виталика и договорилась встретиться с ним прямо у входа в спортивный центр.

## Глава третья

За окном трескуче закукарекал соседский петух, и Евсения невольно зажмурилась. На его призыв сразу же отозвались другие петухи в поселке, и вскоре все пространство заполнилось протяжными звонкими криками. Евсения ненавидела это кукареканье, ненавидела она и самого петуха, ежедневно будившего ее ни свет ни заря. К тому же петух этот обладал удивительно вредным характером.

– У, противная птица, вот смотри, изловлю и в суп тебя пуцую! – ругался Баваль, и Евсения втайне мечтала о том дне, когда это наконец случится.

Она бы даже не стала есть этот суп, хотя чувство голода уже давно было ее почти постоянным спутником. Хотя она прекрасно знала, что такое не произойдет: у соседей Баваль воровать не станет. И не потому, что он такой честный, просто соседи подобного не простят, моментально вызовут милицию, а этого Бавалю совсем не надо, от проблем с милицией он старается держаться подальше.

Евсения приподняла веки. За окном уже посветлело, скоро полностью рассветет, а за ним последует и подъем, который не замедлит объявить Чирикли. Евсения скосила глаза в сторону: Чирикли лежала чуть поодаль и сопела во сне с тихим присвистом. Она всегда спала крепко, и никакие петухи и другие шумы не нарушали ее покоя. Евсения же знала, что ей самой теперь предстоит почти час тоскливо маяться, потому что, раз пробудившись, она уже точно не уснет. Она попыталась подумать о чем-нибудь приятном, в надежде, что это позволит ей все-таки расслабиться и хотя бы подремать, но приятных воспоминаний уже давно не было в ее жизни.

Смутно мерещилась ей другая ночь, в которой так же поблескивала за окном луна, а рядом посапывало во сне другое тело. Но то тело было родным, любимым и теплым, а у Чирикли вечно ледяные ноги, которыми она во сне постоянно умудряется задевать Евсению.

Ночи и так не были спокойными и тихими. Периодически раздавался шорох под окнами, приглушенный стук в дверь, и тогда Баваль поднимался в своей комнате, отделенной от той, где на одной кровати спали Евсения с Чирикли; неслышно, по-кошачьи, он нырял в ночную тьму, о чем-то шептался с пришедшим, потом заходил в дом, шуршал чем-то целлофановым, уходил, возвращался снова, теперь шурша какими-то

бумажками и пряча их под подушку, после чего опять ложился спать. Таких подъемов порою случалось несколько за ночь, и Евсения каждый раз просыпалась, отчего-то чувствуя необъяснимый страх. Она не знала, чем именно занимается Баваль, но догадывалась, что это что-то нехорошее, даже криминальное, за чем могут последовать крупные неприятности. Какие, она тоже не знала, но боялась.

Евсения молча смотрела в потолок, на деревянные балки перекрытий, и попутно вспоминала, как впервые привел ее в этот дом Баваль. Она пошла за ним покорно, потому что больше ей некуда было идти. Бабка Антоновна тогда весь день была молчалива, а под вечер вдруг заговорила с Евсенией ласково, пожаловалась на свою тяжкую старческую долю и даже пустила слезу, притворную и жалостливую. Потом как-то сразу посерьезнела, подобралась и строгим голосом велела Евсении переодеться. Оглядела ее придирчиво перед зеркалом, заставила причесать волосы и склоть их заколкой. Потом взяла ее за руку и, ничего не объясняя, повела куда-то.

Евсения чувствовала какую-то фальшь и напряжение в поведении бабки и хотела было запротестовать и даже сбежать по дороге, хотя бежать ей было некуда. Но бабка цепко держала ее своими жесткими пальцами, похожими на крючки. Потом они ехали в автобусе, и Евсения все пыталась запомнить дорогу, но вскоре стало совсем темно, и она оставила это бесполезное занятие.

Через некоторое время они оказались в пустынном месте неподалеку от станции, и из повисшей уже над поселком темноты вдруг вынырнул какой-то высокий чернявый мужчина. Бабка сразу же подошла к нему, заискивающе улыбнулась и негромко принялась сыпать словами, то и дело указывая корявой рукой на Евсению. Правда, тогда она еще не была Евсенией, бабка Антоновна звала ее Нюркой. Мужчина искоса бросал взгляды в ее сторону, молча слушал, нахмурившись. Потом подошел и так же молча осмотрел ее сверху вниз... У Евсении сердце ухнуло куда-то в ноги от страха. Затем мужчина вернулся к бабке и протянул ей несколько купюр, вынутых из кармана. Та проворно пересчитала их своими крючковатыми пальцами, начала было торговаться, попробовала надавить на жалость, но мужчина лишь рассмеялся, сверкнув в темноте белыми зубами, и покровительственно похлопал бабку по плечу. Та вздохнула, кивнула и засемила по дороге, исчезнув так быстро, словно растворилась в темноте. Девушка осталась один на один с незнакомым мужчиной.

– Меня зовут Баваль, – произнес он. – А тебя?

Она молчала, терзаемая страхом и неизвестностью.

– Ты что? Немая, что ли? – прищурился Баваль, и в глазах его она заметила нехороший огонек подозрительности.

– Нет, – сглотнув слюну, поспешила она его разуверить.

– Так как звать-то тебя, красавица?

– Не знаю, – честно ответила она.

– Да? – Баваль задумчиво поскреб шершавый подбородок. – Ну, пошли, на месте разберемся. У меня будешь жить.

И пошел вперед. Она некоторое время постояла в нерешительности, думая, рвануть ли ей в сторону и пуститься прочь сломя голову или покорно отдаться судьбе? Баваль обернулся. Качнувшись, она медленно двинулась за ним...

Больше всего Евсения боялась, что Баваль, когда они придут к нему, начнет ее домогаться. Что бабка Антоновна продала ее в сексуальное рабство, из которого ей теперь никогда не выбраться. Почему-то вначале она приняла Бавалья за турка – видимо, из-за его черных глаз и кучерявых волос. Только позже она поняла, что попала к цыганам.

В просторном деревянном доме было жарко натоплено. Стоял конец осени, и Евсения совсем продрогла, пока они шли, а путь был довольно долгим. Когда дверь отворилась, навстречу Бавалю метнулась красивая молодая женщина, гибкая, с большими, влажными, как у оленихи, глазами – Мирела. Она заговорила что-то ласково на непонятном Евсении языке и внезапно осеклась, увидев незнакомую девушку. Бросила вопросительный взгляд на Бавалья, и тот принялся что-то объяснять.

Мирела посмотрела на Евсению уже дружелюбнее, подошла, сказала:

– Разувайся. Садись на лавку.

Евсения скинула дырявые сапожки и неуверенно прошла к длинной лавке, стоявшей возле печки. Баваль подошел, протянул руку к воротнику ее куцега пальтишка, просунул вглубь ладонь...

«Вот оно!» – мелькнуло в голове у Евсении, и она, ахнув от неожиданности, невольно отпрянула.

Баваль выругался и рассмеялся. Оказалось, он лишь хотел пощупать ткань пальто. Убедившись, что оно тонкое и старенькое, мужчина повернулся к Миреле, снова что-то сказав на своем языке. Та лишь кивнула и прошла в соседнюю комнату. Вернулась вместе с совсем еще юной девушкой с недовольной физиономией и недобрыми маленькими глазками, очень невысокого роста, приземистой. Девушка посмотрела на Евсению и молча бросила ей бледно-розовый простеганный пуховик. Пуховик был ношеным, но теплым. На его рукаве не хватало пуговицы.

Маленькая девушка принялась о чем-то спрашивать Бавалья, в

процессе разговора становясь все более недовольной. Голос ее постепенно повышался, доходя чуть ли не до крика, пока из соседней комнаты не вышла полная женщина постарше и строго не цыкнула на нее. Женщину звали Ратори, она была старшей сестрой Бавалы, а сердитая маленькая Чирикли – младшей. Ратори занимала отдельную комнату вместе с мужем, Гозело, и двумя детьми, а незамужняя Чирикли спала в первой, ближайшей к двери комнате. Теперь ей предстояло делить кровать с Евсенией – наверное, поэтому она и была так недовольна. Впрочем, причину ее постоянной озлобленности Евсения поняла позже: Чирикли уже исполнилось семнадцать, а она все не была замужем. Позор, ведь главная честь для цыганки – быть матерью.

Вот у Мирелы, жены Бавалы, было уже двое детей, мальчик и девочка, Василь и Вайолка, хотя она еще совсем молодая, примерно ровесница Евсении. И уже ждет третьего. И Мирела добрая, Евсении она нравится. Может быть, еще и потому, что Мирела и назвала ее Евсенией, в то время как Чирикли принялась окликать ее – Киза. Евсения совсем не чувствовала себя Кизой, и Мирела, поняв это, улыбнулась и стала обращаться к ней – «Евсения». А Чирикли как раз вполне соответствовала своему имени: маленькая, бойкая, крикливая, похожая на растрепанного воробья-забияку... Между нею и Евсенией с первого же дня установилась стойкая антипатия, и это было вдвойне неприятно, поскольку им приходилось ежедневно вместе ездить в город на электричке и возвращаться обратно, да еще и встречаться в процессе «работы».

Сама Чирикли четкой и постоянной работы не имела, в основном она попрошайничала и подворовывала. Евсения об этом знала. Чирикли и ее саму как-то пыталась подбить на это занятие, но тут податливая Евсения запротестовала насмерть, и Чирикли, махнув рукой, отстала от нее, бросив на ходу:

– Ладно, ты все равно не умеешь! Еще попадемся все из-за тебя!

Чирикли пробовала гадать на вокзале, но получалось у нее это плохо: едва она протягивала свою грязную ладошку и, качая головой с неряшливыми, бог знает когда заплетенными косами, принималась причитать: «Ой, горе какое ждет тебя, красавица, если не позолотишь ручку», как подловленные ею женщины шарахались в сторону, брезгливо отталкивали девушку и спешили мимо. Некоторые грозились вызвать милицию. Одним словом, не давалось Чирикли искусство гадания, в отличие от Ратори, которой, как рассказала Мирела, этот дар передался от старенькой Леи, бабушки Бавалы. Та умерла, когда Евсении здесь еще не было.



Ратори тоже нравилась Евсении своим спокойным, рассудительным характером. И муж ее, Гозело, ей нравился – своим веселым нравом и умением петь по вечерам красивые цыганские песни. Был еще дедушка Антос, совсем старенький, он практически никуда не выходил, все лежал в своей малюсенькой проходной комнатке на кровати. Часто, надев очки, он читал книжки со сказками, взятые у внуков, иногда, когда глаза у него совсем уставали, старик просил почитать вслух Евсению. Та соглашалась охотно, поскольку любила и чтение, и дедушку Антоса: он никогда на нее не ворчал, не повышал голоса и интересно, захватываяще рассказывал древние цыганские легенды. Иногда дедушка звал Гозело и просил его спеть что-нибудь. В такие минуты Евсении становилось совсем хорошо и уютно, почти как дома. Хотя своего дома, как такового, она почти не помнила, не знала...

Именно благодаря Гозело Баваль определил Евсению с наступлением весны петь в электричках, и ей не приходилось больше терпеть все время рядом с собой наглуую и вредную Чирикли. Произошло это так...

Однажды Гозело пел под гитару. Евсения, заслушавшись, присела рядом и потихоньку принялась подпевать: романс был ей знаком. Гозело сначала улыбался, потом с удивлением прислушался, а затем о чем-то переговорил с Бавалем. Тот попросил девушку спеть что-нибудь еще, и с тех пор она стала «выступать» в электричках. Подавали ей немного, но к вечеру все-таки набиралась сносная сумма, которую тут же отбирала жадная Чирикли, даже не разрешая Евсении купить самый дешевый пирожок с картошкой. А ведь Баваль распорядился, чтобы они обязательно обедали вместе после полудня! Но коварная Чирикли или не приходила в условленное время, ссылаясь на то, что у нее нет часов, хотя на вокзале они были развешаны повсюду: как электронные, так и автоматические. То она все же приходила, но говорила, что денег мало и тратиться на еду не стоит, хотя от нее самой пахло беляшами и малиновой жвачкой...

Ужинали обычно дома, супом из баранины, квашеной капустой, а иногда и просто куском пирога на ходу, в последней электричке. Петь у Евсении уже не оставалось сил, и она просто дремала, откинувшись на сиденье и радуясь возможности передохнуть.

На следующий день – опять ранний подъем, завтрак, преимущественно состоявший из вареной картошки и куска курицы. Затем они вдвоем с Чирикли шли на станцию. Крупными буквами на синем фоне белело ее название: «Раевка». Наименование поселка, в котором они жили, въелось в память Евсении, похоже, навечно – она видела эти буквы каждое утро. К тому же в ее памяти и так сохранилось совсем немного.

Садилась она в первую утреннюю электричку и ехали до города. Там Чирикли отделялась от Евсении и отправлялась заниматься своим незатейливым бизнесом, а Евсению ждало долгое путешествие туда-обратно в электричках. Сперва – в одну сторону, проходя через все вагоны и в каждом исполняя песни. Потом – в другую. Приходилось ей менять и поезда, когда предыдущий шел слишком далеко и народу в нем было немного. К вечеру у Евсении все сливалось перед глазами: мелькающие, снующие в разные стороны пассажиры, казавшиеся ей на одно лицо, рельсы, шпалы, станции, похожие одна на другую и оттого неразличимые... И каждый день – эдакая круговерть.

Было тяжело. Но все-таки лучше, чем раньше, зимой, когда электрички почти не ходили, а ездили в них одни железнодорожники, которых трудно было растрогать лирическим пением. Тогда Евсении приходилось мерзнуть вместе с Чирикли на привокзальной площади, бестолково топтаться рядом с ней, поскольку ни попрошайничать, ни гадать, ни воровать она не умела. Баваль почти сразу после того, как поселил Евсению у себя в доме, недвусмысленно дал ей понять, что кормить бесплатно лишнего человека он не намерен. Следовало определиться с «ремеслом», но это было сложно, поскольку никакими особыми навыками Евсения не владела. Помог ей красивый мелодичный голос, а то еще неизвестно, чем бы сейчас пришлось заниматься.

Однажды Чирикли приволокла большую сумку, наполненную разной косметикой. Евсения не знала, где та взяла ее, а на ее вопрос Чирикли лишь прикрикнула, велев девушке встать на углу, на привокзальной площади, и торговать. Назвала цены, которые Евсения торопливо записала и потом поминутно всматривалась в грязноватый клочок бумаги – обертку от вафли, на которой она и нацарапала свой «прейскурант». Но торговля у нее не пошла, более того, буквально через полчаса к Евсении подошли местные пэпээсники и потребовали документы на товар и ее собственные. Документов, естественно, у нее не оказалось, и милиционеры просто отобрали всю сумку вместе с товаром, а саму Евсению отпустили, то ли пожалев ее, то ли решив, что с нее все равно взять больше нечего, да и неизвестно, куда девать саму потрепанную девчонку. Чирикли потом еще долго злобно шипела на Евсению, обзывая ее разиней и попрекая утраченной сумкой.

Иногда Баваль ставил их обеих продавать леденцы – яркие, розовые... Леденцы варила Ратори из смеси сахара и воды, добавляя в них лимонную кислоту и малиновый краситель. Потом застывшие леденцы они доставали из формочек и упаковывали в прозрачные хрустящие обертки. Эти леденцы

вызывали какие-то смутные воспоминания у Евсении. Девушка точно знала, что в ее жизни когда-то были такие же конфеты, и что она их ела, но кто и когда давал ей эти нехитрые сладости, она никак не могла вспомнить.

Сам Баваль никогда не принимал участия в торговле, он даже в город не ездил – Евсения и Чирикли всегда отправлялись туда вдвоем.

С леденцами у Евсении дело шло лучше, чем с косметикой, их довольно охотно разбирали мамы своим падким на все яркое и новое малышам, пресытившимся «Сникерсами» и «Чупа-чупсами». Правда, однажды вышел конфуз, обернувшийся целым скандалом: Евсения не раз замечала, как Чирикли разворачивает леденец, сосет его понемногу, а потом вновь заворачивает в обертку. Это наблюдение повергло ее в шок, и она даже робко осмелилась сделать «компаньонке» замечание. Но маленькая цыганка лишь цыкнула на нее, сказав: «Помалкивай – никто и не заметит!»

Как оказалось, заметили. Однажды Чирикли не очень внимательно отнеслась к своему «баловству», слишком поспешно убрала леденец, и к нему прилипла крошка табака – Чирикли дымила, как паровоз, постоянно стреляя сигареты у прохожих. Чаще всего они были без фильтра, и Евсения не раз замечала на губах и подбородке Чирикли прилипшие рыжие табачные ворсинки.

Ох, как кричала мамаша ребенка, который, развернув леденец и увидев приставшую к нему «бяку», показал его матери! На счастье Евсении, она как раз отошла в сторонку – протереть ботинки, а пресловутый леденец вручила малышу лично Чирикли, и весь этот гнев обрушился на нее. Та, как лисий хвост, металась между разъяренной мамой и сыном, пытаясь убедить их, что это нелепая случайность и «весь товар стерильный». Но на маму эти аргументы не подействовали, она пригрозила Чирикли тюрьмой, и та, поспешно подхватив коробку с конфетами, метнулась к вокзалу. Вечером ей здорово досталось от Бавалья, хотя Чирикли так и не призналась ему в своем преступлении, а Евсения молчала, не выдавая ее. Чирикли наплела брату какую-то ерунду, тот, конечно, не поверил, но больше леденцами торговать им не давал. Он приспособил было к этому делу Ратори, но у той редко выдавалось свободное время.

Чирикли неоднократно сетовала, что без детей побираться труднее, мало дают. Но детей у нее не было, а Мирела и Ратори своих ей не давали, видимо, не доверяя соплеменнице. К тому же Ратори занималась тем, что гадала на дому, у нее был свой налаженный бизнес и ей не требовалось побираться по вокзалам. Мирела же находилась в положении, а еще на ней было ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Евсения не раз отмечала трепетное отношение к малышам со стороны

мужчин-цыган – им было позволено практически все, в каждом ребенке воспитывалась индивидуальность и уважалась личность. И вообще, понятие семьи у цыган ценилось высоко. Но Евсения все же не чувствовала себя здесь родной, хотя у цыган было все-таки не так скучно, как у бабки Антоновны. Бабка, в сущности, не была злой, зато она отличалась скупостью, доходившей до абсурда. Евсения помнила, что они, к примеру, ели только черствый хлеб, хотя бабка постоянно покупала буханку нового. Но она не распаковывалась, пока не съедался последний кусочек старого хлеба. Когда же Евсения замечала, что лучше есть свежий и мягкий хлеб, а из старого засушить, к примеру, сухарей, бабка ворчала, что это расточительство. «Без сухарей обойдемся!» На резонный вопрос Евсении – зачем же бабка постоянно покупает новый хлеб, не доев прежнего, – та отвечала: про запас, на всякий случай. «А выбрасывать нельзя, хлеб – это тело Христово!»

Эту лицемерно-ханжескую набожность Евсения отмечала не раз, хотя бабка явно не была верующей, никогда не молилась и в церковь не ходила, но в нужные минуты часто приговаривала: «Господи, прости нас, грешных», а также заставляла Евсению до блеска протирать висевшие в темном углу иконы.

Наведение порядка в старенькой бабкиной квартире было главным и практически единственным занятием Евсении. Это было нелегко, так как бабка постоянно требовала – ходить по квартире с тряпкой и отмывать-оттирать все-все до блеска. Спать они ложились рано, чтобы «зря не жечь электричество», питались скудно – хлебом с солью да макаронами.

Правда, бабка все обещала научить Евсению шить и потом устроить ее в швейный цех на работу: «Будешь как кукла одеваться! Как принцессы, с тобой заживем!» Но то ли бабка по старости лет забыла свое мастерство, то ли сама никогда им и не владела, но научить Евсению шитью она так и не сподобилась.

Потом Евсения и вовсе стала ей в тягость. Поддержание в доме маниакальной чистоты тоже поднадоело Антоновне, она посчитала, что девушка больше проедает, чем зарабатывает, и поспешила сбегать ее Бавалю.

Здесь ей тоже приходилось несладко, но все-таки относительно стабильно. Работать по электричкам требовалось ежедневно, без выходных. Это выматывало все силы. Вечером, поужинав, Евсения часто просто валилась на кровать, даже не будучи в состоянии ни читать, ни слушать пение беззаботного Гозело. Слава богу, что хоть от домашней работы она была освобождена: со всем управлялась Мирела с помощью Ратори. Иногда

женщины привлекали и Чирикли, но та всякий раз старалась увильнуть.

Но сейчас было лето, и Евсения часто задумывалась о том, что с нею станет осенью и зимой, когда дачный сезон закончится и ее заработок в электричках оскудеет. «Работать» вместе с Чирикли ей очень не хотелось. Но выбора у нее не было...

В дальней комнате заплакал ребенок, послышалось успокаивающее баюканье Мирелы, а следом зазвонил будильник. Чирикли завопилась, недовольно нажала на кнопку и села на постели. Спрыгнула с кровати, попутно толкнув Евсению в бок, чтобы та не залеживалась.

Позавтракали они жареной картошкой, залитой яйцами, и отправились на станцию. Молча доехали до вокзала и разошлись, каждая в свою сторону. Начинался новый рабочий день, похожий, как брат-близнец, на все остальные...

\* \* \*

Центр «Волга-спорт» сиял яркой помпезной вывеской, высвечивая выведенные наискосок на синем фоне буквы цвета морской волны. Сочетание синего и бирюзового было удачным, стильным и бросающимся в глаза. Центр занимал два нижних этажа в здании бывшего научно-исследовательского института в центре города.

Из раскрытых окон второго этажа неслась ритмичная музыка, перемежавшаяся с рекламными роликами.

«Латиноамериканские танцы! Хочешь так же обворожительно кружиться? «Волга-спорт»! Приходи, потанцуем!» – заманчиво звал женский голос.

«Хочешь так же классно танцевать хип-хоп? «Волга-спорт»! Приходи, потанцуем!» – задорно вторил ему мужской.

«Видимо, сотрудники «Волга-спорта» сами в восторге от своего центра, – усмехнулась я про себя. – Иначе логикой никак не объяснишь, зачем они гоняют эти ролики у себя же в помещении! На кого они рассчитаны здесь?»

Виталик не заставил себя долго ждать и подкатил к зданию центра на серебристом «Хендае Гетце» без пятнадцати семь, как мы и договаривались. Он улыбнулся мне и спросил:

– Ну, как продвигается расследование?

– Согласно намеченному плану, – с ответной улыбкой сказала я, не

вдаваясь в подробности. – Давай все-таки пройдем внутрь. Значит, твоя задача – представить меня как свою знакомую, которая хочет заняться чем-нибудь интересным, но пока не знает, чем. В центре ведь не только с фитнесом работают, правильно?

– Правильно. Есть еще шейпинг, сквош, гимнастика, даже женская группа по самообороне.

– Вот я там и буду разгуливать, все осматривать, всех доставать расспросами и строить из себя скучающую мажорную дамочку, которая сама не знает, чего хочет. А тебе следует всячески поддерживать этот мой имидж и знакомить меня со всеми, кто имел хоть какое-то отношение к Марианне. Задача ясна?

– Ясна! – с готовностью кивнул Черкасов и решительно двинулся к дверям центра.

Я видела, что эта игра – во всяком случае, для него она была таковой – его увлекла. Ему было интересно поиграть в детектива. Но и ладно, я даже рада была, что со вчерашнего дня он заметно приободрился и перестал кукситься. Необычность ситуации захватила его, предстоящая деятельность помогла отбросить прочь хандру.

«Уж не знаю, насколько высок будет коэффициент полезного действия этой деятельности, – подумала я в стиле своей излюбленной тавтологии, – но все же, пусть помогает мне. Это лучше, чем дома страдать. Да и мне все-таки сподручнее здесь околачиваться в качестве знакомой Виталика».

Мы поднялись на второй этаж, пройдя мимо охранника, которому Виталик мило улыбнулся. Тот молча кивнул, не задавая вопросов, и вскоре мы направились по коридору к одному из залов.

– Женщины занимаются здесь, на втором этаже, – пояснил Виталик, – а мужчины – на первом.

Направо от зала находилась раздевалка, и я остановилась на полпути, решив, что пока что не стоит входить туда и лишаться общества Виталика, ведь он может мне обрисовать со стороны, кто здесь кто.

В этот момент из раздевалки навстречу нам выплыла длинноногая красавица лет двадцати, с копной рыжих волос, завитых в спиральки и распущенных по спине. Она была в фирменном белом топе и обтягивающих спортивных черных лосинах с лампасами на бедрах.

Красавица сразу же узнала Виталика, и лицо ее выразило радость. Затем она увидела меня, и в глазах ее мелькнуло что-то похожее на удивление. Однако виду красотка не подала, шагнула с улыбкой нам навстречу и, обратившись – как мне показалось, демонстративно, – к одному лишь Виталику, кокетливо пропела:

– Приве-ет, какие люди! Ты все-таки решился прийти? Молодец! А я уж думала, больше не придешь. Ты пропустил уже несколько занятий.

– Были причины, – хмуро ответил Черкасов и запоздало добавил: – Привет, Алена. Ты отлично выглядишь.

– Спасибо! – довольно-таки крупный рот девушки расплылся в широкой улыбке. – А вот по тебе не скажешь. Что-то закис ты совсем, зашорился...

– Говорю же тебе – есть причины! – раздраженно повторил Черкасов и повернулся ко мне. – Вот, кстати, познакомься. Это... Татьяна, – на секунду запнувшись, представил он меня. – А это Алена Гриценко, она как раз в группе с Марианной занималась.

– Здравсь-те, – процедила Алена, медленно окидывая меня придирчивым взглядом с головы до ног. – Оч приятно.

Ее кислый вид свидетельствовал о том, что абсолютно ничего приятного в знакомстве со мной, а также в упоминании имени Марианны она не находит. Но вот почему?

– А при чем тут Марианна? – откидывая завиток волос со лба, обратилась она к Виталику.

– Просто Татьяна – ее знакомая, ей Марианна рекомендовала этот центр, – довольно умело соврал Черкасов. – Татьяна выбирает себе группу для будущих занятий.

– А-а-а, – протянула Гриценко. – Так у нас возрастные группы по четвергам.

«Ах ты, мерзавка! – мысленно усмехнулась я. – Подожди, – думаю, – у нас еще будет время попрактиковаться в острословии!»

Но виду я не подала, якобы не заметив колкости этой малолетки, вместо этого, продолжая улыбаться, я обратилась к Черкасову:

– Виталик, отойдем на минутку?

Виталик послушно отошел со мной на несколько шагов в сторону.

– Продолжай общаться с девушкой, я пойду по своим делам, – сквозь зубы выдавила я, не снимая с лица улыбки. – Постарайся вести разговор вокруг личности Марианны. С тобой мы позже поговорим.

И, махнув ему приветливо рукой, я направилась в глубь центра, свернув к служебным помещениям. Я медленно шла по коридору, крутя головой, пока не увидела дверь с надписью «ДИРЕКТОР».

Продолжая исполнять роль богатой девушки без комплексов, я постучала и сразу же толкнула ее. Просунула голову в кабинет и с улыбкой спросила:

– Можно?

За столом в свободной позе, развалившись в кресле и закинув одну ногу в кроссовке на колено другой, сидел мужчина – чуть меньше сорока, в белой тенниске и спортивных брюках. Он был крепкого телосложения, явно когда-то увлекался тренажерами: следы прежней накачанности в его мышцах сохранились. Но, видимо, занятия эти были давними и не очень регулярными: животик его уже недвусмысленно выпирал из-под тенниски, круглые щечки лоснились. Остатки светлых волос были подстрижены «ежиком» и дыбились вокруг его весьма обширной гладкой лысины в центре затылка.

– Вы кто? – спросил мужчина, небрежно перекатывая в зубах жвачку.

– Я новенькая, – с глуповатым кокетством сообщила я. – Хотела с вами посоветоваться насчет выбора группы.

– Вообще-то, у нас есть тренеры-консультанты, – пожал плечами мужчина. – А я директор.

– Ну, они же сейчас на занятиях. И потом, всегда лучше иметь дело с руководителем.

– Ну... проходите, – смилостивился мужчина.

Я вошла в кабинет и присела на стул напротив него. Мужчина сразу же сунул мне в руки какие-то рекламные проспекты.

– Вот наши каталоги, можете ознакомиться, – скороговоркой проговорил он и надул из жвачки пузырь.

Директор спорткомплекса явно не страдал от избытка культурных манер.

Я принялась перелистывать каталоги, потом, капризно надув губы, отложила их в сторону, протянув:

– Ну нет, это скучно! И потом, я это все уже читала.

– А чего вы от меня-то хотите? – снова пожал плечами директор.

– Вас как зовут? – вместо ответа спросила я.

– Валентин Федорович, – коротко сказал тот.

– А меня – Татьяна, – я с милой улыбкой склонила голову. – Валентин Федорович, я бы хотела, чтобы мы с вами поговорили неофициально, так сказать, провели приватную беседу, чтобы я могла составить полное представление об услугах, предоставляемых вашим центром. Мне это просто по-человечески интересно, понимаете?

– Ну... понимаю, – усмехнулся Валентин Федорович. – Так что конкретно вас привлекает?

– Просто я хочу, чтобы вы мне помогли понять, какие занятия больше всего подошли бы лично мне.

– Ну, знаете... – хмыкнул Валентин Федорович. – Может, вам лучше с



астрологом поговорить? Гороскоп составить?

– Мне о вашем центре рассказала Марианна Новожилова, – пропустила я мимо ушей его иронию. – Она говорила, что все сотрудники здесь очень заботливые и внимательные. Вот и я хотела получить свою порцию внимания. В конце концов, ваши клиенты имеют право на такую малость – за свои деньги?

Я капризничала и жеманничала, будто и впрямь отвалила кучу денег за то, чтобы Валентин Федорович сидел и нянчился со мной. Но говорить ему, что я частный детектив и пришла по поводу расследования гибели Марианны Новожиловой, не представлялось мне лучшей тактикой. По крайней мере, на данный момент.

Я отметила, что при упоминании имени Марианны Валентин Федорович не занервничал, не насторожился, его светлые брови лишь слегка нахмурились.

– Неужели Новожилова не рассказала вам о тех услугах, какие предоставляет посетителям наш центр? – удивился он.

– Мы не так уж много с ней общались, – со вздохом развела я руками. – К тому же вы, наверное, знаете, она недавно умерла... Ужасная история, совсем молодая девушка.

Валентин Федорович нахмурился сильнее.

– Да, да, – покивал он мне. – Я слышал об этом.

– А кстати... – я доверительно приблизилась к директору и заговорщически спросила: – Что у вас говорят по этому поводу?

– По поводу чего? – не понял или сделал вид, что не понял, Валентин Федорович.

– По поводу ее смерти!

Валентин Федорович на миг застыл, как в стоп-кадре.

– А что у нас-то должны об этом говорить? – с недоумением уточнил он. – Ну, вроде бы отравилась она. Но у нас никто не знает никаких подробностей.

– Ну, у вас же преимущественно женский коллектив, – подмигнула ему я. – А женщины всегда в курсе таких вещей.

– Слушайте, Татьяна, я не понял – вы сюда заниматься пришли или сплетни собирать? – не выдержав, резко спросил Валентин Федорович.

– Конечно, заниматься! – утвердительно закивала я головой. – Но просто... Интересно же!

– Я так вижу, что вам в жизни явно не хватает сильных ощущений, – насмешливо произнес он. – Может, вам лучше пойти куда-нибудь в другое место?

Валентин Федорович не уточнил, в какое именно место мне следовало бы пойти, но по его глазам я видела, что про себя он уже все определил и сформулировал...

– Ладно, ладно, – примирительно махнула я ладошкой. – Я же просто полюбопытствовала.

– Типичное качество для женщины, – усмехнулся он. – Но не самое лучшее.

– Скажите, Алена Гриценко тоже вместе с Марианной занималась? – спросила я для того, чтобы перевести разговор на Алену и попытаться получить информацию о ней.

– Тоже, – сухо сказал Валентин Федорович. – Но боюсь, что с Аленой вам не удастся посудачить – у нее другой круг общения и интересов.

– Жаль, жаль, – разочарованно протянула я. – Такая приятная девушка! А с Марианной они дружили? Марианна мне о ней рассказывала.

– Нет, не дружили. У нас здесь дружба вообще как таковая не водится. Занимаются вместе, и все. Упор на упражнения. Большинство людей точно знают, за что они платят деньги.

Это был, конечно, камень в мой огород. Что ж, если я убедительно сыграла роль легкомысленной дамочки, которой деньги жгут карман и она вся в «поисках» и «эмпириях» – тем лучше.

– Мне кажется, Валентин Федорович, что вы не очень-то цените своих клиентов! – обиженно сказала я.

– Клиентов, – с нажимом ответил он, – мы ценим. Как и свое время.

– А у вас их много?

– У меня лучший центр в городе, – снисходительно ответил директор. – Ну, вы выбрали наконец-то, чем хотите заниматься? – Валентин Федорович явно намекал на необходимость скорейшего завершения нашей беседы.

– Ой, не знаю! – вздохнула я. – Может быть, я вообще не стану заниматься в вашем центре.

– В таком случае всего доброго! – уже не скрывая своей неприязни, резко сказал Валентин Федорович. – Приходите, когда четко определитесь со своими тайными желаниями.

– Вы уже заканчиваете разговор? – разочарованно произнесла я. – Очень жаль!

– Мне тоже, безумно, но, увы, у меня очень мало времени. И оно, кстати, рабочее.

И Валентин Федорович откинулся на спинку кожаного кресла, демонстративно защелкав мышью ноутбука.

Я со вздохом поднялась и прошествовала к двери:

– До встречи, Валентин Федорович.

– Прощайте, – проронил он.

Я вышла в коридор и встала у окна. Что ж, эту предварительную беседу можно считать вполне успешной. Но я не исключала вариант, что за нею может последовать и вторая.

Занятия уже начались. Во всяком случае, Алена Гриценко находилась в зале. В этом я убедилась, когда, приоткрыв дверь, заглянула внутрь. Алена, гибко извиваясь, вместе с группой других девушек старательно исполняла упражнения под руководством тренера – коротко стриженной миниатюрной блондинки лет тридцати пяти, с бело-голубой повязкой на лбу.

– Раз-два, раз-два, в сторону, – командовала тренер. – Интенсивнее, интенсивнее движения! Баранова, живот держим!

Я тихонько притворила дверь. Полтора часа дрыгаться под музыку и ничего не выяснив при этом я посчитала нецелесообразным. Я походила туда-сюда по коридору, пытаясь разыскать Виталика, но его нигде не было.

«На занятия, что ли, пошел?» – недоуменно подумала я. Вообще-то я надеялась застать его здесь и расспросить об этой Алене. Хотя, может быть, это и к лучшему – его сегодняшний визит сюда не вызовет подозрений, если он спокойно позанимается в своей группе вместе со всеми. Иначе это странно будет выглядеть: два человека, разных по полу и возрасту, шатаются по центру и пристают ко всем с расспросами.

Тем временем дверь зала приоткрылась, и из нее выскользнула, тяжело дыша, молодая девица с хорошо очерченной талией и четко вылепленными пышными бедрами. Ее темные прямые волосы взмокли от пота, короткая челка прилипла ко лбу, и девушка на ходу приподнимала пряди волос пальцами, пытаясь немного охладиться. Несмотря на то что в комплексе работала мощная сплит-система, спортивные занятия, конечно, заставляли тренирующихся изрядно вспотеть.

Девушка размашистой походкой прошла в раздевалку, где плюхнулась на скамейку, и, потянувшись к объемной матерчатой сумке с вышитым на ней сиреневым цветком, достала небольшую бутылку минералки и жадно припала к ней губами.

– Фу-у-ух-ты! – облегченно изрекла она, убрав опустевшую бутылку в сумку и заметив меня.

Правда, этой репликой все внимание девицы ко мне и ограничилось. Пришлось мне немедленно взять инициативу в свои руки, раз уж судьба подкинула мне шанс в виде «языка».

– Устала? – с сочувственной улыбкой спросила я.

– Да, запарилась совсем! – оттягивая вырез майки, покачала головой девушка. – Еще одно такое занятие – и я сдохну! И вообще, в баню его пошлю, этот фитнес!

– Вот и я смотрю и думаю – может, ну его? – словно советуясь, обратилась я к девушке. – Так тяжело!

– Не то слово! – подхватила пышнозадая девица.

– Кстати, меня Таней зовут, – скромно сказала я.

– Люба, – отозвалась та.

– А разве можно пить в процессе? – кивнула я на сумку девушки.

– Вообще-то Лариса запрещает, – призналась Люба, и я поняла, что Лариса – это тренер. – Загоняла совсем, фашистка! Но если я пить хочу – мне что теперь, умереть?

– Нет, умирать, я думаю, не стоит, – улыбнулась я. – Неужели Лариса такая строгая?

– Строгая. Она раньше в школе физкультуру преподавала, вот и привыкла командовать. Хотя, вообще-то, она тетка неплохая. Просто на спорте помешана. С утра до вечера может тут ломаться, как батарейка «энерджайзер»! А я и полтора часа-то еле выдерживаю!

– А другие девушки как? – поинтересовалась я.

– По-разному, – сказала Люба.

Я видела, что ей явно не хочется возвращаться в зал, где тренер-трудоголик Лариса вовсю гоняла своих подопечных.

– Я вообще не понимаю, для чего тебе фитнес, – скептически скривила я губы, окидывая взглядом Любу. – У тебя такая хорошая фигура!

– Правда? – оживилась та. – Вот и я так думаю! А Лариса мне все – «корова, корова, телеса свои растряси»! – с обидой пожаловалась она мне.

– Что, так и говорит? – удивилась я.

– А то! С нее станется! Представляю, что она детям в школе выдавала!

– Здесь и вообще, я смотрю, много красивых девушек. Вот одна, например, рыжая такая... – я вопросительно посмотрела на Любу, ожидая реакции, и она не замедлила последовать.

– Алена, что ли? – фыркнула Люба. – Девушка как девушка. Просто выпендриваться любит! – Она внимательно взглянула на меня. – А это не вас, случайно, Виталик Черкасов привел? – вдруг спросила она.

– Да, совершенно верно. Мы с ним давние друзья, – подтвердила я. – А ты откуда знаешь?

– Алена уже всем раззвонила, что Виталик привел сюда свою мамочку, – криво улыбнулась Люба и поспешила добавить: – А вы очень даже ничего. Я думала, он и правда какую-то тетку привел. А вы совсем

молодая.

– Спасибо, – усмехнулась я на незатейливый комплимент, сделанный, видимо, Любой в ответ на мое одобрительное высказывание в ее адрес.

– Только я вам не советую оставлять его наедине с Аленой, – пристально посмотрев мне в глаза, посоветовала Люба. – Если вы с ним дружите.

Она сделала акцент на последнем слове.

– Почему? – спросила я.

– Так она же сохнет по нему! – фыркнула Люба. – Весь комплекс знает!

– Да ты что? – подивилась я, хотя ничего неожиданного в этой информации для меня не было. Я уже и так по поведению Алены и по ее взглядам на Черкасова-младшего поняла, что она к нему очень даже равнодушна.

– Ну да! – охотно поддержала эту тему Люба, радуясь возможности почесать языком вместо утомительных занятий. – Она уже извертелась вся, не знает, как его захомутать! К гадалке даже бегала и к экстрасенсу какому-то. Уж не знаю, что они ей там сказали, только она дня три ходила хмурая, а потом с утроенной энергией принялась его атаковать.

– Это как?

– Вертикальную химию сделала – видели ее лохмы? Это все совсем недавно было. И в кафе его приглашала, и на пляж...

– А Виталик что же? Принимал ее предложения? – заинтересовалась я.

– Так у него же тогда Марианна была! – простодушно сказала Люба, но тут же осеклась.

– Ты не волнуйся, мы действительно с Виталиком просто друзья, – успокоила я ее.

– Да ладно, мне-то что! – повела она плечом. – Делов-то, подумаешь! К тому же Марианны теперь больше нет.

– Да, я знаю, – закивала я. – Мне прямо не по себе от этой истории... Ты, кстати, ничего не знаешь?

– Да говорили у нас, что ее из-за денег отравили, – поделилась со мною Люба. – У нее вроде бы деньги хранились под матрасом, а соседки по общежитию во главе с комендантшей узнали, траванули ее и деньги себе хапнули!

«Вот так-то, Мельников! – мысленно поаплодировала я Любе. – У тебя, подполковника убойного отдела, ни единой версии до сих пор нет, а тут – сразу такое!»

– Вот оно, значит, как, – задумчиво протянула я. – И кто об этом

заговорил?

– Да я не помню, все так говорят! – отмахнулась Люба.

– Чем же Виталик так уж зацепил Алену? – вернулась я к волнующей меня теме.

– Ну, он ведь красивый такой! – Алена поиграла рукой в воздухе. – И богатый к тому же.

– Разве сама Алена из бедной семьи? – вполне искренне удивилась я.

– Нет, они, конечно, не бедствуют: ее мама – провизор. Сеть аптек «Целительница» знаете? Так вот Аленкина мать – совладелица. Но их уровень все равно не сравнить с Черкасовыми. К тому же отца у Алены нет, ее одна мать содержит.

«Провизор? Сеть аптек?! Пропанолол... Анаприлин...» – моментально пронеслось у меня в голове.

Теперь мне хотелось поскорее дожидаться окончания занятий, чтобы провести подробную беседу на эту тему с Виталиком. Мне уже не так важна была дальнейшая беседа с Любой, я узнала от нее все самое нужное. Слава богу, вскоре девушка с тоской в голосе произнесла:

– Ладно, я пойду... А то Лариса на меня взъестся, еще после занятий оставит. С нее станется!

И она, тяжело вздохнув, уныло побрела в сторону зала. Я же решила еще немного походить по центру и перевернуть услышанное. Я прошлась по коридору, но, желая избежать встречи с Валентином Федоровичем, у которого явно осталось обо мне не самое лучшее впечатление, спустилась вниз и вышла на улицу. Прохаживаясь не спеша по дорожке перед зданием, размышляла. Версия потихоньку вырисовывалась, по крайней мере, это был единственный более или менее обоснованный вариант с самого начала расследования. Но все же его еще нужно было отработать.

Момент окончания занятий я, похоже, пропустила. Во всяком случае, когда я дернула ручку двери на себя и прошла в помещение, там уже стало шумно. Я обследовала первый этаж, где занималась мужская группа, пытаюсь отыскать Виталика. Но вновь не обнаружила его. Уехать он не мог – его «Хендай» по-прежнему был припаркован у входа в спортивный центр.

Я поднялась на второй этаж, но и там не нашла своего спутника. Я уже собралась выйти на улицу и подождать его там, но тут из конца коридора, где находилась запасная лестница, а также туалеты, до меня донеслись чьи-то приглушенные голоса. Я осторожно двинулась туда, стараясь ступать тихо.

– Значит, вся любовь прошла, завяли помидоры, да, Виталик? – ехидно вопрошал женский голос. Я узнала Алену Гриценко. – А говорил: «Ах,

Марианна, ох, Марианна, люблю только Марианну!» А вот не стало Марианны – и любовь сразу прошла? Я и не знала, что ты такой переменчивый! Значит, все очень быстро у тебя меняется? Вот только с чего это тебя потянуло на старых дев?

– Вот за «деву» тебе особое спасибо, детка! – насмешливо проговорила я, неторопливо показываясь из-за угла.

Алена и Виталик стояли в закутке между туалетами и окном во двор. У меня не было сомнений, что это Гриценко затащила его сюда. Виталик был красным и хмурым, ему явно был неприятен весь этот разговор. Увидев меня, он, хоть и удивился, но, кажется, и обрадовался тоже. По его глазам было заметно, что он едва сдерживается.

– Значит, говоришь, Марианны не стало – а тут сразу другая появилась? – я шла вперед, медленно, но неуклонно наступая на Алену, которая заметно ступевалась как от моего неожиданного появления, так и напора. Она пока еще не понимала, чего я хочу, и, возможно, принимала меня за оскорбленную соперницу. Может быть, она боялась, что я сейчас вцеплюсь ей в волосы.

Так или иначе Алена растерялась и невольно попятилась назад. Однако ей помешала стена – закуток был узким.

– То есть зря ты устранила Марианну, напрасно старалась, да? Как же тебе не повезло, Аленушка! Столько усилий напрасно!

– Вы... Вы о чем это говорите?! – расширила чуть раскосые зеленые глаза Гриценко.

– О твоём горячем желании заполучить Виталика. И о твоей ненависти к Марианне! – я подступала все ближе.

– Да вы что?! Я вас не понимаю... – пробормотала Алена, и голос ее предательски дрогнул.

– А кто ходил по гадалкам? У кого мама работает в аптеке? Кто может легко достать пропанолон и подсыпать его сопернице? Ну?!

Я подошла к ней вплотную. Алена совершенно растерялась от моих выпадов и невольно посмотрела на Виталика, словно ища у него поддержки. Черкасов нахмурился еще сильнее, на лице его появилось выражение беспокойства, тревоги... Он тоже перевел взгляд на Алену, но вид у него при этом совсем не был дружелюбным, и Гриценко поняла это.

– Да что вы набросились-то на меня? – не выдержала Алена. – Вы вообще кто? Что вам надо?!

– Рассказывай, как ты убила Марианну! – жестко потребовала я. – Где ты ее подкараулила? У общежития?

– Да вы что, совсем рехнулись, что ли?! – со слезами в голосе

закричала Гриценко и, круто развернувшись, выскочила в коридор и помчалась по нему к выходу.

Виталик хотел было броситься за ней, но я удержала его за плечо:

– Стой, не надо! Оставь ее сейчас. Она все равно никуда не денется. Пойдем-ка лучше, поговорим.

– Где? – только и спросил Черкасов.

– В машине.

До автомобиля мы шли молча. Сели в мой «Ситроен». Черкасов достал сигарету и закурил, с моего молчаливого согласия.

– Вы правда думаете, что это Алена убила Марианну? – спросил Виталик, сделав несколько быстрых затяжек.

– Не знала, что ты куришь, – проговорила я.

– Когда нервничаю, – бросил он и повторил свой вопрос.

– Не знаю, не уверена, – честно призналась я. – Но многое сходится. У нее есть мотив – раз. И возможность – два. Ты знал, что нравишься ей?

– Честно сказать, не думал, что до такой степени, чтобы ходить по каким-то гадалкам, – признался Виталик. – Блин, а если ей в голову придет какой-нибудь ерундой заняться? Ну, приворотами там всякими, или она порчу пожелает на меня навести? Я, правда, во все это не очень-то верю, но мало ли...

Черкасов поежился.

– Расслабься и забудь, это все чушь, – махнула я рукой. – Давай лучше подумаем, как быть дальше. Я считаю, что с Аленой еще раз стоит побеседовать именно тебе. С тобой она явно будет откровеннее. Постарайся поговорить с ней помягче, о ее чувствах – особенно. Ни в коем случае не смейся над ней, не издевайся. И попробуй, словно бы исподволь, расспросить ее о том дне, когда отравили Марианну. Что она делала, где была...

– А если она ее и убила, то все равно не скажет правду!

– Все равно: если она соврет, я потом сопоставлю факты и найду несоответствия в ее словах, – успокоила я его. – Во всяком случае, я очень постараюсь это сделать. А она не производит впечатления эдакого железного, непробиваемого разведчика, которого не расколется даже папа Мюллер. И наспех она все равно не придумает ничего путного. Так что давай, действуй! Сейчас у меня на тебя вся надежда. Только, наверное, это ты сделаешь уже завтра. И помни, что это нужно для поисков убийцы Марианны.

– Хорошо, я попробую, – со вздохом согласился Виталик, и на этом мы попрощались.



Он пересел в свой «Хендай», а я завела «Ситроен».

Был уже поздний вечер, половина десятого. От луж, образовавшихся после утреннего дождя, не осталось и следа, и вообще было ясно, что на город вновь опустилась жара. И не просто опустилась, а еще и усилилась...

Я включила кондиционер и не спеша повела свой «Ситроен» по более или менее свободным улицам: час пик давно закончился, и автомобилей на дорогах стало гораздо меньше, равно как и общественного транспорта. Кое-где, правда, еще шныряли шустрые верткие маршрутки с самыми трудолюбивыми водителями за рулем. Проезжая мимо троллейбусной остановки, я вдруг с удивлением обратила внимание на женскую фигуру, показавшуюся мне знакомой. Присмотревшись повнимательнее, отбросила все сомнения: на остановке одиноко стояла не кто иная, как Галина Сергеевна Пивоварова, моя давняя приятельница, с которой меня как-то раз связало одно криминальное дело. Галина была хозяйкой и одновременно директрисой кафе «Венеция», считавшимся одним из самых приличных заведений общепита в Тарасове.

Удивительным же было то, что Галина стояла на остановке явно в ожидании троллейбуса. Не то, чтобы она была такой уж снобкой, которая нос воротит от общественного транспорта, вовсе нет. Просто чего-чего, а автомобилей на Галкину душу приходилось достаточно. Во-первых, у нее имелась собственная «Ауди», которую она прекрасно водила. Во-вторых, ее муж, Анатолий, тоже был владельцем автомобиля, правда, он частенько менял машины. Ну, и в-третьих, наконец, у нее имелись еще две машины, так сказать, служебные: одна грузовая для перевозки продуктов и оборудования, а вторая – легковая, служащая транспортом для персонала, на всякий случай. И ее верный водитель-экспедитор со стажем по имени Владимир Костров обычно всегда был под рукой.

Любопытство – что же вынудило Галину одиноко томиться на вечерней остановке? – заставило меня высунуться из машины и весело посигналить приятельнице. Галина, погруженная в какие-то свои, видимо, не очень-то радостные мысли, даже не обратила на это внимания. Пришлось мне высунуться еще дальше и крикнуть:

– Галя!

Пивоварова слегка вздрогнула и посмотрела в мою сторону. Узнавание на ее лице сменилось радостью, и она, подхватив со скамейки большую пляжную сумку, бросилась к моей машине и уселась на сиденье рядом со мной.

– Танюша, привет, сколько лет! – прощепетала она. – Ой, это просто огромная удача, что я тебя встретила! Мне непременно нужно

посоветоваться по нескольким пунктам с грамотным человеком.

– Мне, конечно, льстит, что ты меня так высоко ценишь, – засмеялась я. – Но, может быть, сначала объяснишь, почему ты здесь?

– Сейчас, – удрученно кивнула Пивоварова. – У меня сломалась машина...

– И что, некому было тебя подвезти? – недоверчиво покосилась на нее я. – А где супруг? Костров, в конце концов?

– Ох, это длинная история, – со вздохом махнула Галина рукой. – Но я тебе расскажу... Слушай, у меня появилась идея: ты не хочешь попить кофе?

– Конечно, с удовольствием, – призналась я, посмотрев на часы и вспомнив, что последний раз я пила кофе еще во время обеда. И вообще, с тех пор в мой желудок не поступало ничего удобоваримого.

– Тогда я приглашаю тебя в кофейню «Восток-Запад»! – решительно сказала Пивоварова. – Где тут ближайшая, не знаешь?

– Знаю, конечно. На Советской. Но я бы лучше посоветовала кофейню на Казачьей: она более современная. Кстати, там же можно и перекусить. А почему именно «Восток-Запад»? Нет, я-то с этими кофейнями давно знакома и предпочитаю пить кофе именно там, потому что больше, признаться, нигде не встречала такого вкусного варианта. А ты почему хочешь именно туда?

– Вот там-то я тебе все и расскажу, – решительно сказала Галина. – Поехали!

Я пожалала плечами и развернула машину в сторону Большой Казачьей, где на пересечении с улицей Чапаева располагалась одна из кофейен сети «Восток-Запад».

Я с самого своего появления в Тарасове облюбовала эти кофейни. Мне, кофеманке со стажем, были знакомы все заведения подобного толка в городе. «Восток-Запад» же привлекали меня не только отменным вкусом кофе и чая, а также умиротворенной атмосферой, ненавязчивой музыкой, вежливым профессиональным обслуживанием, а также вполне приемлемыми ценами. Я бывала в заведениях серии «Восток-Запад» неоднократно и даже успела заработать 15-процентный дисконт как постоянный клиент.

– А вот там – кальянный зал, – показала я Галине рукой, когда мы вошли в кофейню. – Не хочешь посетить?

– Нет, только не сейчас, – отказалась Галина. – Как-нибудь, когда я буду в другом, не таком нервном состоянии.

Мы прошли за столик, сделали заказ, причем я не стала отказываться

еще и от второго блюда, так как была голодна, а заморачиваться дома с ужином мне совершенно не хотелось. Галина охотно составила мне компанию. Когда мы выпили по первой чашке кофе, приятельница наконец поведала мне о том, какую свинью подкинула ей судьба.

## Глава четвертая

Галина Пивоварова, владелица кафе «Венеция», ехала в электричке и ужасно страдала от жары. И не только. Да и вообще настроение у Галины Сергеевны было хуже некуда. Сама ситуация, когда она вынуждена была возвращаться с Волги, где находилась их с мужем дача, не в автомобиле с кондиционером, а в душном электропоезде, где не открывалась половина окон, приводила ее в удрученное состояние духа. Галина яростно обмахивалась самодельным веером, который она наскоро соорудила из влажных салфеток, обнаруженных в сумочке, но это приспособление, моментально смявшись в комочек, действовало весьма слабо и не спасало от жары совершенно.

Галина злилась и невольно искала виноватого. Хотя, что его искать, если и так ясно, что это Костров! Зловредный экспедитор кафе и менеджер по совместительству, Владимир Леонидович Костров! Именно из-за него директриса кафе сейчас маялась в этой душегубке! Из-за его склочного и вздорного характера! Правда, сам Владимир Леонидович был убежден, что во всем виновата не кто иная, как сама Галина Сергеевна, а также ужасающая жара, которая нагрелась на волжские просторы с самого начала лета, что, впрочем, в последние годы стало закономерностью, по крайней мере, для Тарасова. И по прогнозам синоптиков, такие изменения в климате должны были вскоре стать постоянными.

Но Кострова плохо утешала перспектива, что теперь каждое лето красная ниточка термометра будет неумолимо рваться вверх, превышая отметку в тридцать пять градусов, а на солнце – даже и все сорок.

Владимир Леонидович плохо переносил жару, он маялся, не находил себе места... Он даже не мог сосредоточиться на работе. Правда, в настоящий момент работы, как таковой, практически не было по причине отсутствия клиентов, и порою Кострову просто нечего было делать. Но даже использовать выпавший перерыв для полноценного отдыха Костров не мог: отдых его не радовал, не приносил удовольствия, все отравляла чертова жара. Поэтому он, не привыкший, в сущности, сидеть без дела, шатался по кафе, заглядывая во все служебные помещения поочередно и стараясь как-то задеть всех, кто только встречался на его пути. Ему было скучно, муторно и просто плохо. И хотелось порадоваться хоть чему-нибудь. Хотя бы тому ощущению, что кому-то сейчас еще хуже. Правда, Костров никак не мог подобрать подходящей кандидатуры для придинок:

как обычно, он считал, что худшей доли, чем выпавшей лично ему, не удостоился никто.

Он постоянно думал о чем-нибудь холодном и мечтал о скорейшем наступлении зимы. Да не какой-нибудь, а с морозами посуровее! Правда, стоит заметить, что в зимний период Костров страдал от холода и не мог дожидаться, когда наступит весна. Весну же он ругал за тополиный пух, вызывающий у него аллергию, а также за цветение черемухи, и еще – за день рождения жены, приходившийся на май.

– Уехать, что ли... – мечтательно пробормотал Костров, окидывая грустным взглядом пустой зал. – На море... На Белое.

Обычные посетители кафе, его, так сказать, завсегдатаи, укатили в места, в достаточной степени удаленные от супержаркого климата. Не на Белое море, конечно, но все же они как-то спаслись от жары. А те, кто зааживал сюда время от времени, сейчас полностью игнорировали мажорную вывеску и привычное меню. Они в основном предпочитали стандартное летнее кафе напротив, которое Костров презрительно называл забегаловкой. Но весь ассортимент этой забегаловки был продуман очень расчетливо: там подавали мороженое, ледяное пиво, холодные соки и минеральную воду. Ни о каких горячих блюдах, сами названия которых в этом сезоне вызывали у клиентов мучительный стон, и речи не велось. Закуски ограничивались разве что овощными и фруктовыми салатиками, а особым спросом пользовались орешки, чипсы и сухарики к пиву. Многие пиццерии в жару оказались на грани разорения, а точки, специализирующиеся на гамбургерах и горячих бутербродах, и вовсе на это время прикрыли лавочку, поскольку пока что их деятельность приносила одни лишь убытки.

Терпела убытки и «Венеция». Били они по карманам всего персонала, включая в первую очередь хозяйку, Галину Сергеевну Пивоварову, но больше всего почему-то по этому поводу сокрушался именно Владимир Костров. Собственно, причина именно его досады как раз была понятна для тех, кто знал Кострова лично. А уж Галина Сергеевна, слава богу, имела удовольствие быть с ним знакомой уже много лет.

Удовольствие это, правда, было весьма сомнительным, ибо характер у Кострова был не сахар. К тому же он позволял себе язвительные замечания в адрес самой Галины, а еще любил устраивать ей какие-нибудь малоприятные розыгрыши. Ему прощались такие штучки потому, что когда-то в юности Владимир был сильно влюблен в молоденькую красавицу Галину и всерьез собирался прожить вместе с ней всю свою жизнь. Галина не пылала к нему ответной страстью, но и не отвергала

ухаживаний Кострова. И даже, кажется, была согласна принять его предложение руки и сердца, но... Тут как снег на голову в ее жизни появился Анатолий Пивоваров, очень перспективный и настойчивый молодой человек, и от его жгучих взглядов у Галины закружилась голова. Роман их был бурным и стремительным, и через полтора месяца после знакомства они сыграли свадьбу, на которую Костров был приглашен в качестве свидетеля...

Владимир, разумеется, на свадьбу не пошел, с Галиной разругался в пух и прах и даже набил новоявленному жениху морду. Произошел грандиозный скандал, который все же как-то удалось замять...

С тех пор прошли годы, страсти поутихли, сам Костров успел жениться и обзавестись сыновьями, у Галины с Анатолием подрастали две дочери... Она сумела помириться с Костровым и даже взяла его на работу к себе в кафе. Экспедитор частенько выполнял функции менеджера, а также ее заместителя, за что получал солидную прибавку к жалованью. Однако обида в его душе, видимо, не утихла до конца, поэтому иронично-язвительный тон в разговоре с начальницей стал для него привычным. А Галина, которая все-таки чувствовала себя виноватой перед Костровым, прощала ему этот тон и возмущалась, только когда Костров совсем уже перегибал палку. Тем более что на самом деле он относился к ней по-прежнему очень хорошо, и только гордыня мешала ему открыто это признать.

Недовольство Кострова в этот жаркий день росло прямо пропорционально высоте столбика ртути в термометре. Владимир Леонидович уже и рабочий костюм сменил на легкомысленные шорты и майку, и голову мочил холодной водой, и по пояс ополаскивался под краном, и даже поступил откровенно оппортунистически, тайком сгоняв несколько раз в столь презираемую им – вслух – соседнюю «забегаловку» и разорившись там на целых три порции мороженого.

Владимир Леонидович никак не мог найти в данной ситуации виноватых, что обычно ему мастерски удавалось. Он уже сорвал свою злость по привычке на всех официантках, шеф-поваре и охранниках. Досталось даже случайно проходившей мимо кафе весьма пышной даме среднего возраста. Она умудрилась задеть своей сумкой Кострова, вышедшего из дверей кафе на улицу.

Наконец, полностью выведенный из себя Костров пошагал в последнюю инстанцию, чтобы сорвать свое раздражение – в кабинет своей начальницы, Галины Сергеевны Пивоваровой. А она в данный момент как раз сосредоточенно изучала меню, обдумывая, какие в него внести

коррективы, дабы увеличить хоть ненамного поток клиентов. И еще одна идея постепенно вырисовывалась в голове Галины Сергеевны, уже не касавшаяся меню, но способная привлечь посетителей, как ей казалось.

Костров, не стучась, протопал в кабинет и, плюхнувшись в кресло и мрачно оттарабанив пальцами по крышке стола начальные такты «Реквиема» Моцарта, с вызовом произнес:

– Развлекаетесь?

– По твоим ушам явно пробежалось целое стадо слонов, ты безобразно фальшивишь, – мельком взглянув на своего подчиненного и моментально уловив его настроение, усмехнулась Галина, продолжая перечитывать меню.

Однако Костров купился на эту шутку и тут же принялся горячо возражать:

– Как же это, интересно, я могу фальшивить, если я всего лишь отстукал ритм?! Вы что, Галина Сергеевна, совсем уже?

Он не закончил фразу, увидев, что взгляд Галины, вперенный в буквы и цифры в меню, на глазах начал неприятно меняться. Вместе с этим и сам Костров поспешил сменить тон и продолжил:

– Тоже, я хотел сказать, от жары мучаетесь? Да... Вот и я страдаю. Еще и сплит-система наша совсем не тянет! Мощность у нее маловата. Да и вообще... Она уже морально устарела! Прямо хоть ложись и помирай. А дома – вообще, туши свет!

– Купи себе сплит-систему для квартиры, – пожала плечами Галина.

Костров моментально занервничал.

– Вы хоть иногда думайте, что говорите, Галина Сергеевна! – все-таки наплевав на вежливость, агрессивно заговорил он. – Купи! Как будто это так просто! На что, интересно, я ее куплю?! У меня, знаете ли, нет своего кафе! А также мужа-бизнесмена! У меня жена, а вдобавок – и дети! Вы вот знаете, что такое жена? Нет, не знаете! И вам в этом очень крупно повезло! К тому же системы эти, представляете, как электроэнергию жрут? Мне сосед рассказывал, что у него в этом месяце на полторы тысячи больше за свет набежало! Где я возьму лишние полторы тысячи, если меня и так мои спиногрызы поедом кушают! Я сам видел на счетчике: у соседа он крутится, как вентилятор, когда эта система работает! А наша к тому же еще и маломощная! Платим, сами не знаем за что!

– Ничего страшного, сегодня придут, установят две новых, современных, – пожала плечами Галина. – Ты же сам лично распорядился насчет этого. И деньги я выделила.

Но Костров уже забыл, с чего он начал разговор и каким образом он

перешел на тему его семейной жизни, хотя это уже было для него неважно. Галина продолжала хранить меланхолическое молчание и, кажется, даже не слушала разошедшегося экспедитора. Она тоже, по правде говоря, была порядком утомлена жарой и старалась не тратить лишних усилий ни на что.

Костров же, выплеснув эмоции в адрес своих домочадцев, умолк, и Галина Сергеевна решила спросить:

– Кстати, ты когда в отпуск собираешься?

– В декабре! – буркнул Костров, но не выдержал и спросил: – А что?

– Просто мне нужно знать, когда тебе отпускные платить. Премии-то в этом месяце не будет.

– Как не будет? – вытаращил глаза Костров.

– Очень просто, – пожала плечами Галина. – А за что? И так простаиваем!

– Но это вынужденный простой, – с нажимом заметил Костров.

– Ну и что? Все равно же платить не за что! – обосновала свою позицию директриса. И, не дав Владимиру опомниться, она быстренько продолжила: – Послушай-ка, что я тебе скажу, как раз хотела посоветоваться... Как ты думаешь, не набрать ли нам в кафе девушек?

– Девушек? – цепкие глаза Кострова еще больше округлились. – У нас своих, что ли, мало?

– Да я не об официантках говорю! – досадливо отмахнулась Пивоварова. – Я хочу пригласить певицу. Ну, чтобы она пела вживую, а не просто фонограмма звучала. А то наша группа музыкантов, по-моему, стала откровенно халтурить. К тому же они все – мужчины. А девушка – это будет свеженько, по-моему.

И она вопросительно взглянула на Кострова, ожидая его одобрительной реакции. Реакция же менеджера оказалась совсем не такой, на какую она рассчитывала. Владимир Леонидович мрачно выслушал свою начальницу, глубоко вздохнул и четко, с расстановкой, произнес:

– А деньги, Галина Сергеевна, вы где собираетесь на это брать?

– Неужели мы денег не найдем – певице заплатить? – с удивленным раздражением сказала Галина.

– Из бюджета, значит, возьмем! – понимающе мотнул головой Костров. – А это значит, из нашего кармана! В том числе и из моего тоже! Мало того, что мы и так убытки терпим, я премии лишаюсь непонятно за что, так теперь еще какой-то фитюльке платить! На это вы деньги находите!

– Послушай, почему ты так кричишь на меня? – не выдержала Галина. – Я на твои, что ли, деньги, хочу ее нанять?

– А получается, что на мои! – отрезал Костров. – Премии-то я



лишаюсь!

– Не ты один, а мы все, и я в том числе, – попробовала возразить Галина Сергеевна, но Костров продолжал разоряться:

– И вообще!.. Я вам сколько идей подкидывал, чтобы повысить рейтинг кафе? Вы мне не только за них не заплатили, а еще и не воспользовались ими! Вот и пожинаете теперь плоды своего легкомыслия! А я еще и платить за это должен!

– Да почему ты-то? – попыталась вклиниться Галина Сергеевна в гневный поток речей своего заместителя.

– Да потому! – не приводя никаких логических доводов, махнул рукой Костров. – Одним словом, вы как хотите, Галина Сергеевна, а я уволюсь!

И он решительно прошагал к двери кабинета. У выхода он круто развернулся и отчеканил:

– Словом, выбирайте, Галина Сергеевна: или она – или я!

И вышел в коридор.

– Ты, словно ревнивый муж, предлагаешь мне выбор между собою и любовником! – еще не придя в себя от изумления, воскликнула Галина. Потом, увидев, что менеджера уже и след простыл, она вздохнула и покачала головой. – И какая муха его укусила? – сказала она уже тише.

Инцидент, по ее мнению, не стоил выеденного яйца. Галина не могла понять, с чего это Костров так завелся. Жара, что ли, лишила его остатков рациональности?

«Ладно, к вечеру успокоится», – решила про себя Галина и занялась своими обычными делами.

Однако к вечеру выяснилось, что у истории имеется продолжение. Закончив рабочий день, Галина решила поехать на дачу, так как завтра у нее должен был быть законный выходной. В кафе ее в этот день заменял Костров. Супруг ее, Анатолий, находился в отъезде, но Галину это не смущало: она сама прекрасно водила машину. Единственное, что ее слегка насторожило, так это отсутствие экспедитора в кафе незадолго до ее ухода. Но кто-то из официанток сообщил ей, что вроде бы Владимир Леонидович уехал за покупками для кухни на служебной машине, и Галина успокоилась.

Вечер на даче она провела хорошо, отдохнула от жары, периодически окунаясь в волжские волны на пляже. Однако следующий день явно не был днем Галины Сергеевны Пивоваровой...

Началось с того, что она проснулась от шума дождя и, чертыхнувшись, увидела, что идет даже не дождь, а ливень. Просидев полдня дома, Галина осторожно высунулась на улицу и увидела, что все дорожки размыты,

покрыты влажной грязью. Пришлось ей вновь скрыться в доме и бить баклуши. После обеда солнце принялось палить пуще прежнего, а когда к вечеру Галина Сергеевна собралась возвращаться в город, выяснилось, что ее автомобиль не заводится...

Такого с Галининой «Ауди» еще никогда не случалось! Решив сперва, что это какое-то временное недоразумение, Галина подождала некоторое время, затем вновь сделала попытку завести двигатель. Он молчал, как мертвый.

Будучи отличным водителем, механиком Галина была никудышным. То есть во внутреннем устройстве машины она не разбиралась совсем. Помочь ей мог бы тот же Владимир Леонидович Костров, который соображал в моторах прекрасно и в считанные минуты мог установить причину неполадки и устранить ее. И Галина Сергеевна набрала номер его сотового.

Сначала Костров не брал трубку, что изрядно разозлило Галину Сергеевну: ей уже пора было возвращаться, так как дома оставались без присмотра две ее дочери, четырнадцати и шестнадцати лет, – возраст как раз такой, что одних их оставлять вроде бы давно уже можно, а с другой стороны, в чем-то – еще опаснее, чем совсем маленьких детей. И отсутствие родителей в течение двух ночей подряд вряд ли положительно отразилось на их воспитании, по мнению Пивоваровой.

Галина упорно набирала номер Кострова. Наконец, не выдержав, она послала ему эсмэску, весьма решительного и конкретного содержания. После этого экспедитор милостиво позвонил ей сам. Выслушав излияния начальницы по поводу ее злоключений, он спокойно ответил:

– Приехать никак не могу, Галина Сергеевна. У меня бензин кончился. А денег вы мне не оставили...

– Ну, заправь из своих, я тебе сразу же отдам! – недоуменно попросила Пивоварова.

– К тому же поломка у вас может оказаться серьезной, – словно не слыша Галину, продолжал менеджер-экспедитор издевательским, как ей показалось, тоном. – Так что оставьте свои надежды выбраться с дачи на своей «Ауди». Ей вообще уже, честно говоря, на свалку пора!

– На какую свалку, ей всего пять лет!

– Вот именно! – заметил Костров.

– Но мне же нужно попасть домой, ты же понимаешь, у меня девчонки там одни! – прокручивая в уме, в какой бараний рог она согнет зарвавшегося менеджера, когда вернется, принялась убеждать его Галина.

– Так в чем проблема-то, Галина Сергеевна? – спокойно отреагировал

Владимир Леонидович. – Садитесь и поезжайте!

– На чем?! – чуть не взвыла Галина.

– На электричке, – все так же невозмутимо посоветовал ей Костров.

– Да ты что, рехнулся, что ли, в конце концов! – уже не сдерживаясь, закричала Пивоварова.

– А что такого-то? – удивился ее заместитель. – Я вот на свою дачу всегда на электричке езжу: и дешевле, и машина не портится!

– Да я даже расписания не знаю... – упавшим голосом призналась Галина, осознав наконец, что Костров не шутит и помощи от него ей не дожидаться.

– А вы узнайте, Галина Сергеевна, узнайте! – угодливо предложил Костров. – Там, на станции, оно и висит, крупными такими буквами все напечатано!

– Да мне до станции топать минут тридцать! – чуть не плача, сказала Галина.

– А ничего страшного! Пешие прогулки полезны для фигуры. А то вы что-то засиделись в своем кабинете-то, Галина Сергеевна! Да и на работу, с работы постоянно в автомобильчике катаетесь... Так и форму потерять недолго! Да... А у вас супруг, так сказать, молодой еще...

– Ну, погоди... – тихо произнесла Галина, сатанея от злости. – Вот я вернусь – и мы с тобой по-другому поговорим! Ты у меня не то что премии – зарплаты лишишься!

– Да, кстати, Галина Сергеевна, я вам как раз хотел сообщить, что я у вас больше не работаю. Меня пригласили в кофейню «Восток-Запад». Управляющим. С завтрашнего дня можно приступать. Чудное место – прохладно, уютно, работы немного! Зарплата, кстати, в два раза выше, погодные перемены, опять же, на количество посетителей не влияют. А вам всего хорошего, Галина Сергеевна, приятно было с вами работать!

И Костров, насвистывая, отключил связь. Галина несколько секунд стояла, ошеломленная, не в силах ни сказать ничего, ни сделать.

– Ну, подлец... – наконец протянула она, медленно кладя мобильник в сумку. – Ничего. Отольются тебе мои слезы!

В растерянности она набрала номер супруга, но тот оказался вне зоны доступа. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: он находился в другом городе. Рассчитывать ей оставалось только на саму себя.

В Галине постепенно и уверенно просыпалась деловая женщина. Уже вечерело, а домой требовалось попасть во что бы то ни стало. Электрички ходили примерно до половины десятого. Она посмотрела на часы и нахмурилась. Это означало, что нужно немедленно хватать сумку и

быстрым шагом топтать на станцию. Что она и сделала, скрашивая себе дорогу тем, что сочиняла, каким изощренным издевательствам она подвергнет Кострова, если коварный экспедитор еще когда-нибудь повстречается на ее пути.

Купив билет, она наконец с облегчением опустилась на жесткую скамейку. Плохо было то, что Галина впопыхах не позаботилась о прохладительных напитках и теперь страдала еще и от жажды. От легкого холодка, принесенного утренним дождем, не осталось и следа, и теперь Галине предстояло терпеть до города.

К счастью, оказалось, что в электричках разносят как питье, так и всевозможные закуски: от горячих пирожков до холодного мороженого. Купив литровую бутылку кока-колы и большое эскимо, Галина подумала, что не все в этой жизни так плохо...

Дальнейший путь, в принципе, прошел сносно. Периодически пассажирам досаждали доморощенные музыканты, сипловатыми голосами распевавшие что-нибудь из шансона: то разудало-разухабистое, то лирическое, со слезой. Появлялись и совсем юные ребята, с неумелыми, но все же приятными голосами, снабженные гитарой и даже флейтой, явно ученики какого-нибудь училища культуры. Одному из них Галина даже сунула десять рублей.

Затем пошли какие-то сомнительные личности, без пола и возраста, беженки, погорельцы... Галина уже не реагировала на них. Полуприкрыв глаза, она дремала, изредка поглядывая в окно и считая, сколько остановок осталось до железнодорожного вокзала.

Когда ехать оставалось не более десяти минут, в вагоне появилась молодая девушка, в цветастом платке, совсем немодном, из-под которого выбивались длинные светлые пряди, и с серо-голубыми, с поволокой, глазищами на пол-лица. Она не рассказывала никаких душещипательных историй, просто тихонько встала у двери и завела песню – удивительно мелодичным и чистым голосом.

Галина невольно распахнула глаза и с изумлением уставилась на девушку. Голос ее казался поставленным от природы. Она пела, совершенно не напрягаясь, она не задыхалась, хотя прошла уже несколько вагонов. Да и сама песня очень заметно выбивалась из репертуара, который довелось сегодня прослушать Галине Сергеевне.

– Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко... – плавно лилось в уши невольных слушателей, и Галине совершенно расхотелось дремать.

Она пристально вглядывалась в красивое, нежное, но какое-то болезненное лицо девушки, а когда та под конец песни двинулась мимо

скамеек, в порыве чувств протянула ей сторублевую купюру. Девушка явно была поражена, но петь не перестала, лишь благодарно кивнула, не прекращая пения. Галина бросила взгляд на ее одежду: странно, вроде и не нищенка, а одежда вся словно с чужого плеча: узкая кремовая юбка, зеленоватая блузка с рукавом три четверти, в которой в такую погоду должно быть жарковато, и зачем-то этот дурацкий платок...

Девушка прошла мимо. Электричка уже подходила к вокзалу, и Галина засуетилась. Вещей у нее не было, кроме большой пляжной сумки, тем не менее она уже протискивалась к дверям. На перроне она случайно увидела, как к девушке в длинной юбке подошла другая – молодая нагловатая цыганка с чумазой мордашкой, и требовательно потянула певунью за рукав. Девушка покорно пошла за ней, глядя сквозь толпу людей огромными прозрачными глазами...

\* \* \*

– И что? – невольно хохотнула я, когда Галина закончила свой рассказ.

– Что «что»? – расстроено переспросила та. – Вот я и думаю теперь, что мне делать.

– Так ты поэтому затащила меня в «Восток-Запад»? Ты что, рассчитывала, что увидишь здесь Кострова, разгуливающего в смокинге? – фыркнула я.

– Нет, конечно, – со вздохом ответила Пивоварова. – Он же сказал, что приступает к работе с завтрашнего дня. Просто я хотела посмотреть на это заведение, так сказать, изнутри.

– Ой, слушай, ты эту лапшу с моих ушей-тоними! – поморщилась я. – С какого завтрашнего дня? Каким управляющим? Да кто его возьмет-то? У него же нет специального образования! Это ты его держишь на всевозможных ставках, потому что знаешь давным-давно, вот он и обнаглел. А кому, кроме тебя, он нужен?

– У него опыт, – грустно заметила Галина. – К тому же прирожденный дар администраторства, а этому нельзя научиться.

– Но об этом знаешь только ты! У него же нет никаких дипломов. Да и рекомендаций, хочу заметить, тоже. Вряд ли после его закидонов ты выдашь ему отличнейшую характеристику!

– Не дам, – подтвердила владелица «Венеции».

– Вот! – подняла я палец. – А «Восток-Запад» – это тебе не шарашкина

контора, не забегаловка какая-нибудь. Они кого попало брать на работу не будут. Здесь нужны профессионалы своего дела. Видишь, какой тут сервис качественный?

– Ну, у меня в кафе он тоже качественный! – совсем не в тему обиделась Галина.

– Короче, если хочешь моего совета – не обращай внимания на капризы Кострова! Просто игнорируй его, и все! Вот увидишь, он тебе скоро сам позвонит. Я так понимаю, ты переживаешь уже не из-за того, что он тебя кинул с машиной, а из-за того, что он увольняется? А, подруга? – и я пристально посмотрела Галине в лицо.

По густому слою краски, залившему ее щеки, я поняла, что не ошиблась.

– Слушай, мать, – посмеиваясь и принимаясь за десерт, сказала я. – А ты сама, часом, не влюбилась в Кострова, а? Что это ты так переживаешь из-за его ухода? Причем переживаешь совсем не как директор ресторана из-за ухода рядового сотрудника!

– Ну что ты такое говоришь! – с негодованием запротестовала Галина. – Конечно же, нет! Я его знаю уже столько лет, что просто не смогу воспринимать как сексуальный объект. Он для меня вообще... Скорее даже подруга, а не друг.

– Он же над тобою постоянно язвит! – удивленно заметила я.

– Это не всерьез! – махнула ладонью Галина. – Это у него манера такая. А в душе я знаю, что мы с Анатолием – самые близкие его друзья.

– Ты – может быть, – согласилась я. – Но вот насчет Анатолия я не уверена. По-моему, они с Костровым терпеть друг друга не могут.

– Да это же просто игра такая, Таня. На самом деле все не так страшно. Значит, ты считаешь, что он вернется? – с надеждой посмотрела она на меня.

– И к гадалке не ходи! – усмехнулась я. – Прибежит, вот увидишь. Где он еще найдет такое место, чтобы получать зарплату сразу и как экспедитор, и как менеджер, и как твой зам? Да он и сам привык к вам за столько лет.

– Ладно, будем надеяться, – сказала Галина. – Слушай, Таня, у меня тут к тебе еще один вопрос.

– Давай, – усмехнулась я. – Правда, обычно это я произношу данную фразу. На работе, я имею в виду.

– Я уже тебе говорила, что хочу найти певицу в кафе? У тебя случайно нет никого на примете?

– Пожалуй, нет. Да и откуда? Я же не в консерватории служу!

– Ну, мало ли... Ой, Таня, эта девушка в электричке! Это же просто... словами не описать, какой красоты голос! Прямо юный Робертино Лоретти, до того как у него начались мутации. Поверь, я в этом разбираюсь, я же в музыкальной школе училась в свое время. А поет в электричке, представляешь? Ну, хоть что-то приятное доставила мне эта поездка. Вот бы мне ее к себе взять!

– Ну и возьми, в чем проблема? Если она по электричкам мыкается, для нее просто счастьем будет петь в твоём кафе.

– В том-то и дело, что я не знаю, где ее искать! Она же просто прошла мимо меня, и все! Что же, я теперь каждый день по электричкам начну мотаться?

– Это, конечно, тоже вариант. Правда, муторный. Но почему именно эта девушка? Найдешь другую. Вон, по музучилищу пройдишь – наберешь себе целую группу на выбор!

– Нет, такую я точно не найду, – вздохнула Галина. – Такой голос – редкость. Как она завела свое «Прекрасное далеко», я аж сразу проснулась! Обожаю эту песню, с детства. И фильм мне очень понравился.

Галина еще немного повздыхала, потом обеспокоенно посмотрела на часы и покачала головой.

– Ой, Танюша, мне уже пора домой! У меня там девчонки одни. Ты меня подвезешь, по старой дружбе?

– Конечно, о чем речь! – сказала я, и мы, расплатившись, вышли из кофейни «Восток-Запад».

По дороге Галина еще несколько раз драматически вскидывала руки, упорно предполагая, что Костров так и не вернется и ей придется самой взять на себя заботы менеджера, а уж где ей найти еще и экспедитора, она уж совсем не знает. Я вновь и вновь доказывала всю абсурдность ее переживаний. Потом высадила ее возле дома и отправилась наконец к себе после столь долгого дня расследования.

Поставив машину в гараж и идя к своему подъезду, я мельком заметила, как за углом двора промелькнул бампер какой-то темно-красной машины...

\* \* \*

Виталик Черкасов позвонил мне на следующее утро ни свет ни заря.

– Татьяна Александровна, у меня есть новости! – произнес он

торжественным голосом.

– По телефону рассказать можешь? – зевнув, спросила я.

– Лучше лично, – настойчиво произнес он.

– Ладно, тогда приезжай, – нехотя сказала я. – Адрес запиши.

Черкасов явился ко мне домой еще быстрее, чем его мамаша. Которая, надо заметить, за прошедшие сутки успела позвонить мне как минимум раз пять с одним и тем же идиотским вопросом: «Ну как?» Я отвечала ей максимально спокойно и кратко каждый раз, обещая тут же сообщить все серьезные новости, если к тому будет повод.

Виталик выглядел бледным и возбужденным. Быстро прошел в комнату, от завтрака отказался, но насчет кофе сказал, что выпьет с удовольствием. Я принесла две чашки, и Черкасов без предисловий начал:

– Короче, Алена клянется, что она ни при чем!

– Так ты все-таки связывался с ней? – слегка укорила я его. – Я же просила – потерпеть до сегодняшнего дня!

– Она сама мне позвонила ночью, плакала, уговорила приехать. Мы с ней до утра проговорили.

– И что же говорит наша красавица?

– Она со слезами на глазах призналась, что терпеть не могла Марианну и очень хотела нас с нею разлучить. И про гадалок рассказала, что ходила к ним, и что все маги, как один, сказали ей, что я – не ее судьба, – в голосе Виталика послышалось что-то похожее на облегчение. – Но она все равно решила, что они ошибаются.

– Да уж, – хмыкнула я. – Очень неблагодарное занятие – отбирать у женщины ее заблуждение!

– Вот и я ей примерно то же самое сказал! – с жаром подхватил Черкасов. – Что это все – ее заблуждение, ерунда полная, и все скоро пройдет само собой. Я в школе тоже влюблялся постоянно, а сейчас даже и не помню имен некоторых своих недавних «возлюбленных»!

– Ну, Алена все-таки уже вышла из школьного возраста, – заметила я. – Так что насчет Марианны?

– Алена клянется, что она Марианну нигде не подкарауливала и не убивала ее. Что она даже названия такого лекарства не слышала – пропанолол! Она его даже толком произнести не сумела, не запомнила. И что в аптечные дела своей мамы никогда не вникала. Мол, если она заболит, то мать сама поймет, какое лекарство ей дать.

– И это все? – скептически скривилась я. – Разумеется, она будет упорно все отрицать. А ты чего ожидал? Моментального признания? Такое только в кино бывает.



– Это еще не все, Татьяна Александровна! – торопливо заговорил Черкасов. – Я специально спросил ее, что она делала в день смерти Марианны. Так вот, в тот день у нее был экзамен по бухгалтерскому учету. Она в экономическом учится, на кредитно-финансовом отделении. Она мне даже зачетку показывала, там и дата проставлена и оценка – все совпадает! И потом, мне, если честно, трудно себе представить, чтобы Алена подкараулила Марианну и насильно заставила ее принять яд. Как вы это себе воображаете?

– Она могла Марианну как-то обмануть, – пожала я плечами.

– Марианну не так-то просто было обмануть! К тому же она знала, что Алена ее терпеть не может, и уж, конечно, не стала бы принимать из ее рук никакого угощения. Просто из принципа. И потом, у Алены же алиби есть.

– Да, действительно, алиби, – задумчиво сказала я.

Похоже, спонтанно возникшая у меня версия так же стремительно угасала на глазах. Конечно, можно было проверить это более детально, и я взяла телефонную трубку, набрав номер Анатолия Лебедева.

– Да бросьте вы, Татьяна Александровна! – сразу же разочаровал он меня, когда я в общих чертах описала ему суть вопроса. – Анаприлин свободно продается в любой аптеке, стоит копейки. Для его получения не нужно никакого блата.

– Но ведь необходимо обладать какими-то познаниями в химии и фармацевтике? – предположила я.

– Знаете, какой сейчас главный источник знаний? Интернет! – назидательно оповестил меня Лебедев. – Залезь туда – и получишь ответ на любой вопрос. Как говорится, кто ищет, тот найдет. Так что любой чайник, далекий от медицины и фармакологии, мог додуматься до такого способа убийства.

– Понятно, – грустно произнесла я. – Спасибо, Анатолий Дмитриевич.

Виталик, видя мои нахмуренные брови, поспешил добавить:

– Можно поговорить с однокурсниками Алены и проверить ее показания.

– Можно, конечно, – согласилась я. – Только все же, думаю, пока не стоит. Вряд ли она стала бы врать так бездарно, предоставляя липовое алиби, которое рухнет при первой же проверке. Уж не настолько она наивна!

И я внимательно посмотрела на Черкасова.

– А ты, кажется, рад, что это не она, а Виталик? Может быть, Алена права, и у нее есть шанс в дальнейшем завоевать твое сердце?

– Вот уж нет! – категорически заявил Виталик. – Она совершенно не в

моем вкусе! Просто мне стало ее немного жаль, вот и все.

– Ладно, мне пора работать, – сказала я. – Спасибо тебе за помощь.

– А что вы собираетесь делать дальше? – с любопытством спросил Черкасов. – Может, я опять вам пригожусь?

– Нет-нет, – решительно замахала я руками. – Сейчас у меня начинается сложный этап, ты только будешь мешать!

– Ну ладно, – с сожалением поднялся Виталик.

– Выспись лучше, я тебе сама потом позвоню, – выпроваживая его на лестницу, пообещала я.

Что же мне делать дальше? Если бы я сама знала...

Пока что мне было совершенно непонятно, что же теперь отрабатывать. Я сосредоточенно поразмышляла и решила на всякий случай отправиться к подполковнику Мельникову, чтобы посоветоваться, какие действия следует предпринять, и заодно выяснить, не появилось ли у доблестной милиции каких-либо новых сведений и версий. Хотя что-то мне подсказывало о тщетности этих надежд...

На всякий случай, перед выходом я обратилась к своим гадальным костям. Кости, рассыпавшись по дивану, поспешно выдали мне такую комбинацию:

«34+23+16» – «Ваш соперник может стать Вашим союзником».

«Хорошо бы соперники всегда становились союзниками! – подумала я. – Тогда и бороться было бы не с кем!»

И, приободренная этим прогнозом, я вышла из квартиры и спустилась к гаражу.

Но к Мельникову мне попасть не удалось. Красный «Рено» замаячил за мной практически сразу, как только я выехала на центральную дорогу.

«А ты, приятель, оказывается, ранняя пташка! – подумала я, разглядывая водителя в зеркало заднего вида. – Кто же ты, незнакомый преследователь?»

Водитель был еще очень молод, это я определила безошибочно, хотя он и нацепил свои дурацкие темные очки. Мне, признаться, поднадоела эта игра в Штирлица, и я решила уже сегодня, прямо сейчас, поставить в ней жирную точку. То, что он не профессионал, было очевидно – я вычислила его мгновенно. К тому же он один, что тоже мне на руку. Да и молод совсем, зелен, как ни крути.

Для начала я решила проверить, станет ли он отслеживать все пункты моего перемещения, в том числе и пешеходного, или же его просто волнует вопрос, как не потерять меня из виду.

Остановившись возле одного из магазинов, я вышла из машины и проследовала внутрь. Выглянув в окно, увидела, что парень сидит в машине, но высунулся из приоткрытой двери и растерянно поглядывает на двери магазина, явно не зная, как ему действовать дальше. Я мысленно усмехнулась.

«Опыт против молодости, малыш! Посмотрим, кто победит!»

Дальше я поступила хитрее: выбрав подходящий переулок, свернула туда. Я хорошо знала этот район, и мне было известно, что чуть дальше должен находиться двор, путь в который лежал через длинную темную арку. Вот перед этим двором я и заглушила двигатель «Ситроена», вышла и невозмутимо, размеренной походкой, двинулась вперед. Когда до арки осталось пройти совсем чуть-чуть, я скосила взгляд и боковым зрением увидела, что мой прием сработал: парень все-таки отважился покинуть свою машину.

Он шел крадучись, озираясь, плохо видя в своих темных очках, и, будь он настоящим шпионом, уже давно оказался бы не просто на грани провала, а на самом его дне. Подавив смешок, я свернула в арку, прошла ее быстро, почти бегом, и, дойдя до конца, спешно нырнула за угол и прижалась к стене. Вскоре в арке гулко затопали неуверенные, но торопливые шаги. Наверное, этот недоделанный следопыт решил, что я хочу от него оторваться. Так или иначе, но я уже не сомневалась, что он у меня в кармане.

Его фигура выросла передо мною через несколько секунд, и я была уже наготове: резко зажала ему рот ладонью, высоко задрав подбородок преследователя, а другой рукой схватила его за запястье и вывернула за спину. Он замычал, задергался из стороны в сторону, и я прошипела ему в ухо:

– Тише, приятель! Давай-ка поговорим начистоту. Я, знаешь ли, с детства не люблю игру в кошки-мышки.

И для надежности я саданула ему сзади коленом под зад. У парня дернулась голова вниз, я почувствовала, как разжались его губы под моей ладонью – он очень хотел вдохнуть немного воздуха.

– Так, быстро говори: кто тебя послал следить за мной? – я слегка ослабила давление ладонью.

– Нык-то, – промычал он, и мне пришлось повторить удар.

– Да вы что, перестаньте бить! – разобрала я его слова сквозь всхлип. – Я ваш коллега!

– Кто-о-о? – недоверчиво протянула я и все-таки рассмеялась. – Парень, ты эту лапшу кому-нибудь другому вешай! Чтобы частный

детектив вел себя так глупо? Кто тебе лицензию-то выдал?

– У меня нет лицензии, отпустите меня, я все расскажу! – голос через ладонь звучал глухо. – Зачем бить? Я думал, вы цивилизованный человек!

– Значит, так! – скомандовала я. – Сейчас мы идем к моей машине и там спокойно беседуем. Рот я твой отпущу, но имей в виду: у меня имеются пистолет и нож. И если к первому я прибегаю в крайних случаях, то лезвие воткнется тебе прямо в бок. К тому же, как ты убедился, я и без ножа умею прекрасно управляться с возомнившими о себе чрезмерно резвыми молодцами! Ну, пошли!

Руку его из неудобного положения я освободила, но крепко ухватилась за нее и прижала к себе. Так, в тесной близости друг к другу, мы и пошли по узкой арке, и со спины, наверное, нас можно было принять за влюбленных малолеток, обожающих ходить в обнимку.

Вскоре мы уже сидели в моем «Ситроене». Очки с парня слетели еще за углом арки – я, правда, их подняла, – и теперь не оставалось никаких сомнений в том, что это именно тот парень, обедавший за соседним со мной столиком в буфете медицинского колледжа. Тот, кого я первоначально записала в будущие хирурги. У него было совсем молодое лицо, и при ближайшем рассмотрении он оказался гораздо более худощавым, чем казался тогда. Может быть, за счет фасона одежды.

– Тебя как звать-то? – первым делом осведомилась я у горе-детектива.

– Антон, – ответил он и пощупал губы.

– Ничего, это не смертельно, – махнула я рукой, поглядев на его манипуляции. – Детским кремом помажь, если ты такой нежный. Так зачем же ты, Антоша, второй день за мной следишь? Встаешь спозаранку? Чем это я так тебя заинтересовала? Только не говори, что увидел меня на улице, влюбился по уши и теперь ночей не спишь, жить без меня не можешь. А то меня и таким приемом пытались разводить!

Антон слабо улыбнулся.

– Да что ж я, совсем дурак, что ли? – миролюбивым тоном произнес он, и мне даже стало немного обидно... В самом деле, неужели потерять из-за меня сон может только совсем законченный дурак?

– Короче, говори все! – сухо потребовала я.

Антон глубоко вздохнул и сказал:

– Это из-за Марианны Новожиловой. Я тоже ищу того, кто ее убил.

– Вот как? – приподняла я одну бровь. – И кто же тебя уполномочил это делать?

– Никто, я сам.

– Угу, – кивнула я. – А зачем?

– Понимаете, я юридический заканчиваю, – быстро заговорил Антон. – Хотел следователем стать, в прокуратуре. Ну, я и подумал, что для меня это было бы хорошей практикой.

– Что, вот так, из головы, решил расследовать первое попавшееся дело? – не поверила я. – Почему именно смерть Марианны? И при чем тут я?

– Так мы же были с ней знакомы! – поведал Антон.

– С кем? С Марианной? – удивилась я: ни о каком Антоне я прежде не слышала.

– Ну да. Почти сразу и познакомились, как она сюда приехала, еще летом. Она как раз в медицинский колледж поступила. Разговорились, она кое-что о себе рассказала, я – о себе... Стали дружить.

– У вас были близкие отношения? – осторожно спросила я.

– В каком смысле – близкие? – уточнил он.

– Ты спал с ней? – с досадой спросила я, сетуя мысленно на его тугодумие.

– А-а-а, это... Нет, не спал. Мы просто друзьями были. А потом у нее вообще парень появился.

– Так, и что дальше? Ты узнал, что она отравилась, и решил узнать причину?

– Ну да... А что здесь такого?

– Документы покажи! – потребовала я. – Только одну руку поднятой держи!

Антон, улыбнувшись, полез правой рукой в карман и выложил передо мной паспорт и студенческий билет. По документам действительно выходило, что Антон Юрьевич Колесников является студентом пятого курса Саратовской государственной академии права.

– К пятому курсу, Антоша, нужно умнее быть, – покачала я головой, возвращая документы доморощенному сыщику.

– Ну что, мне руку-то опустить можно? – спросил он.

– Да, опускай, – со вздохом разрешила я. – А почему же ты от меня таился-то? Глядишь, вместе мы бы что-нибудь и придумали. Мне вот сегодня сказали, что мои противники вполне могут стать моими союзниками! – я не стала уточнять, кто именно мне это сказал.

– Да я не отказываюсь! – Колесников преданно смотрел мне в глаза и даже прижал затекшие руки к груди.

– Тогда давай подробности! – потребовала я. – Что тебя заставило расследовать ее смерть? Только ли простое любопытство?

Антон откинулся на спинку сиденья.

– Ну, если честно, то не совсем, – признался он.  
– Ну вот, это уже ближе к теме, – кивнула я.  
– Я знал, что родители Виталика наняли вас для расследования.  
– Откуда? – тотчас спросила я.  
– Он сам мне сказал, я звонил ему.  
– Так вы знакомы? – удивилась я, почему Черкасов ничего не рассказал мне об этом шустром парнишке.

– Знакомы. Нас Марианна и познакомила. Ну, Черкасов парнем адекватным оказался, а потом у нас с ним общие знакомые обнаружили, в академии... Словом, мы сдружились. И я решил... как бы это вам сказать, – Антон скромно потупился. – Ну, в общем, я знал, что его папаша долго вам платить не станет, ему это быстро надоест. Он всегда был против отношений своего сына с Марианной, и вообще такие люди деньги на что попало не тратят. Поэтому у них их и много, – улыбнулся он.

– А ты откуда знаешь, что он был против?  
– Виталик об этом говорил. Он еще сказал, что папа предупредил его – еще день-два, и сын может забыть о частном детективе.

«Вон даже как! – подумала я. – И что же руководит папой Черкасовым? Только ли бережливость? Может быть, он просто не заинтересован в исходе расследования? Ведь настаивала-то на моем участии мамаша, и то, под нажимом Виталика, а вовсе не Сергей Николаевич...»

Но неужели это Черкасов-старший кого-то нанял для устранения Марианны? Нет, не может быть! Ведь они даже еще и женихом и невестой не считались! Мало ли что могло измениться – что, теперь каждую девушку, за которой ухаживает его сын, убивать? И вообще, это какая-то сверхкрайняя мера. Ну, нежелательный вариант для сыночка, но не смертельный же! И метод – отравление пропанололом – как-то не вяжется со стилем заказных убийств.

Словом, для отработки версии причастности Сергея Николаевича Черкасова к смерти Марианны пока что не было весомых оснований. И я вернулась к своей беседе с Колесниковым.

– А ты-то на что рассчитывал? Даже если бы они от моих услуг отказались?

– А я – что? Я за свои услуги много не возьму... – и Антон стыдливо потупил глазки.

– Так ты хотел работу у меня переманить?! – с изумлением спросила я. – Ну надо же, какой ты ушлый предприниматель! А ты знаешь, что за такие штучки по головке не гладят?

- Вы меня и так сегодня не погладили, – пробурчал он, потирая спину.
- Ладно, будем считать, что мы квиты, – усмехнулась я. – То есть ты стал следить за мной, чтобы затем воспользоваться результатами моего труда – или проще говоря, присвоить их, – и загрести жар чужими руками?
- Ну, можно и так выразиться! – немного раздраженно согласился Антон. – Только не надо делать из меня законченного жлоба!
- Да нет, ты – нормальный, современный, вполне прагматичный парень, – констатировала я.
- Антон вздохнул.
- Поймите, все не так просто, – медленно проговорил он. – Я могу вам все рассказать, только, честно говоря, мне очень кофе хочется. Или хотя бы чаю. Может быть, мы посидим где-нибудь? Разговор все-таки не такой короткий получится.
- Ну, пошли, – чуть подумав, согласилась я.
- Мы на вашей машине поедем? – осведомился он, поглядывая на свой «Рено».
- Пешком дойдем, – улыбнулась я, приглашая его выйти из машины.
- К моему удовольствию, кофейен «Восток-Запад» в Тарасове открылось целых три, и сейчас я вела Антона к ближайшей из них, на улицу Вольскую. Эта кофейня была небольшой, но очень уютной. Мы расположились на балконе, на диване, и заказали по две чашки кофе.
- Так в чем продолжительность истории-то? – подтолкнула я Антона, который задумчиво помешивал ложкой в чашке.
- Дело в том, что Марианна около полугода тому назад обратилась ко мне с просьбой расследовать одно дело. Профессионалов этого дела она не знала, была неопытна, вот и обратилась ко мне, по дружбе.
- Так, и что за дело? – очень заинтересовалась я.
- У нее пропала подруга. И Марианна очень хотела ее найти.
- У меня, признаться, широко раскрылись глаза. Я впервые слышала об этом.
- Эта девушка пропала из собственной квартиры, – продолжал тем временем Колесников. – Точнее, из комнаты. Раньше они вместе с Марианной жили в детском доме. А потом эта девушка – она немного постарше Марианны – окончила школу и уехала жить в Тарасов, где ей дали комнату. А Марианна должна была приехать к ней. Она собиралась жить именно у нее, они об этом договаривались с Вероникой.
- Так, значит, пропавшую подругу звали Вероника, – я достала блокнот. – А фамилия?
- Одинцова. У нее, как и у Марианны, родных не было. По словам

Марианны, они друг для друга были как сестры. И когда Марианна ехала сюда, поступать в колледж, то была уверена, что Вероника ее ждет. Но, когда она пришла по ее адресу, выяснилось, что там живут совсем другие люди. А они, в свою очередь, купили эту комнату еще у каких-то людей. Документы в порядке, я проверил.

– Так-так, так-так, – приговаривала я, стараясь на ходу анализировать услышанное. Это, кажется, совершенно новый поворот в расследовании, в связи с которым все Алены Гриценко и Сергей Николаевичи отходят на второй план... – То есть ты побывал по тому адресу?

– Да.

– Документы, говоришь, проверил? А кто купил комнату непосредственно у Вероники?

– Некий Звонарев Геннадий Петрович, родился в 1952 году. Но я не смог его найти. Марианна заплатила мне задаток за расследование, и я сразу же принялся за дело. Я работал очень старательно, поверьте. Но... мне очень мало удалось узнать.

– И много Марианна тебе заплатила? – поинтересовалась я.

Антон назвал сумму. Она не была особо крупной и не объясняла, куда делись все деньги, полученные Марианной от продажи квартиры в Пензе. Если, конечно, Колесников не врал... Но это вряд ли: все-таки услуги частного детектива, даже профессионального, не сравнимы со стоимостью квартиры.

– Ну вот, а потом Марианна умерла... А я считал себя обязанным ей, я ведь так и не отработал эти деньги! Еще и поэтому я хотел раскрыть причину ее гибели. Знаете, я уверен, что это связано с Вероникой!

– Откуда у тебя такая уверенность?

– Понимаете, исчезновение Вероники – это какая-то темная история... Исчезла она внезапно, никого не предупредив, даже с работы не уволилась. А главное, она ничего не сообщила Марианне! И телефон ее не отвечает, и в квартире чужие люди. Я вообще-то, думаю, если честно, – Антон перешел на шепот, – что ее тоже убили! Их обеих убили, и тайна кроется в их детдомовском прошлом!

– Почему ты так думаешь? Только потому, что они обе оттуда?

– В первую очередь – да, поэтому. И с каждой случилась беда. И у одной, и у второй никого нет из родственников.

– Ну и что? Ты меня извини, конечно, но мне кажется, что истории эти – все-таки разные. Вероника исчезла – Марианна погибла. Вероника была совсем одинока и проживала в собственной комнате – а у Марианны был Виталик, и она жила в общежитии. Кстати! Ты в курсе, что Марианна



продала свою квартиру в Пензе?

– Да, она говорила об этом.

– А не говорила ли она, где деньги, полученные от этой сделки?

– Говорила, что она отложила их.

– Отложила? Куда отложила? – встрепелась я.

– Ой, вот этого я не знаю! – испугался Антон. – Ну не стану же я, в самом деле, спрашивать – где деньги?

– Что тебе известно о Веронике?

– Практически ничего.

– Марианна даже не рассказывала, что она была за человек? – раздраженно спросила я.

– Говорила, что Вероника была очень творческой натурой, – заторопился Колесников. – И еще, что она была очень застенчивой, мягкой и непрактичной. Марианна все сокрушалась, что ее подруга уехала в Тарасов, не дождавшись, когда сама Новожилова покинет детский дом. Говорила, что, если бы они поехали вместе, ничего бы не случилось. А теперь вот и с ней самой несчастье произошло... Хотя Марианна не такая, как Вероника. Она была смелой и решительной девушкой. Молодой, правда, еще совсем была...

– Сколько точно лет Веронике?

– Не знаю, около двадцати.

– У тебя есть ее фотография?

– Нет, – развел руками Колесников. – Я сам об этом первым делом Марианну спросил, но она сказала, что их в детском доме фотографировали редко и только всей группой, а на руки потом снимки не выдавали.

– Жаль, – отметила я. – Что еще ты знаешь?

– Я вам все уже рассказал.

– Нет, не все. Для начала дай-ка мне точный адрес Вероники Одинцовой, – потребовала я, и Антон безропотно назвал его.

– Дальше, – продолжала я. – Скажи-ка мне, где она работала?

– В каком-то магазине, название его установить не удалось.

– С кем она общалась в Тарасове? С кем дружила? У нее был парень?

– Вот об этом я, к сожалению, ничего узнать не сумел, – огорченно произнес Колесников. – Марианна ничего не знала ни о каких парнях. Да! – вдруг вспомнил он. – Марианна говорила, что Вероника по телефону ей рассказывала о каком-то человеке. Что он вроде бы психолог... Или астролог. И он просто феноменальный человек, потому что очень сильно помог изменить ее жизнь к лучшему.

– В чем это выразалось?

– Этого она не сказала. Вероника, как я понял, вообще была эфемерным созданием.

– А как звали этого психолога-астролога, откуда он? – быстро спросила я.

– Не зна-а-ю! – Антон прижал руки к расстегнутой на груди рубашке. – Если бы знал, то, наверное, отработал бы его сразу!

– В детский дом ты не наведывался, часом?

– Нет, но собирался. Вот как раз после того, как вы... Когда вы бы... Словом, если бы вы перестали расследовать это дело, – нашел наконец Антон приличную формулировку.

– Рано же ты меня со счетов списал! – заметила я с усмешкой, и Колесников снова потупил взор. – Значит, так! – жестко продолжила я. – Давай мы все-таки с тобой договоримся, что дальнейшее расследование я уж как-нибудь проведу сама, ладно? Ты можешь мне лишь помогать, причем только в том случае, если я попрошу тебя сделать что-то конкретное. Никакой самодеятельности! Договорились?

Антону не очень-то понравился такой расклад, но он вынужден был согласиться с моими требованиями.

– И – на всякий случай – я все-таки предупрежу Черкасовых, чтобы они погнали тебя поганой метлой, если ты будешь крутиться возле них! – добавила я.

– Почему? – искренне удивился он.

– Потому, что из-за этого дела уже погибли два человека! – в упор глядя на Колесникова, строго сказала я. – И мне совсем не нужно, чтобы ты увеличил своей персоной этот скорбный список. Я, знаешь ли, не люблю чувствовать себя виноватой. А теперь допивай кофе, и двигаем отсюда!

\* \* \*

Приехав домой после встречи с Колесниковым, я первым делом набрала номер Виталика Черкасова и высказала ему все, что я думаю о нем.

– Почему ты мне не сказал, что Марианна разыскивает свою подругу? – набросилась я на него. – Это же очень важно, неужели ты сам не понимаешь?!

– Так это уже давно было... – испуганно проговорил разбуженный мной и плохо соображающий после бессонной ночи Черкасов. – Полгода уже прошло, Антон тогда так ничего и не раскопал, я и думал, что все

благополучно забылось...

– Он же звонил тебе, и совсем недавно?

– Ну и что? Я ведь не думал, что это как-то связано с Вероникой. Я и не предполагал, что он снова активизировал свое расследование. Мне вообще это казалось неперспективной затеей.

«Значит, Колесников продолжал свое неумелое расследование втихаря от всех, даже от Виталика, – подумала я. – Хотя это неудивительно: он же сказал, что хотел предстать пред очами папы Черкасова неожиданно, после моего... отстранения!»

– Что Марианна рассказывала тебе о Веронике?

– Она часто вспоминала, как они жили в детском доме, но чего-то такого... важного... я не замечал. Говорила, что они очень любили друг друга, считали себя сестрами, хотя не были даже дальними родственницами, просто подружками.

– Ты когда-нибудь слышал от Марианны упоминание о некоем психологе-астрологе, якобы перевернувшем всю жизнь Вероники?

– Нет, не слышал.

– А сама Марианна ни с кем таким знакома не была?

– Нет, она вообще презирала всякую эзотерическую чушь, она была очень здравомыслящей девушкой.

– Ладно, пока все. И постарайся больше не страдать провалами памяти! Поприимай что-нибудь от склероза, – посоветовала я и отключила связь.

Похоже, ничего другого мне не остается, как двинуться по проделанному Антоном Колесниковым кругу в надежде, что я окажусь более грамотной и удачливой и все же что-то выясню о девушке по имени Вероника Одинцова. И я направилась по адресу, который дал мне Колесников. Была суббота, и у меня имелись все шансы застать жильцов квартиры дома. Предварительно я позвонила Мельникову и попросила его поискать в базе данные на Одинцову Веронику Николаевну, а заодно выяснить место проживания Звонарева Геннадия Петровича, 1952 года рождения, купившего когда-то у Вероники ее комнату и впоследствии продавшего ее другим людям.

\* \* \*

Дом, в котором когда-то получила от государства комнату Вероника

Одинцова, находился в очень хорошем районе, на улице Светлой, в «тихом» центре. Я припарковала «Ситроен» и направилась к добротной кирпичной четырехэтажке. В доме, несмотря на то что он был выстроен в середине прошлого столетия, все было осовремененным: во многих квартирах – пластиковые окна, подъезды снабжены домофонами, а внутри – чистота после недавнего ремонта. Новые батареи, свежеевыкрашенные стены, повсюду металлические двери...

Я поднялась на третий этаж и позвонила в квартиру номер тридцать шесть. Вскоре дверь открыл мужчина лет сорока, в одних трусах, который, увидев меня, смутился и быстро притворил дверь, выглядывая из-за нее.

– Извините, пожалуйста, я к вам по поводу Вероники Одинцовой.

– Она здесь больше не живет, – ответил мужчина, порываясь закрыть дверь, чтобы не смущаться своим раскованным домашним видом из-за моего присутствия.

– Я знаю, – поспешно добавила я. – Просто в милицию поступило заявление о ее исчезновении, я провожу проверку...

Это была даже не полуправда, а нечто, полностью выдуманное, но очень близкое к истине, как бы парадоксально это ни звучало. Мужчина чуть подумал, потом, буркнув «подождите», закрыл дверь. Вскоре он появился вновь, уже надевший светлые брюки, и пригласил меня войти.

Мужчину звали Юрием Васильевичем, и он с женой и ребенком занимал две комнаты, соседние с той, в которой некогда проживала Вероника. По его словам, Одинцова исчезла внезапно, совершенно неожиданно для них. Вскоре появились какие-то люди, назвавшие себя новыми жильцами, но они надолго не задержались, купили с доплатой отдельную квартиру и съехали. Потом появились другие хозяева, но здесь они не жили, а сразу же сдали комнату молодой бездетной паре, Тане и Олегу, которые живут здесь с осени и ни в чем подозрительном замечены не были. Но в данный момент они отсутствуют, поскольку уехали неделю тому назад к Таниной матери в Иркутск – отдохнуть от жары.

– Когда именно исчезла Вероника, не припомните? – спросила я.

– В самом начале лета или в конце мая, где-то так. Просто ушла куда-то вечером и не вернулась. Мы с женой еще удивлялись, потому что она всегда ночевала дома, да и не было у нее никого в Тарасове, она же сирота, – сказал Юрий Васильевич. – Ждали-ждали, а ее все нет и нет. А потом и новые жильцы въехали, вещи свои ввезли, а прежние выбросили. Но они о Веронике ничего не знают, комнату купили через фирму, там вроде бы значилось, что Вероника ее продала и деньги получила. Мы подумали, что она, может, просто замуж вышла и уехала куда-то? Но

странно, что моей жене она ничего не рассказывала об этом.

– Что вы можете сказать о самой Веронике, какая она была?

– Да я-то с ней нечасто общался, я работаю с утра до ночи, на СТО. Сегодня у меня выходной, я раз в неделю отдыхаю. С Вероникой в основном жена моя общалась, они иногда болтали. Она сейчас на море, с нашим сыном, через пару дней только вернется. Но и она ничего не знает о том, куда делась Вероника, это я вам точно говорю! А девчонка вроде хорошая, тихая, скромная. Утром на работу – вечером домой. А потом в своей комнате сидела, как мышка. У нее же даже телевизора не было. На кухне почти не появлялась, кажется, даже и не готовила ничего. Жена моя ее жалела, подкармливала иногда. Ну, блинчиками, там, угостит, если их жарит, или борща ей нальет. Жена-то у меня кулинарка знатная!

– Где Вероника работала, вы знаете?

– Знаю, – кивнул Юрий Васильевич. – Я ее даже как-то подвозил, нам по пути было. Магазин «Дискография» на Вольской, знаете? Маленький такой магазинчик, в полуподвале. Она там дисками торговала.

– Да, знаю, – сказала я, припомнив ярко-красную вывеску. – С кем Вероника дружила? К ней приходил кто-нибудь?

– На моих глазах – нет. Может, с кем-то и дружила, на работе.

– Она где-то училась?

– По-моему, нет. Правда, пела Вероника хорошо. Иногда под вечер запоем в своей комнате – заслушаешься! Ей моя жена даже советовала в музыкальное училище поступать.

– Девушку по имени Марианна Вероника не упоминала?

– Я не слышал. Я вам все, что знал, уже сказал.

– Что ж, спасибо, Юрий Васильевич, – не стала я больше его задерживать.

– Не за что. Если найдете Веронику, привет от нас передавайте, – сказал он на прощание.

На всякий случай я записала номер его сотового и попрощалась. Выйдя на улицу и сев в машину, я подумала, что стоит проехать к Веронике на работу в «Дискографию».

Ехать было совсем недалеко, и вскоре я уже спускалась по лестенке в полуподвальчик и открывала дверь с табличкой «Осторожно, ступенька!».

Внутри было прохладнее, чем на улице – видимо, благодаря тому, что магазин размещался в полуподвале, поскольку вентилятора я там не заметила. Выходя из своей машины с кондиционером, я каждый раз чувствовала себя так, словно залезла прямо в разогретую духовку.

«Бедные люди, которые ходят пешком! – думалось мне в такие

минуты. – Как их всех еще не испепелило?»

В магазинчике было тихо, повсюду стояли стеллажи с разложенными и расставленными на них дисками и кассетами. За кассой со скучающим видом сидела молодая девчонка в джинсовом сарафанчике и с кожаными «фенечками», украшавшими ее руки, в противоположном углу находился ксерокс, рядом с ним сидел коренастый парень в очках, с круглой головой.

Покупателей было всего человека три, тоже молодые. Я покрутилась между полками, просмотрела несколько дисков на разных стеллажах... В общем-то, стандартный набор, обычный для подобных магазинчиков.

Наконец, решив, что просто так тратить время и мозолить глаза персоналу уже достаточно, я подошла к кассирше и спросила:

– Скажите, пожалуйста, Вероника Одинцова здесь больше не работает?

– Нет, – удивленно ответила девушка. – Ее давно уволили.

– Уволили? – я сделала вид, что сильно удивилась. – А почему?

– Так она на работу не вышла, – пожала плечами девушка.

– Жалость какая, – протянула я. – А она мне обещала помочь диски подобрать.

– Так с этим и я могу вам помочь, – немного оживилась девушка. – Вас что интересует?

Ничего меня не интересовало, кроме Вероники Одинцовой – на данный момент, – и я не стала отвлекаться на бестолковый просмотр дисков, это занятие все равно ничего бы для меня не прояснило. Вместо этого я спросила:

– Ваше руководство сейчас на месте?

– А вам зачем? – переменялась в лице девушка, от ее услужливой любезности не осталось и следа.

Парень у ксерокса поднял круглую голову от аппарата и внимательно прислушался к нашему диалогу.

– Хочу побеседовать с ним насчет Вероники. Дело в том, что она пропала, – я говорила очень уверенно, коротко и жестко бросая каждую фразу. – По показаниям соседей, она не вернулась с работы. Из вашего магазина. И все нити следствия ведут сюда.

На девушку, видимо, произвели впечатление суровые слова «показания» и «следствие», потому что она оторвалась от своего стула, шмыгнула куда-то в глубь помещения, пробормотав на ходу: «Одну минуточку, я сейчас посмотрю». Она подошла к крохотной дверце, открыла ее и негромко произнесла:

– Роман Михайлович, к вам какая-то женщина... Интересуется

Одинцовой.

Роман Михайлович оказался ненамного старше своих подчиненных – лет двадцати трех – двадцати пяти, не больше. И одежда его по стилю тоже не отличалась от их облачений – на нем были обычная футболка и клетчатые шорты. Тем не менее вид у него был серьезный и немного озабоченный.

– Здравствуйте, что вы хотели? – скороговоркой проговорил он, шагнув мне навстречу.

– Детектив Иванова, расследую исчезновение вашей сотрудницы, Вероники Одинцовой, – громко произнесла я, достав свое удостоверение и, не раскрывая, помахав им перед лицом молодого руководителя.

Покупатели в зале принялись озираться на нас. Роман Михайлович нахмурился сильнее и неуверенно произнес:

– А мы-то здесь при чем?

– Она не вернулась вечером после работы, так показали соседи, – повторила я все то, что до этого говорила девчонке-продавщице, та, наострив уши, прислушивалась к нашей беседе.

– Ну и что? – спросил Роман Михайлович. – Мало ли куда она могла пойти!

– Больше ее нигде не видели, – покачав головой, возразила я. – Таких показаний в деле не имеется!

Роман Михайлович совсем растерялся. Внимание покупателей стало совсем явным: все бросили рассматривать диски и перевели любопытные взгляды на нас.

– Скажите, кассеты эти – лицензионные? – резко сменив тему, показала я на нижнюю полку. – У меня подруга работает в налоговой, так вот она говорит, сейчас столько контрафактного товара! Не успевают конфисковывать!

Роман Михайлович покраснел и быстро произнес:

– Давайте пройдем в мой кабинет, я думаю, здесь мы мешаем рабочему процессу.

Я, довольно улыбнувшись про себя, охотно кивнула и прошла следом за ним в крохотную узкую комнатку, отделенную от зала лишь перегородкой и стенками стеллажей. Там едва уместались светлый деревянный стол и два стула. На столе стоял ди-ви-ди-проигрыватель, и Роман сразу же нажал кнопку на нем, заполнив кабинет музыкой – видимо, для того, чтобы снизить уровень слышимости разговора для посетителей в зале.

– Так что вы от меня хотите? – нервно спросил он. – Я только на

прошлой неделе заплатил дань!

– Я не «крыша» и не налоговая, – с улыбкой пояснила я. – Хотя связи там у меня имеются прочные. Но твои «левые» диски меня мало интересуют – я расследую исчезновение Вероники. И поэтому, если ты не хочешь, чтобы сегодня после обеда твой магазин закрыли раз и навсегда, будь любезен, поделись со мной сведениями. Куда могла деться девчонка?

– Но я не знаю! Я вообще практически ничего не знал про эту Веронику! Она и проработала-то всего ничего!

– А как она вообще начала у тебя работать? – подозрительно спросила я.

– Она пришла прямо так, с улицы, сказала, что ей нужна работа. У меня как раз продавщица одна уволилась, приходилось самому стоять. Я с ней побеседовал, вижу, вроде неплохо в музыке разбирается. Ну, я ее и взял. Она ни на что не жаловалась. Правда, была все время какая-то... как сонная муха.

– Почему? – насторожилась я, подумав, не принимала ли Вероника какие-нибудь психотропные препараты.

– Да просто характер такой. Вялая, инертная. С другими продавцами почти не общалась, все думала о чем-то. Я как-то спросил ее – почему ты молчишь-то все время? А она – стихи, мол, сочиняю! Ну, и ладно, мне без разницы, лишь бы работала нормально.

– Она хорошо работала?

– Ну, в принципе, да. В том смысле, что честно. Но могла бы и поживее быть. А то стоит, стоит, сама, первая ни разу к покупателям не подойдет, только когда ее позовут. А в нашем деле надо быть порасторопнее.

– Я и смотрю, ты вон какой расторопный, – усмехнулась я.

– Я, вообще-то, с вами откровенно разговариваю, – обиделся Роман.

– Ладно, ладно. Давай ближе к делу. Как ты ее уволил? Почему?

– Так она же просто на работу не вышла, и все! Я ей на сотовый звоню-звоню, а он отключен! Ну, я и взял другого человека на ее место, и все! Так, вообще-то, не делается! Если не хочешь работать – так и скажи, предупреди заранее! А то мне три дня пришлось опять самому стоять!

– Трудовая книжка ее где? – намеренно задала я этот вопрос, прекрасно уверенная в ответе.

– Трудовые книжки я не завожу, – куда-то в сторону ответил Роман. – Сейчас это необязательно.

– Необязательно, – с улыбкой согласилась я. – Только договора, я думаю, ты тоже не заключаешь?



– Вы же сказали, что не из налоговой! – нервно напомнил мне Роман Михайлович. – Зачем все время носом меня тычете?

– Ладно, ладно, все! – подняла я руки. – Просто мне юридическое образование покоя не дает. Скажи мне, пожалуйста, Рома, – ты уж не обижайся, что я к тебе так, по-свойски, мы же оба все понимаем, верно?.. – подмигнула я ему. – Скажи-ка, парень у Вероники был?

– Нет, точно не было, – сказал он. – Она сама мне говорила. Да и не встречал ее никто после работы. И она никуда не торопилась. Я как-то сам к ней подкатил, думал поближе познакомиться, но она в такой отказ пошла!

– Значит, она тебе нравилась?

– Ну, она красивая была, – признал он. – У нее фигура знаете какая обалденная? Могла бы моделью стать, я ей, кстати, советовал заявку подать, когда у нас конкурс красоты проходил в Тарасове, «Красавица Поволжья». А она все – «не хочу, неинтересно!».

Последние фразы Роман проямлил унылым, нудным голосом, но я заметила, что его в большей степени раздражала в Веронике не ее вялость, а то, что она ему так решительно отказала.

– Вообще-то, это несколько странно для молодой девушки – не иметь парня, правда? – доверительным тоном обратилась я к Роману.

Подспудно у меня возникла одна мысль, не очень-то приятно кольнувшая меня. А если между Марианной и Вероникой существовала любовная связь? Это, как ни неприятно сие звучит, весьма похоже на правду и объясняет многие моменты: девочки одинокие, воспитывались в детском доме, были очень привязаны друг к другу. Марианна продала собственную квартиру в Пензе и переехала в Тарасов, где жила Вероника – не для того ли только, чтобы быть к ней поближе? Дальше: у Вероники не было молодого человека – это тоже может объясняться тем, что они ей были просто неинтересны. Но что же случилось после? Почему они с Марианной не встретились? Или все-таки они виделись?..

Да, но ведь у Марианны появился Виталик! Хотя, с другой стороны, это произошло как раз вскоре после исчезновения Вероники. Выходит, встретив парня, Марианна вдруг резко перестала быть лесбиянкой?

Хотя вряд ли она ею и была в полном смысле этого слова. Истинный гомосексуализм – в чистом виде – встречается в природе крайне редко, в основном все происходит на уровне психологии, и причины тому вовсе не физиологические, а объективные. Именно так все и было, наверное, в случае с Марианной и Вероникой, если и вообще было. Что касается лично Марианны, то я пока что ни от кого не слышала ни единого намека на ее гомосексуальные наклонности.

А Роман тем временем с удовольствием подхватил затронутую тему:

– Еще бы не странно! Но я же говорю, что она вообще была со странностями. Словно не от мира сего.

– В чем конкретно выразались ее странности? Кроме того, что она «пошла в отказ» от твоего заманчивого предложения? – все же не удержалась я от иронии.

Роман сделал вид, что он выше этого, и сказал:

– Она увлекалась всякой ересью.

– Это как?! – изрядно опешила я. – К сатанистам ходила? Кошек по ночам на костре сжигала?

– Литературу какую-то дурацкую читала – про энергетику, карму, сознание и подсознание. Короче, магия сплошная! Хорошо еще, что не черная. Постоянно только об этом и говорила – что нам, мол, всем нужно нашу карму очистить, иначе не будет нам счастья. Даже мне на день рождения такую книжку подарила. Она у меня, кстати, где-то здесь так и валяется.

Он склонился к столу, порылся в ящичке и извлек на свет божий тонкую книжонку в мягкой обложке синего цвета. Я взяла ее в руки, прочитала название: «Путь из тьмы к истинной иллюминации». Ниже был напечатан слоган: «Выйти из мира мглы – наша истинная задача. Мы призваны помочь вам в этом».

Я пролистала книгу. Она была переполнена сентенциями, повествующими о различных энергиях – материальных живых и космических...

– Все выбросить никак не соберусь, – вставил Роман, пока я пробежала глазами книгу.

– Я заберу ее с собой? – полувопросительно-полуутвердительно сказала я.

– Да берите, пожалуйста, мне не жалко, – хмыкнул он. – Что, интересно стало?

Я промолчала.

– Неужели вы из этой книги надеетесь узнать что-то о Веронике? – с иронией спросил он.

– Это не твоя забота, – отрезала я. – Подруги у Вероники были?

– Если и были, то меня она с ними не знакомила.

– Имя «Марианна» она не упоминала?

– Я не слышал. Можете у Оксаны спросить, это наша вторая продавщица, она сейчас в зале.

– А парень? У ксерокса сидит парень.

– Кости у нас еще не было, когда Вероника пропала.

– Что ж, Рома, прощевай пока, – поднимаясь с жесткого стула, сказала я. – И не нарушай закон – это вредно для здоровья!

Роман что-то пробурчал и демонстративно сделал музыку погромче, когда я выходила из его кабинета.

Я направилась напрямик к Оксане. По ее глазам было видно, что она просто сгорает от любопытства – что же происходило в кабинете между мною и Романом Михайловичем? И не грозит ли наша беседа ей лично какими-то неприятностями?

При моем приближении она выпрямилась, покручивая в руке ключ от кассового аппарата, – вероятно, подумала, что я потребую предъявить его к осмотру, и подготовилась. Но я вместо этого спросила:

– Оксана, Роман Михайлович сказал, что ты работала вместе с Вероникой Одинцовой. Что-нибудь можешь мне рассказать о ее жизни?

Увы, Оксана меня несколько не продвинула вперед. Вся информация, которой она владела, мало отличалась от той, которую мне только что предоставил ее директор. Не слышала она ни о Марианне, ни о каких-то еще близких Веронике Одинцовой людях.

«Вот же, однако, какая скрытная девчонка!» – думала я с досадой про Веронику, сев в свою машину и с наслаждением окунувшись в спасительную прохладу кондиционера. Поистине, это величайшее изобретение человечества!

«Даже круче, чем колесо!» – подумала я и прикинула, что делать дальше.

Тут зазвонил мой сотовый: объявился Мельников и сообщил, что Звонарев Геннадий Петрович умер в сентябре прошлого года в первой городской больнице от острого алкогольного отравления. Одинцова же Вероника Николаевна, приблизительно девяностого года рождения, выбыла год тому назад с улицы Светлой, дом пятьдесят один, и с тех пор она ни по одному тарасовскому адресу не числится.

## Глава пятая

Как ни крути, а по всему выходило, что без поездки в пензенский детский дом мне не обойтись. Все прежние версии в деле Марианны разрушились, зато добавилось исчезновение ее лучшей и, пожалуй, единственной подруги, Вероники Одинцовой. И магазин «Дискография» был последней ниточкой, связанной с Вероникой. Когда – после моего посещения этого магазина – оборвалась и она, оставалось только надеяться на то, что я найду какое-то связующее звено в Пензе.

Однако день уже клонился к вечеру, и поездка в Пензу сегодня не представлялась мне удачным решением. Расстояние от Тарасова до Пензы составляло около двухсот двадцати километров, и дорога на автобусе занимала целых пять часов. На автомобиле, если ехать с высокой скоростью, выходило в два раза быстрее, и именно на этом варианте я и остановилась. Но все равно, в Пензе я окажусь только вечером, а это означает, что если даже мне повезет и руководство детского дома окажется на месте, мне придется либо возвращаться домой глухой ночью, либо заночевать в Пензе. Не хотелось мне в равной степени ни того, ни другого.

К тому же могло так получиться, что некая информация, которую я надеялась получить в детском доме, заставит меня отправиться еще по какому-нибудь пензенскому адресу, и тогда уж точно ночевки в чужом городе мне не миновать. А вот если выехать завтра рано утром и к восьми часам оказаться в соседнем городе, как раз за полный день все можно успеть. Да и ехать лучше до наступления жары, которая уже после восьми утра нависала над городом, плотно захватывая в огненное кольцо и его, и окрестности. И такое же положение существовало во всех близлежащих районах.

Одним словом, поездку я твердо запланировала на завтрашнее утро и спать специально легла пораньше, чтобы встать в пять часов. О своем путешествии я проинформировала лишь Виталика, да и то эсэмэской, поскольку общаться с Альбиной Юрьевной мне совсем не хотелось, дабы не слышать ее бесконечных «что, как и почему»...

...Дорога до Петровска была мне хорошо знакома по ужасающему состоянию дорожного покрытия. Каждый раз, проезжая по этому маршруту, я мысленно кляла тех, кто ее проложил. Единственное, что меня радовало – действительно было еще прохладно. Стоило же мне проехать Петровск, как трассу словно бы подменили: дальше шел отличный ровный

асфальт, так что катить по нему было одно удовольствие.

Едва въехав в город, я предъявила документы одному из гаишников, любезно поинтересовавшись, как мне проехать к детскому дому номер восемь. Тот вежливо объяснил мне направление, и я отправилась в дальнейший путь.

Детский дом был двухэтажным строением, довольно-таки ухоженным и аккуратным. Кирпичные стены совсем недавно покрыли бело-зеленой краской, а покатая округлая крыша, тоже, видимо, подреставрированная, была золотистой, и это делало здание отдаленно похожим на храм. Я также обратила внимание на то, что и сам город был очень ухоженным. Я не была в Пензе несколько лет, но несколько раз отмечала хорошую заботу администрации города о его состоянии. Оно не шло ни в какое сравнение с Тарасовом – наш город уже второе десятилетие выглядел откровенно запущенным.

Высокое крылечко с новыми перилами увенчивалось симпатичным козырьком с витыми загогулинками наверху.

Дверь в детский дом была оснащена домофоном, и мне пришлось постоять на крыльце после того, как я нажала на кнопку звонка. К двери с обратной стороны кто-то подошел. Громко сообщив, что я хочу поговорить с заведующей, Людмилой Константиновной Ермишиной, по поводу воспитанников, я стала ждать ответа. Фамилию и имя-отчество заведующей пензенского детдома номер восемь я предусмотрительно выяснила еще в Тарасове, чтобы выглядеть более компетентно и убедительно в глазах персонала.

Дверь быстро открылась, и я увидела полную пожилую женщину в белом фартуке, повязанном поверх бежевого платья в цветочек. От женщины вкусно пахло молочным омлетом и выпечкой.

– Людмила Константиновна скоро будет, подождите пока, – переводя дух и вытирая пот со лба белым вафельным полотенцем, сказала женщина.

Я прошла вслед за ней в вестибюль, женщина показала мне на кресла, стоявшие в нем, и хотела было двинуться в сторону кухни – по крайней мере, запахи, доносившиеся из того помещения, говорили именно об этом, – но я остановила ее вопросом:

– Скажите, вы давно работаете в этом детском доме?

– Да скоро уже сорок лет исполнится, – охотно ответила женщина. – Как училище закончила, сразу сюда и пришла. С тех пор никуда и не уходила. Разве от них уйдешь?

Она кивнула в коридор, откуда доносились детские голоса и звяканье посуды.

– Позавтракали только что, – пояснила женщина и снова вытерла лицо полотенцем. – Уф, пойду, дел много. А вы подождите, Людмила Константиновна сейчас подъедет – ее с утра в гороно вызвали, она недавно звонила, сказала, что уже едет.

– А вас, простите, как зовут? – спросила я.

– Меня-то? Тетей Катей меня все зовут.

– Вы повар?

– Я и за повара, и за нянечку, и за воспитателя, – улыбнулась женщина. – Не хватает сотрудников, вот я их и подменяю. Иногда Людмила Константиновна меня даже вместо себя оставляет, – с гордостью добавила она и, грузно ступая полными ногами, двинулась в кухню.

Дождаться Людмилу Константиновну мне пришлось недолго: минут через семь она появилась в дверях – невысокая, с модной короткой стрижкой (волосы у нее были темно-каштановые), в легком летнем платье без пояса. На вид ей было лет пятьдесят пять, но за счет стройности фигуры и ухода за собой выглядела она моложаво. Увидев меня, женщина поздоровалась на ходу и спросила:

– Вы ко мне? Это ваша машина стоит во дворе?

– Да, я приехала из Тарасова, по поводу ваших бывших воспитанниц, – поднялась я со стула. – Марианны Новожиловой и Вероники Одинцовой. Помните таких?

Неуловимая тревога на миг затуманила лицо заведующей, она слегка нахмурилась и спросила:

– Что-то случилось? От них обеих давно нет вестей...

Я вздохнула и медленно произнесла:

– Людмила Константиновна, у меня для вас не очень-то приятные новости... Дело в том, что Марианны больше нет в живых, а Вероника куда-то пропала. Я занимаюсь расследованием этих происшествий.

Людмила Константиновна как-то вся посерела, щеки ее втянулись, сразу сделав ее старше.

– Господи! – только и вымолвила она в растерянности. – Кошмар какой... Как же это случилось? Под машину попала?

– Нет. Марианну отравили, – призналась я. – Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, я расследую ее смерть частным образом. Но вы можете связаться с Кировским УВД Тарасова, с подполковником Мельниковым, он возглавляет убойный отдел. Он поручится за меня, подтвердит мои полномочия.

У меня не было совершенно никакого резона скрывать от этой женщины свои настоящие имя и статус. Она, конечно, могла и отказаться от

разговора со мной – имела на то полное право. Но я все-таки надеялась, что она согласится побеседовать. А пока что я достала из сумочки свое удостоверение и лицензию и показала их заведующей. Та мельком пробежала документы глазами, покивала и грустно сказала:

– Ну, давайте поднимемся ко мне в кабинет. Даже не знаю, сообщать ли обо всем этом воспитанникам... Пожалуй, не стоит.

– Пока что, я думаю, не стоит, – поддержала я ее, поднимаясь следом за Людмилой Константиновной по широкой лестнице на второй этаж.

В небольшом кабинете она заняла место за столом, на котором стоял современный компьютер и лежали какие-то папки, а мне предложила сесть напротив.

– Так когда это случилось? – спросила она, убрав сумку в нижний ящик стола.

– Девятнадцатого июня, – и я вкратце рассказала ей историю гибели Марианны Новожиловой.

– Кошмар какой! – после паузы повторила Людмила Константиновна, и я увидела, что мое сообщение действительно очень огорчило ее.

– Попутно я выяснила, что Марианна интересовалась обстоятельствами исчезновения Вероники, – добавила я.

– Это неудивительно, они ведь дружили все эти годы, пока жили здесь, – кивнула Людмила Константиновна.

– Когда они поступили в детский дом, вы здесь уже работали?

– Да, я занимаю эту должность уже почти двадцать пять лет, – подтвердила заведующая. – А куда же пропала Вероника?

– Это я и хочу выяснить, потому и приехала к вам. И я очень надеюсь, Людмила Константиновна, что вы мне поможете.

– Да я-то всей душой готова помочь, только вот чем? – растерялась она. – Ведь Вероника уехала два года тому назад, а Марианна – год назад. С тех пор я их и не видела.

– Они вам писали, звонили?

– Да, только нечасто. Вероника пару раз звонила, рассказала, что устроилась она хорошо, работу нашла. Марианна звонила чаще. Она мне, кстати, сообщила, что не нашла Веронику. Я и сама недоумевала по этому поводу.

– А писем они вам не писали? – с надеждой спросила я.

– Нет, писем не было. Сейчас редко кто письма пишет. Эсэмэски посылают в основном. А ведь раньше мои бывшие воспитанники на нескольких листах мне о своей жизни рассказывали! Я до сих пор все письма храню, коробку специальную завела, так она давно уже

переполнилась. Муж даже шутил, что нам для этих писем нужно специально комнату выделить.

Людмила Константиновна улыбнулась, потом, отвлекшись от посторонних воспоминаний, посерьезнела и сказала:

– Да, так насчет Марианны с Вероникой... Что еще вы хотели бы узнать?

– Расскажите, как они попали сюда в детский дом, – попросила я.

– Марианну подкинули прямо к дверям детского дома, – начала вспоминать Ермишина. – Ей тогда всего несколько дней от рождения было. Утром нянечка вышла на крыльцо – и ахнула! Прямо на ступеньках сверток лежит. Хорошо, что весна теплая была, а то умер бы младенец. И так ей повезло, что выжила! Слабенькая она совсем была, у нее даже сил, чтобы кричать, не было. В больницу ее, конечно, сперва отправили, там девочку выходили, а потом к нам же и определили.

– А ее мать? Или другие родственники? Не нашли их?

– Нет, не нашли. Хотя в милицию мы заявили, конечно. И все роддома проверяли – ничего! Думаю, дома ее родила мамаша, сама. Или она вообще из другого города. Поняла, что не справится с ребенком, вот и подкинула. Спасибо, что не умервила!

– А Вероника? Как она сюда поступила?

– Веронику к нам с вокзала привезли, она на скамейке сидела – бросили ее. Ей чуть больше годика было, говорить она еще не умела. Конечно же, девочка не смогла рассказать, кто она и откуда, даже имени своего не назвала. Какими жестокими могут быть люди, порою просто поражаешься! Хотя за столько лет работы мне пора бы к подобному привыкнуть, да все не получается. Каждый раз сердце кровью обливается!

Людмила Константиновна вздохнула.

– Скажите, пожалуйста, почему у них такие имена интересные? Довольно редкие, правда?

– А-а-а, – Людмила Константиновна улыбнулась. – Это такая история... Появились-то они у нас в начале девяностых. Тогда только-только мексиканские сериалы стали показывать. Помните такой – «Богатые тоже плачут»? Он тогда по всей стране гремел!

– Помню, конечно, – улыбнулась я. – Хотя и не смотрела, если честно.

– А вот наша нянечка, тетя Катя, просто помешана на нем была. А главную героиню там звали Марианной, вот она и назвала так девочку. Но мы ее часто ласково звали Марусей.

– А Вероника? – удивилась я.

– Так актрису же Вероникой звали! Вот тетя Катя их так и назвала –



одну в честь героини, другую – в честь актрисы, которая эту героиню играла.

– Понятно, – сказала я, дивясь про себя этой логике, отличающей некоторых людей.

– Они у нас одна за другой появились, с разницей буквально в несколько дней. Я помню, весна тогда была. Если вам нужна точная дата, я могу поднять документы.

– Да, чуть попозже, пожалуйста, – попросила я.

– Они как-то сразу подружились, на удивление быстро. Может быть, потому что обе матерей своих не помнили, не знали, что такое нормальная модель семьи.

– У них было много общего в характере?

– Что вы, они совсем разные! – махнула рукой Ермишина. – Вероника – такая творческая натура, рассеянная, мечтательная, как будто не от мира сего. Часто грустила и плакала. Любила одиночество, друзей у нее, кроме Марианны, и не было. Даже не знаю, раскрывалась ли она и перед ней до конца. Всегда в себе.

– А Марианна?

– Марианна – другая. Живая, общительная, более практичная, самостоятельная. Очень уверенная в себе, хоть и младше подружки. Очень любила жизнь! Такую натуру трудно было бы сбить с толку, а вот Веронику – запросто! Очень уж она подвержена чужому влиянию. Ох, ведь я так не хотела их отпускать! – в сердцах произнесла заведующая. – Прямо как чувствовала, что беда случится...

– Почему? – насторожилась я. – Были основания?

– Да оснований-то прямых не было, просто я на уровне интуиции это ощущала. Говорила же девчонкам – живите здесь! Особенно Веронику уговаривала, спрашивала – ты-то куда собралась? Ладно, Марианна, она такая боевая, а тебе зачем большой город? Нет, уперлась, и все! В характере черта у Вероники была: обычно она соглашалась со всеми, не спорила... мягкая такая, уступчивая, но если вдруг что-то вобьет себе в голову – все! Упрется, как баран, и ничем ее не сдвинешь! Молча сделает все по-своему, – и Людмила Константиновна эмоционально резанула рукой по воздуху.

– Я слышала, что Марианна получила квартиру здесь, в Пензе. Зачем же она ее продала? Ведь в Тарасове она не смогла бы купить на вырученные деньги собственное жилье.

– Он надеялась жить у Вероники, – пояснила заведующая.

– Что, постоянно? Это же не совсем удобно!

– Так ведь у детдомовских – свои понятия, – развела руками заведующая. – Марианна считала, что жить у подруги – в порядке вещей. Тем более что они друг друга с детства считали сестрами.

– Людмила Константиновна, – очень тщательно подбирая слова, коснулась я больной для меня темы. – А вы не замечали между ними... м-м... особо теплых отношений?

– Так ведь я о том и говорю! – воскликнула Людмила Константиновна. – Любили друг друга, сестрами называли!

– Я не об этом... – осторожно произнесла я. – Я имею в виду... Не слишком ли сильно они любили друг друга? Не как подруги...

– Вот вы о чем... – Людмила Константиновна помрачнела и уверенно возразила: – Выбросьте это из головы, ничего подобного и близко не было! Они же постоянно на виду были. В детском доме такого не скроешь. Да я, если бы заметила, на корню бы пресекла нечто подобное! Мне еще разврата здесь не хватало!

– Но у Вероники за целый год ее жизни в Тарасове так и не появился парень, – заметила я. – И, кажется, она и не стремилась заводить ни с кем близкие отношения.

– А вот это неудивительно! – подхватила женщина. – Она вообще не любит заводить новые отношения – ни с мужчинами, ни с женщинами. Я же говорю, она застенчивая очень, даже робкая. И опыта общения у нее маловато. Весь ее круг составляли наши дети, детдомовские. А это – особый социум. Приехав в Тарасов, она оказалась совершенно в другом мире. Боялась знакомиться, наверное. А вот у Марианны сразу парень появился, она мне об этом сообщила. Из хорошей семьи.

– Это верно, – подтвердила я. – Людмила Константиновна, вы сами-то как думаете, куда могла пропасть Вероника?

– Понятия не имею, просто голову ломаю, – задумчиво сказала та. – Хотела я как-то в Тарасов съездить, заодно и девочек проведала бы, да где же тут время найдешь! И потом, куда бы я поехала? Куда бы пошла? Даже не представляю, где концы искать. – Она озабоченно покачала головой и продолжила: – Но одно я вам могу сказать точно: в Тарасове что-то произошло. В смысле, я хочу сказать, что ноги у этой истории не отсюда растут, не из Пензы. За это я вам поручусь. Во-первых, вся жизнь этих девчонок на моих глазах проходила, и никаких темных пятен в ней нет. Во-вторых, из наших все остальные живут здесь, в Пензе. Кто в детском доме остался, кто уже школу окончил, но все равно живет в нашем городе. Так что ищите причины произошедшего там, в Тарасове.

– Не могли после выпуска всплыть какие-то их старые родственные

связи? – предположила я. – Может быть, отыскался кто-то из их родных, случайно?

– Исключено, – категорически перебила меня Людмила Константиновна. – Они же подкидыши, обе! Никто, абсолютно никто не знал, какие имена и фамилии они получили в детском доме. А воспитанников у нас много. И точно так же никто не знает, кто их родители. Даже администрация детского дома, то есть я сама и мой заместитель. Ни в ту, ни в другую сторону связь установить невозможно.

– К вам никто не приходил в последнее время, не интересовался дальнейшей судьбой этих девочек? – спросила я. – Одной из них или их обеих?

– Нет, никто.

– А вдруг Вероника, допустим, сама решила найти свою мать? – продолжала строить я предположения, чтобы понять, какие из них сразу можно будет смело отместить. – И никому об этом не сказала, даже Марианне? Если, как вы говорите, она была скрытной и упрямой, то вполне могла вбить себе в голову эту идею.

– Теоретически могла. Но как вы себе это представляете на практике? Она же совершенно ничего насчет собственного происхождения не знает! Куда бы она поехала? Уж если на то пошло, то первым делом она пришла бы ко мне и попыталась хоть что-то выяснить. Но здесь ее ждал бы тупик: я и сама не в курсе, кто она и откуда, так что никак не смогла бы помочь, при всем моем желании. А оно вряд ли у меня возникло бы.

– Почему?

– Нормальные матери детей на вокзале не бросают, – пояснила свою позицию Ермишина. – А то знаете, бывают случаи, когда выпускники с пеной у рта пороги разных учреждений обивают, ищут своих родителей, потом находят и... И проклинают себя за то, что вообще взялись за эти поиски. Родители-то, в большинстве своем, – асоциальные личности. И уж если много лет тому назад любви к своим детям они не испытывала, откуда же ей теперь взяться, спустя годы, когда эти родители еще больше деградировали?

– Людмила Константиновна, у меня к вам одна просьба, – задумчиво посмотрела я на заведующую.

– Да, пожалуйста, – кивнула та.

– Вы не могли бы позвать вашу незаменимую тетю Катю? Я бы очень хотела с ней поговорить. Она ведь тоже наблюдала жизнь девочек каждый день.

– Конечно, – торопливо сказала Людмила Константиновна. – Я сама за

ней схожу.

Она поднялась и вышла из кабинета, вернувшись через несколько минут вместе с нянечкой. Тетя Катя утирала глаза краем фартука – Людмила Константиновна уже, видимо, сообщила ей о печальной судьбе их бывших подопечных.

– Я ж их родными считала, – присев на край стула, сказала тетя Катя. – Всех наших, вообще-то, я такими считаю, но этих двух девчонок я особо выделяла. А уж Веронику я как любила! Она же красавица была! Хотя и Марианнушка тоже.

Я дала ей время выговориться и выплеснуть эмоции, а потом перешла к вопросам.

– Скажите, пожалуйста, кто-нибудь из них общался с вами уже после отъезда?

– У меня и телефона-то нет, – призналась тетя Катя. – Вернее, дочка мне его подарила, а я и пользоваться-то им не умею. Так и лежит. Мне Людмила Константиновна новости от них передавала.

– Они еще до выпуска знали, что поедут в Тарасов?

– Да, они часто это обсуждали. Ну, насчет этого, я уверена, Марианна постаралась. Она разве усидит на одном месте! Вероника, может, и осталась бы в Пензе, но подружка ее давно убедила, что им нужно в Тарасов ехать. А мне бы спокойнее было, если бы они здесь остались, под присмотром! Тогда уж с ними точно ничего бы не случилось!

И она уверенно провела ребром ладони по воздуху.

– А что Вероника собиралась там делать? Ну, Марианна – ладно, она хотела в медицинский колледж поступить. А Вероника даже не знала, найдет ли она в Тарасове работу.

– Так Вероника тоже учиться собиралась! – бросилась защищать свою любимицу тетя Катя. – У нее же голос такой чудесный. Правда, Люся? – она посмотрела на заведующую и поправилась: – Людмила Константиновна?

– Это правда, голос у нее обворожительный, – кивнула та. – И Вероника, в самом деле, хотела поступить в музыкальное училище. Но почему-то не поступила. Хотя я была уверена, что ее возьмут! Кого же тогда и брать, как не ее?

– Да, да, – вторила ей тетя Катя. – Как заведет у себя в комнате «Прекрасное далеко», все аж головы поднимают, на первом этаже было слышно! Она и фильм этот любила. Ей как-то сказали, что она на героиню картины похожа, она и влюбилась в кинофильм. Хотя, на мой взгляд, и не похожа она вовсе. Вероника-то лучше актрисы той в сто раз.

Что-то смутно промелькнуло у меня в голове, какое-то обрывочное воспоминание, и сразу же исчезло. А нянечка-повариха продолжала:

– Вам злодея этого нужно в Тарасове искать! Там кто-то их с панталыку и сбил!

– Это я поняла, только знать бы, кто он, этот злодей, – невесело улыбнулась я. – И ведь Вероника исчезла первой! Значит, она кому-то помешала. А кому она могла помешать, если почти ни с кем не общалась? И новых знакомств у нее практически не было.

– А мужчину этого вы проверяли?

– Какого мужчину? – в один голос недоуменно спросили мы с Людмилой Константиновной.

– Да психолога этого! Или астролога, я уж не помню точно.

– Тетя Катя, вы что-то о нем знаете?! – чувствуя, что сердце у меня забилось сильнее, быстро спросила я.

– Я-то не знаю, а вот Марианне Вероника все уши о нем прожужжала! Мне Марианна рассказывала, что Вероника ей звонила и говорила – мол, ничего не бойся, приезжай ко мне, и все получится. Я, мол, познакомилась с необыкновенным человеком, который изменил всю мою жизнь. Ну вы представляете?! Я-то тогда только посмеялась. Еще сказала, что, мол, Вероника вечно нафантазирует себе бог знает что. А зря, выходит, я смеялась-то! Он, астролог этот, голову ей, поди, и заморочил! Она же доверчивая была – ужас!

– Тетя Катя... кто он такой, этот психолог-астролог? Как его имя? – возбужденно спросила я.

– Этого я, милая, не знаю, – со вздохом покачала головой нянечка. – Марианна, может, и знала, да у нее теперь не спросишь... А я и не интересовалась, я все это всерьез и не восприняла. Что это за профессия такая – астролог?! Шарлатан, и больше ничего, это же сразу ясно! Только Вероника могла всерьез в такое поверить!

– Ну вспомните хотя бы что-нибудь! – умоляюще попросила я. – Любую мелочь! Ведь я даже не представляю, где его искать! Сейчас, знаете, сколько этих астрологов развелось?

Но, как ни старалась тетя Катя, как ни морщила она лоб, припомнить ни одной детали об этом неизвестном психологе-астрологе так и не смогла. Оставив свои попытки добиться конкретики и прекратив мучить женщину, я спросила:

– У вас нет их фотографий?

– Только групповые, – ответила заведующая. – И лет им там меньше.

– Дайте мне хотя бы одну, пожалуйста, – попросила я. – Я потом вам ее

пришлю обратно.

– Вы уж, пожалуйста, нам сообщите, если что-то узнаете, – в ответ попросила тетя Катя, пока Людмила Константиновна искала подходящую фотографию. – А то я ведь сама в Тарасов приеду!

– Обязательно сообщу, – заверила я ее. – Я вам позвоню.

Людмила Константиновна протянула мне черно-белую фотографию, пальцем указав:

– Вот Марианна, а это Вероника.

Как выглядела Марианна, я уже знала, а вот изображение таинственной Вероники увидела впервые. В ее лице, особенно в глазах, было что-то загадочное, отрешенное. Утонченное, задумчивое лицо, словно с портретов известных красавиц начала девятнадцатого столетия.

Я убрала фотографию в сумку и записала телефон детского дома. Затем пролистала архивные документы, любезно предоставленные мне Людмилой Константиновной. В сущности, уже можно было покинуть стены детского дома и возвращаться домой. Однако, услышав об этом, тетя Катя озаботилась тем, чтобы меня накормить, как я ни отказывалась. Пришлось мне пройти с ней в столовую и съесть нежную омлетную трубочку, запив ее чаем.

Высказав ей свою искреннюю благодарность и попрощавшись с сотрудницами детского дома, я вышла на крыльцо и направилась к своей машине. Если отправиться прямо сейчас, то после обеда я буду дома. Там и обдумаю все как следует, а затем уже и решу, что делать дальше. Не исключено, что придется мне объединяться с Мельниковым.

Открывая дверцу своего «Ситроена», я вдруг резко выпрямилась. Потом я достала из сумки сотовый телефон и, быстро нажав на нужные кнопки и услышав ответное: «Алло», громко проговорила:

– Галя? У меня к тебе важное дело, буду у тебя через три часа!

\* \* \*

Жара стояла невероятная, и Евсения с облегчением стянула с головы дурацкий платок. Порою ей казалось, что из-за него ее когда-нибудь хватит тепловой удар. Но Чирикли настаивала на ношении платка, назидательно повторяя, что это честь для Евсении – носить национальный цыганский аксессуар. Зачем ей это было нужно – непонятно, ведь она никогда не считала Евсению цыганкой, наоборот, всячески подчеркивала ее

чужеродное происхождение и презрительно называла девушку «гадже», что означает «нецыган». Сама «эже» Чирики платок не носила, нелогично отговариваясь тем, что это – атрибут цыганки замужней. Евсения вскоре перестала с ней спорить и повязывала платок всякий раз, как входила в электричку, дабы не нарываться на скандал. Он неминуемо разразился бы, если бы Чирикли увидела ее без головного убора.

День клонился к вечеру, и она сочла свою работу законченной. Вздохнула молча, пошла к привокзальной площади, чтобы встретиться там с Чирикли и отправиться наконец домой.

Мучительно хотелось пить. И есть. И непонятно, чего больше. Сегодня завтракали наскоро, пшенной кашей на воде, сваренной неумелыми руками Чирикли. Каша пригорела, была невкусной и несладкой. Мирела ночью почувствовала себя неладно, и Баваль не велел ей вставать с постели, предполагая, что могут начаться роды. Ратори призвали помогать на этот случай, а вдобавок пригласили дальнюю родственницу, Тамилу, проживавшую на соседней улице. Евсению и Чирикли спешно выпроводили из дома, так как они были еще молодыми и неопытными, и толку от них в предстоящих процедурах не предвиделось никакого.

Ратори, провожая девчонок, тесно прижалась к Евсении своим полным телом, обдав ее теплом, сунула ей что-то за пазуху пухлой ладонью, шепнула на ухо: «Сама съешь!» и легонько подтолкнула к двери. Евсения тихонько нащупала какой-то твердый предмет. Карманов у нее не было, и она, попросив Чирикли подождать, прошла к деревянному туалету, во двор. Закрывшись там, она вытащила из-за пазухи сверток, развернула... На чистом тряпичном лоскуте лежал кусок вчерашнего пирога с капустой. Евсения с благодарностью улыбнулась. Правда, непонятно было, куда девать этот кусок: карманов у нее не было, только коробка для сбора денег, за пазухой его заметят, потому что грудь у нее маленькая, блузочка тоненькая. Жадная Чирикли непременно отберет пирог и съест весь кусок сама, даже не поделившись с девушкой.

Евсения задумалась, мысли хаотично заметались в ее голове. Снаружи послышался недовольный окрик Чирикли. Евсения поспешно повязала платок на голову и сунула под него сверток. Вроде получилось незаметно.

Чирикли придирчиво оглядела ее и хмыкнула:

– Зачем сейчас платок надела?

– Чтобы голову не напекло, – равнодушно произнесла Евсения и двинулась со двора.

В электричке они ехали вместе. Чирикли периодически косилась на ее голову. Пыталась язвить. Евсения отмалчивалась. На вокзале, как обычно,

Чирикли отстала от Евсении.

Вечером Чирикли на привокзальной площади не оказалось, она где-то задерживалась. Евсения помнила, как с утра она хвасталась, что собирается сегодня покрутиться возле сберкассы и стырить сумку с полученными деньгами у какой-нибудь зазевавшейся клушки. Евсения молчала, хотя ей было противно, и наивно надеялась в душе, что Чирикли просто хвастается, а претворить в жизнь свой замысел у нее не хватит духу. Но сейчас Евсения опасалась, что Чирикли не просто бахвалилась, что она и впрямь украла деньги, попалась и загремела в милицию, и непонятно, как теперь возвращаться домой ей, Евсении, и что сказать Бавалю...

Евсения отошла в сторонку, в тенек, в закуток между магазинчиками и ларечками. Перед ними располагалась остановка – здесь был узел общественного транспорта. Как всегда, перед зданием вокзала стояла группа таксистов. Машины разных марок и цветов, припаркованных перед площадью. Таксисты иногда с любопытством поглядывали на нее и пересмеивались. У многих, и не только у водителей, в руках были разноцветные банки и бутылки с фантой, квасом, соком и прочими прохладительными напитками. Рядом стояла палатка, где торговали чебуреками и курами-гриль. От палатки исходил умопомрачительный аромат.

У Евсении кружилась голова – от этих запахов, усталости, голода и жары. Она сглотнула слюну. Есть и пить хотелось невероятно. После прогорклой каши – она с трудом впихнула в себя три ложки – и куска пирога, наспех сжеванного в тамбуре одного из вагонов, во рту у нее за сегодняшней день ничего не было. Хотя бы попить что-нибудь...

– Мама, я хочу курицу! – капризно попросила какая-то девочка.

Мать подошла к палатке, выбрала понравившийся кусок птицы и унесла его с собой, завернутый в промасленную бумагу и два полиэтиленовых пакета. Девочка радостно шагала рядом. Чебуреки покупали не так охотно, поскольку в жару людям не хотелось ничего горячего и жирного. Евсения же с удовольствием съела бы сейчас этот сочившийся прозрачным соком, хорошо прожаренный со всех сторон чебурек. Тесто у него должно быть нежным и хрустящим одновременно, а мясной фарш внутри – сочным, вкусно отдающим пахучим черным перцем...

Она не знала, откуда ей знаком вкус чебуреков – ни бабка Антоновна, ни цыгане никогда их не готовили и не покупали. Но она точно знала, что когда-то... Она смотрела на золотистые полукружья пухлого теста с начинкой, как зачарованная. Как хотелось ей сейчас наплевать на все,



купить этот чебурек, впиться, вгрызться в него зубами и съесть – весь, а потом запить большим стаканом кваса... Тогда и силы сразу появились бы, и домой возвращаться было бы куда веселее. Но нельзя: стакан кваса стоит пятнадцать рублей, а чебурек – целых двадцать пять... и если ее увидит Чирикли – беды не миновать.

Во рту у нее все пересохло, Евсении казалось, что она уже на грани теплового удара. Она осторожно раскрыла коробку с собранными за день деньгами, пересчитала... Сумма показалась ей очень значительной. Может быть, если не покупать чебурек, а ограничиться стаканом кваса, никто и не заметит? Один стакан, всего лишь один...

Продавщица, ногой качая педаль и набирая квас для покупателей, одним глазом поглядывала на топтавшуюся неподалеку Евсению. И та наконец решилась: шагнула вперед и, протянув женщине пятнадцать рублей, сказала, волнуясь:

– Большой стакан кваса, пожалуйста.

Женщина равнодушно положила деньги в объемный карман фартука, накачала для Евсении квас, протянула ей полный стакан. Та взяла его обеими руками и жадно, торопливо отпила несколько глотков. Квас, который она не пила очень давно, показался ей невероятно вкусным.

«Подожди, не так быстро, вкуса же совсем не почувствуешь!» – говорила она самой себе, но остановиться была не в силах и с жадностью делала крупные глотки прохладного освежающего напитка.

Резкий удар по руке и злобный окрик заставили ее вздрогнуть. Перед ней стояла Чирикли, гневно раздувающая круто вырезанные ноздри, и верещала на своем языке, мешая его с русскими словами.

– Ты, дрянь такая... Тебя кормят, поят, спать кладут... работу дали... а ты, тварь неблагодарная, деньги воруешь! – русские ругательства перемежались с цыганскими.

– Я очень пить хотела, чуть сознание не потеряла, – дрожащим голосом произнесла Евсения, но Чирикли уже вырвала у нее недопитый стакан, залпом осушила его и бросила на землю возле палатки.

Уперев руки в бока, она стала наступать на Евсению, тесня ее к ларьку, схватила девушку за плечи и, размахнувшись, хотела ударить ее по лицу. Евсения отшатнулась, защищаясь, и увидела, как от толпы таксистов, наблюдавших за этой сценой, отделился невысокий мужчина средних лет и быстро двинулся в их сторону.

– Что происходит? – громко спросил он, подойдя вплотную и внимательно осматривая Евсению. – Девушка, с вами все в порядке?

Евсения открыла было рот, чтобы что-то сказать, но неожиданно для

самой себя ощутила, как горло ее вдруг сжалось, превратившись в узенькую трубочку, а из глаз одна за другой, как бусины с порванной лески, покатались, посыпались градом слезы, перешедшие в бурные рыдания. Все невыплаканные обиды, страхи, боль, одиночество – все, что Евсения так тщательно запихивала в самую глубину души в течение долгих последних месяцев, вдруг прорвались наружу, забили гейзером из ее усталого, измученного сердечка. Евсения перегнулась пополам, сотрясаясь всем своим худеньким телом от этих безудержных рыданий.

– Она деньги мне должна, деньги, деньги, большой стакан! – быстро прочирикала цыганка.

Мужчина усмехнулся и, достав из бумажника двадцать рублей, протянул купюры Чирикли. Та моментально спрятала их куда-то в сборки своей пышной юбки и вновь попыталась увести рыдавшую уже навзрыд Евсению.

– Девушка, пойдете со мной? – мужчина склонился и заглянул ей в лицо.

Евсения вдруг увидела, что у него очень хорошие глаза, и, еще несколько минут назад не ожидавшая от самой себя ничего подобного, кивнула утвердительно, доверчиво взяла протянутую ей руку...

Чирикли обеспокоенно залопотала что-то, потянула Евсению за собой, порываясь поскорее уйти, но мужчина крепко сжал цыганку за локоть, развернул ее к себе и заглянул в глаза.

– В милицию захотела? – тихо, почти не разжимая губ, спросил он. – Сию минуту отправлю! Они тебя как террористку в землю уроют, за взятие заложников.

И он оглянулся, высматривая глазами группу ППС. Они, как обычно, находились поблизости, у первого ларька, лениво щелкая семечки и переминаясь с ноги на ногу.

Испугавшись, Чирикли косо взглянула на Евсению, требовательно позвала ее за собой, потом заговорила ласково, уговаривающе. Евсения стояла как вкопанная. Она знала, она вдруг поняла, что больше не вернется в их дом – никогда!

Большие часы на здании вокзала показывали половину десятого, через две минуты отходила последняя электричка. Чирикли в отчаянии оглянулась, выразительно потрясла грязным пальцем перед лицом Евсении и проворно шмыгнула к подземному переходу.

– Ну что, пойдете? – повторил мужчина и повел Евсению к своей машине...

\* \* \*

– Хорошо, допустим даже, что ты права, – выслушав меня, высказал наконец Мельников свое резюме. – Допустим, что Вероника Одинцова и эта твоя девушка в электричке – одно и то же лицо.

– Это не допущение, это факт! – поправила я его. – Галина Пивоварова сразу узнала ее по фотографии!..

Мельников поморщился и жестом остановил меня:

– Тихо, тихо! Хорошо, пусть так. Но как ты представляешь себе поиски ее? Тем более, если твоя подруга предполагает, что девчонка малость... того? Не в себе?

– Нужно прочесывать все электрички, и в первую очередь то направление, по которому ехала Галина!

– Это где же я тебе столько народу на такое дело возьму?! – поразился Мельников. – У меня людей не хватает!

– Достаточно будет одного-двух, – я принялась со всей горячностью, на которую только была способна, убеждать его. – Я думаю, на это уйдет пара дней, не больше! И для такого простого дела не нужны высокие чины, достаточно простых лейтенантов или даже сержантов! Пойми, Андрей, эта девушка – наш единственный шанс узнать правду! Только она может пролить свет на то, что произошло с ней самой и с Марианной Новожиловой!

Мельников молчал, сосредоточенно хмурия брови.

– Ты, вообще-то, знаешь, сколько этих артистов по электричкам шляется? – спросил он. – Что их, всех подряд будут в отдел таскать?

– Ну, молодых девушек среди них не так уж много, – возразила я. – Тем более что фотография есть, ее можно увеличить. К тому же Галина говорит, что у девушки незабываемый голос!

– Это так Галина твоя говорит, она в музыкальной школе училась, по твоим словам. А ты думаешь, что у моих сержантов консерваторское образование? Да им мамонт на ухо наступил! Они Баха от Фейербаха не отличат!.. Тьфу, я хотел сказать, от Оффенбаха!

– Нужно повышать культурный уровень сотрудников органов! – назидательно подняла я палец.

Я не была уверена, что подполковник сам сможет отличить одного из упомянутых им лиц от другого, но считала так: чтобы найти Веронику, не требуется глубоких познаний ни в классической музыке, ни в философии. И я принялась изо всех сил убеждать Мельникова:

– Ладно тебе, Андрей, говорю же, одиноких девушек, поющих в электричках, почти и нету! И даже если ошибутся твои ребята и вместо одной прихватят троих – ничего страшного, разберемся!

Мельников только крикнул.

– Хорошо! – проговорил наконец он. – Попробуем что-нибудь придумать. – Он снял трубку телефонного аппарата и произнес: – Арсентьев? Зайди ко мне!

Буквально через мгновение в коридоре послышалось чье-то топотанье, словно по нему прогромыхали армейские сапоги, а затем в кабинете выросла здоровенная фигура капитана Арсентьева – самого тугодумного и самого исполнительного подчиненного Мельникова.

– Так, Арсентьев, ты музыку любишь? – строго спросил подполковник.

– Так точно, товарищ подполковник, – пробасил Арсентьев.

– Разбираешься в ней? – поднял бровь Андрей.

– Никак нет! – столь же невозмутимо ответил капитан.

– Плохо, Арсентьев! – погрозил ему пальцем Мельников. – Сотрудник правоохранительных органов должен разбираться во всем! Чтобы к моему возвращению из отпуска все выучил, ясно?

– Слушаюсь, – по привычке кивнул Арсентьев, но осмелился все-таки осведомиться: – А зачем?

– В консерваторию тебя перевожу, Арсентьев. Будешь за музыкантами в оркестре следить и определять, кто из них фальшивит!

Арсентьев не понимал шуток. Он – по моему личному мнению – был вообще начисто лишен чувства юмора. В этом я убедилась, когда он как-то в процессе одного совместного расследования попытался развлечь меня пересказом анекдотов – таких же «дубовых», как и он сам. Он весь как-то подобрался и еще раз повторил:

– Слушаюсь!

– Да шучу я, шучу, – посмеиваясь, успокоил его Андрей. – Будешь всего лишь следить, чтобы они ноты не воровали.

По лицу Арсентьева было видно, что эта миссия представляется ему гораздо более простой. Мельников тяжело вздохнул.

– Слушай сюда, Арсентьев, – с оттенком безнадежности в голосе произнес он. – Поручаю тебе ответственное задание. От него зависит все! То есть пойдешь ты в следующем году в отпуск летом или будешь ждать ноября. Понял?

– Так точно! – ответил готовый к любому решению начальства Арсентьев, и Мельников принялся объяснять ему суть срочного задания...

\* \* \*

Пока Арсентьев разъезжал в электричках, не смыкая своих бдительных очей, я не находила себе места. Я не любила тратить время даром, мне все время необходимо было действовать. Сейчас же я просто не знала, что делать. Время шло, а результатов не было.

Я ходила по квартире взад-вперед, раздумывая на ходу и все время порываясь рвануть на помощь Арсентьеву, чтобы заняться хоть чем-то и скрасить это томительное ожидание. Наконец, не выдержав, я решила бросить кости, чтобы хоть немного успокоиться.

«7+36+17» – «Пока Вы медлите, будущие удачи могут пострадать, а тайные замыслы врагов возмужают».

Как ни странно, но это предсказание действительно успокоило меня. Я поняла, что оставаться дома и ждать чего-то будет большой ошибкой с моей стороны. Поэтому, немного подумав, я набрала номер телефона Юрия Васильевича, соседа Вероники Одинцовой, чтобы спросить, не вернулась ли с моря его жена. Юрий Васильевич обрадовал меня тем, что вернулась! Я поблагодарила его и, не сообщая, что я собираюсь нагрянуть к ней как снег на голову, пошла собираться. Вскоре я позвонила в дверь квартиры с номером тридцать шесть.

Жена Юрия Васильевича, Марина, оказалась очень милой молодой женщиной лет двадцати восьми. Как оказалось, муж уже сообщил ей о своем разговоре со мною, так что она не удивилась моим вопросам. Ее маленький сын, утомившийся после дороги, спал в своей кроватке, так что нам никто не мешал.

– Марина, я хотела вас попросить рассказать мне о Веронике. По словам Юрия Васильевича, вы с ней довольно-таки часто беседовали. Скажите, не говорила ли она вам о некоем психологе или астрологе, с которым она познакомилась в Тарасове?

– О каком-то конкретном астрологе она ничего не говорила, – ответила Марина. – Она просто восхищалась многими псевдонауками, в том числе и астрологией.

– К ней сюда приходил какой-нибудь мужчина?

– Абсолютно никто и никогда! – уверенно ответила Марина. – Я даже как-то осторожно спросила ее – ты так ни с каким мальчиком и не познакомилась? Вероника сказала, что ей никто не нравится. Правда, сама она все-таки куда-то ходила, потому что пару раз в неделю задерживалась после работы. Я же дома сидела, с ребенком, поэтому всегда знала, когда

она была дома, а когда – нет.

– Она не говорила, куда именно ходит? Вы не спрашивали?

– Спросила однажды, а она сказала, что ищет свое предназначение. Я так и не поняла, что она имела в виду, переспросила, но Вероника только как-то загадочно улыбнулась. Она вообще часто говорила загадками. Начиталась своих книжек! Правда, у нее и полезные книги были, я потому и взяла их, что увидела среди прочих труды по народной медицине. А моего мужа радикулит часто беспокоит, я и надеялась его подлечить. Да все как-то руки не доходят взять и почитать.

– Откуда взяли? Какие книги? Я что-то ничего не поняла, – недоуменно посмотрела я на Марину.

– Ну, я о книгах, которые после Вероники остались, – принялась объяснять она. – Новые жильцы их выбросить хотели, а я увидела там несколько работ по целительству, вот и взяла себе всю пачку.

– И где же они? – удивленно спросила я.

– Вон, в нижнем ящике лежат, – Марина кивнула на книжный шкаф, снабженный в нижней части отделением с дверцами.

– Можно мне их посмотреть? – поднялась я со стула.

– Да, конечно, можно! Сейчас я их достану.

– И еще вопрос: а какие-то другие вещи Вероники не сохранились?

– Нет, – вздохнула Марина, доставая из шкафа внушительную стопку книг. – Выбросили их соседи, а что тут скажешь? Они же теперь новые хозяева жилплощади, законные! Да у нее и вещей-то почти не было – так, только из одежды кое-что... На диван присядьте, вам там удобнее будет смотреть.

Я воспользовалась ее предложением и стала просматривать кипу этой сомнительной литературы, перелистывая страницы, вовсе не уверенная, что я найду здесь что-то полезное. Вскоре в глазах у меня зарябило от заголовков типа: «Тайные знания», «Сознательные выходы из тела», «Пустыня в твоей жизни», «Биокомпьютер, космопсихобиология»...

Господи, неужели Вероника умудрялась как-то переваривать в своей голове всю эту макулатуру?!

– Марина, – с яростью пролистывая какую-то очередную эзотерическую муть, спросила я, – у вас не возникало порою ощущения, что Вероника не совсем... здорова психически?

– Нет, она была вполне адекватной, – с легким удивлением сказала Марина. – Своеобразной – это да. Со странностями, но без отклонений.

– Угу, – удовлетворенно кивнула я, поскольку уже начала в этом сомневаться...

Я потянулась за очередной книгой и тут обнаружила, что это не книга, а журнал. На его глянцевой обложке крупными округлыми буквами было написано название – «Оракул». Я принялась перелистывать журнал, и где-то на середине взгляд мой привлек яркий цветной портрет мужчины с каким-то пронизывающим, словно вперенным прямо в тебя, взглядом. И не столько сам снимок обратил на себя мое внимание, сколько крупная надпись на нем: «Астролог Рахметов знает все о твоём будущем».

Быстро скинув всю остальную стопку этого бреда на пол, я вчиталась в объявление. Попутно я увидела, что в куче книг имеются еще несколько номеров «Оракула». Я подняла их с пола и отложила в сторону.

Реклама гласила, что некий Феликс Рахметов обладает званием магистра белой магии, астрологии, биопсихоэнергетики и еще целой кучи чего-то такого. И принимает он всех, желающих познать себя и изменить свою жизнь, в центре предсказаний «Андромеда» ежедневно, с пятнадцати до двадцати часов. Здесь же имелся адрес, а также и телефон этого центра, густо обведенные красным фломастером.

Я просмотрела остальные номера «Оракула», и во всех них имелась реклама этого центра «Андромеда» и магистра Феликса Рахметова. Я еще раз внимательно взгляделась в снимок. Черты лица астролога-биоэнерготерапевта показались мне очень знакомыми, словно недавно я где-то его видела, но в несколько измененном варианте. Но как ни напрягала я память, так и не смогла воспроизвести его истинное лицо. Адрес и телефон центра были помечены во всех номерах журнала.

– Это Вероника подчеркнула? – спросила я у Марины.  
– Не знаю, – ответила она. – Наверное, журналы-то ее!  
– Вы когда-нибудь слышали от нее эту фамилию – Рахметов?  
– Нет, никогда.  
– А название центра предсказаний – «Андромеда»?  
– Тоже нет...  
– Марина, я заберу у вас эти журналы, если вы не возражаете? – попросила я.

– Берите, конечно! Я и не собиралась их читать.

Нагрузившись тяжелой стопкой журналов, я попрощалась с Мариной и спустилась по лестнице к своей машине. Еще раз перелистала их и, минутку подумав, круто развернула машину и направилась в сторону улицы Волжской, где располагалась «Андромеда».

Вывеска центра была выполнена в лучших традициях каббалистики – буквы начертаны каким-то странным, привлекающим внимание, но не очень читаемым шрифтом. Вокруг букв были изображены (во множестве)

какие-то знаки, кружочки, символы... Черно-красная цветовая гамма.

«Что ж, каждый по-своему с ума сходит», – подумала я, потянув на себя тяжелую дверь с круглой гладкой деревянной ручкой.

– Добрый день, центр предсказаний «Андромеда», мы рады вам помочь, – заговорила вкрадчивым, неестественно любезным голосом секретарша, поднимаясь мне навстречу из-за стойки ресепшена.

– Могу я встретиться с господином Рахметовым? – с ходу начала я.

– Да, конечно, – она продолжала улыбаться. – Я вас провожу.

Приемная астролога была небольшой, отделанной в современном стиле комнатой, без каких-либо намеков на каббалистику и прочую магию. Секретарша, облаченная в модный строгий костюмчик, – тоже все по-офисному, – продолжала лить словесный мед в мои уши.

– Мы вам обязательно поможем, давайте я запишу, что вас беспокоит. – И она раскрыла толстую тетрадь, поспешив заверить меня: – Не волнуйтесь, это обычный порядок, чтобы господин Феликс мог подготовиться к встрече с вами. Все данные строго конфиденциальны и уничтожаются сразу же после того, как господин Рахметов их просмотрит.

– Моя проблема в том, что нет счастья! – со вздохом призналась я. – Мне не везет с мужчинами.

Секретарша слушала меня с чрезвычайно серьезным видом, понимая, с сочувствием, кивая и послушно записывая мои слова.

– Вы уже обращались куда-то за помощью? – задала она еще один вопрос.

– Обращалась, но ничего не изменилось! А к вам мне рекомендовала обратиться одна моя знакомая... Вероника Одинцова. Знаете такую?

– М-м-м... Вероника, Вероника... – зашевелила губами девушка, сосредоточенно вспоминая.

Я достала из сумочки увеличенную и подретушированную фотографию девушки и показала секретарше.

– Да, теперь я вспомнила! – охотно ответила секретарша. – Это наша постоянная клиентка. Только она уже где-то около года не приходит. Что с ней, кстати?

– Не знаю, у нас с ней, увы, разорвалась связь, – почти честно ответила я, а про себя подумала: «Насчет конфиденциальности ты, пожалуй, погорячилась, девочка, если сразу выдаешь мне, постороннему человеку, такую информацию!»

Секретарша продолжала меня расспрашивать, я как ни в чем не бывало отвечала на ее вопросы, особо даже не вдумываясь в смысл и не заморачиваясь этим. Мне не терпелось попасть к астрологу Рахметову на



прием.

Наконец секретарша все записала, поднялась и, попросив меня немного подождать, скрылась за дверью, находившейся за моей спиной. Через некоторое время она вернулась и сказала:

– Господин Рахметов примет вас завтра, в семнадцать часов. Он просил передать, что у вас непременно все наладится, он уже определил методы, по которым и будет с вами работать!

«О, какой чудесник! – восхитилась я. – Не видя меня, взял и определил! Может, мне и приходить не стоит? Пусть по телефону поработает? А что? Деньги те же, а хлопот куда меньше!»

Не посвящая секретаршу в свои размышления, я попрощалась и покинула «Андромеду». До завтрашнего дня никаких планов у меня больше не было.

Увы, у Арсентьева день прошел совсем бездарно. Он проколесил в электричках весь день, меняя маршруты и направления, вечером долго отирался на вокзале, но девушки, хотя бы отдаленно похожей на Веронику, так и не встретил. Мельников не слишком довольным тоном сообщил мне, что завтра с утра Арсентьев вновь попытает счастье, но добавил от себя, что ему лично эти катания не нравятся.

– Он мне в отделе нужен! – резанул подполковник напоследок и повесил трубку.

Я вздохнула и занялась своими домашними делами в ожидании завтрашнего визита в «Андромеду», надеясь, что он окажется плодотворным, и решив, что Сергею Николаевичу Черкасову придется раскошелиться на оплату еще одного дня расследования...

\* \* \*

Астролог Феликс Рахметов обладал поистине демоническим взглядом дымчато-серых глаз. Взгляд этот скользил по моему лицу и телу, словно мужчина тщательно сканировал, завораживал, притягивал и отталкивал меня своими глазами одновременно. На фотографии он выглядел человеком обычной комплекции, но, когда астролог поднялся мне навстречу, я увидела, что он высокого роста и фигура у него «крупногабаритная». Его глубокий бархатистый голос звучал как-то особенно, с гулким многократным эхо, словно усиленным неким дополнительным скрытым устройством. Видимо, такой эффект достигался за счет отделки стен и

потолка кабинета, создающей особую акустику.

Внутреннее убранство кабинета было выдержано в колоритном колдовском стиле. На полукруглом столе, покачиваясь на специальной подставке, висел большой белый светящийся шар, наполненный полупрозрачной жидкостью. Отражаясь от этого шара, по стенам плавали рассеянные блики света. Рядом с шаром располагался большой лист с начертанными по кругу символами и неизвестной мне эмблемой в центре. По углам комнаты и на столе стояли высокие, массивные подсвечники с зажженными свечами, и присутствовало еще какое-то искусственное освещение, создающее в кабинете синеватый полумрак. Сам Рахметов был облачен в длинный балахон, напоминающий сутану католического священника, перевязанный поясом, на концах которого болтались блестящие бляшки.

Он говорил очень уверенным, твердым голосом, и как-то сразу хотелось ему внимать и подчиняться. Однако я постаралась отделаться от этого ощущения: какой бы харизматической личностью ни выглядел Рахметов, мне стоило помнить, что я пришла сюда совсем по другому делу, а вовсе не выдуманному, о котором наплела его секретарша. По гораздо более важному, чем мое мнимое невезение с мужчинами.

Рахметов поприветствовал новую клиентку, пригласил меня сесть и сразу же начал расспросы, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Татьяна, что вы считаете своей главной задачей в жизни? – начал он.

Я не собиралась раскрывать перед ним свои карты и сказала:

– Я просто хочу стать счастливой.

– Я помогу вам обрести свое предназначение... Обрести удачу... Уверенность в себе... – с напором в голосе, в котором чувствовались нотки внушения, заговорил астролог, встав из-за стола и совершая зажженной свечой какие-то манипуляции вокруг моей персоны.

От его тона меня начало клонить в сон, и я постаралась не расслабляться.

– Карму нужно подчистить, – заключил он, возвращаясь на место. – Провести биоэнергокоррекцию всего организма, у вас имеется много страдающих органов. Отливочку из воска сделать: у вас с правой стороны левого полушария огромный энергетический разрыв, магнитное поле нарушено.

«Ужас какой! – подумала я. – Оказывается, я с дырой в голове хожу!»

Можно было, конечно, сказать ему, что за отверстия в энергетическом поле астролог мог принять следы ударов, неоднократно обрушившихся на мою бедную голову за годы работы частным детективом, но, разумеется, я

не стала этого делать.

– Ничего страшного, не пугайтесь, это все поправимо, – тем временем успокаивал меня астролог. – К сожалению, многие люди не знают, как решать подобные проблемы, не обращаются к специалистам и всю жизнь проживают несчастными людьми, исполняя чье-то чужое, не свое, предназначение и погрязая в неудачах. Вам крупно повезло, что вы пришли ко мне, теперь у вас вся жизнь пойдет совершенно по-другому...

Астролог Рахметов в своем деле был явно грамотным специалистом, по крайней мере, убеждать людей он научился. Говорил он настолько проникновенно и уверенно, что его хотелось слушать и слушать. Слава богу, что я не внушаемая, а вот человек с более слабой нервной системой мог легко подпасть под его обаяние – я это чувствовала.

– Я вам верю, – произнесла я. – Мне о вас рассказывала подружка, Вероника Одинцова, она говорила, что вы – потрясающий человек!

Рахметов резко оборвал свои пространные разглагольствования и еще внимательнее посмотрел на меня.

– Правда, потом с ней случилась какая-то странная история, она пропала, – продолжала я. – Вы об этом что-нибудь знаете?

Астролог помолчал, потом медленно произнес:

– Татьяна, не отвлекайтесь, я уже начал внутренний процесс работы по изменению вашей ситуации.

– Но Веронику-то вы помните? – стояла на своем я.

– Татьяна, не отвлекайтесь на чужие проблемы, не тяните их в свою жизнь, иначе вы так и будете жить чужой жизнью, – продолжая воздействовать на меня своим магнетизмом, заявил Рахметов.

– Но мне не дает покоя вопрос о том, что с ней случилось! – не поддалась я. – Может быть, вы могли бы помочь мне узнать это? Вы же предсказатель! Это, кстати, еще один момент, который меня волнует, кроме моих отношений с мужчинами. Я готова заплатить за это дополнительно.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – стараясь скрыть раздражение, произнес Рахметов, и голос его отчасти утратил свою магическую силу.

– Вот, – я достала из сумочки фотографию Вероники и показала ему. – Обычно экстрасенсы по фотографии могут определить многое!

– Я не экстрасенс, – сейчас же откrestился от этой «специальности» Рахметов. – Вы путаете вещи, в которых вы не очень-то компетентны.

– Ладно, это неважно, но по фотографии-то вы можете что-то определить? И потом, Вероника вам что-то рассказывала о себе?

– Я никогда не видел эту девушку, вы ошибаетесь, – склонив голову к плечу и сверля меня немигающим взглядом, сказал Феликс.

– Как же так? – удивилась я. – А секретарша сказала, что она – ваша постоянная клиентка!

В глазах астролога промелькнуло выражение совершенно обычной человеческой злобы и досады. Однако он моментально овладел собой, взял в руки фотографию, всмотрелся...

– Да, кажется, я узнаю ее, – наконец признал он. – Просто фотография не очень качественная, к тому же здесь она еще совсем ребенок – иной космический возраст, иная структура эфирного плана... вам этого не понять, конечно, просто поверьте мне на слово.

Вот верить кому попало на слово я как-то не привыкла, особенно таким скользким личностям, как астролог Рахметов, поэтому словно невзначай произнесла:

– Я даже хочу параллельно подать заявление в милицию, чтобы разузнать, что с ней случилось. Нужно же действовать во всех направлениях! Если вы не сможете помочь, может быть, следственным органам это удастся?

Астролог, не мигая, смотрел на меня.

– В милицию я бы вам не советовал обращаться, – заявил он. – Я знаю, что эти люди не сумеют ничего выяснить – у них иные методы поиска, не связанные с космосом. А значит, не абсолютные.

«Да уж, они как-то привыкли по старинке работать!» – мысленно вздохнула я.

– Но что же мне делать, если и вы помочь отказываетесь? – взглянула я на Рахметова. – А ваши сведения о Веронике могут очень пригодиться.

Явная досада внесла в выражение лица астролога привкус кислинки. Он скривил губы и произнес:

– Ладно, я удовлетворю ваше любопытство, раз уж дело зашло так далеко. Вероника и в самом деле обращалась ко мне за помощью, но... просто есть понятие профессиональной тайны, понимаете? Я же не могу рассказывать каждой новой клиентке о своих предыдущих, это было бы неэтично! Разве вам бы понравилось, если бы я обнародовал ваши проблемы? И только то обстоятельство, что вы были подругой Вероники, а также факт ее исчезновения заставляют меня сейчас отступить от выработанных принципов.

«Складно звонишь!» – подумала я, приготовившись слушать.

– Вероника рассказала мне, что она увлеклась азартными играми. Вам, наверное, известно, что это просто бич нашего времени? Все эти игральные автоматы, казино – дьявольская ловушка. От этого люди просто гибнут!

«Интересно, а ты какой силой действуешь?» – подумала я. – Не

дьявольской ли?»

– Одним словом, у Вероники развилась игровая зависимость, почти уже переросшая в манию. Это был сложный случай, она ведь такая амбивалентная натура, сотканная из противоречивых импульсов и эмоций... Мне пришлось ей помочь.

– Но, видимо, это вам так и не удалось, – заметила я. – раз она все же пропала. Господин Рахметов, неужели вы не можете хотя бы приблизительно определить, где она и что с ней случилось?

Астролог откинулся на спинку стула и, покачавшись взад-вперед, нехотя произнес:

– Конечно же, я знаю, что произошло. Она задолжала крупную сумму денег и сбежала. Ей же приходилось заниматься, чтобы играть постоянно!

«Очень странно! – подумала я. – Ни от кого из знакомых Вероники я не слышала, чтобы она занимала деньги. В магазине, по словам Романа Михайловича, она работала честно, соседи также не упоминали о ее финансовых затруднениях... Что-то мало похожа на правду эта информация. У кого она могла взять крупную сумму? И потом, зачем сбегать?»

– Но где же она находится сейчас?

– Этого я не могу сказать, – выпятил губы Рахметов. – Эфирный канал забит, произошла закупорка нижней чакры, возможно, из-за того, что Вероника пересекла черту...

– Какую черту? – уже раздражившись из-за обилия этой туманной эзотерической терминологии, спросила я.

– Астральную, – спокойно произнес Рахметов. – Татьяна, перестаньте думать об этом, давайте продолжим наш сеанс... Вам же в первую очередь нужно думать о себе, о решении своих проблем. Вот этим мы и займемся.

Не переставая вещать что-то многомудрое монотонным голосом, он поднялся и медленно приблизился ко мне. В руках он зажал длинную цепочку, на которой, как маятник, раскачивался какой-то предмет, похожий на кулон.

– Сейчас мы проверим баланс между тремя планами тонкого мира, – говорил Рахметов, поднося кулон к моему лицу и покачивая им. Сам он при этом смотрел прямо мне в глаза. – Так-так... У вас высокое предназначение, дарованное вам Абсолютом, – бубнил он, неотрывно глядя мне в глаза, – вы способны достичь аватара...

«О как! – восхитилась я. – А я-то думала – так и помру простым частным детективом!»

Астролог придвинулся ко мне совсем близко, и я вдруг ощутила

смутную тревогу. Меня словно бы подташнивало, в теле появилась слабость. Я попробовала отодвинуться, но астролог произнес замогильным голосом:

– Татьяна, слушать меня, смотреть в глаза, только мне в глаза. Слушайте. Слушайте внимательно... Ваше тело становится легким, инертным, оно неподвластно вам... Ваш дух свободен, он вылетает наружу...

«Господи, как бы мне не испустить дух прямо здесь!» – я немного испугалась, почувствовав, что тело мое отнюдь не стало легким, а напротив, наливается какой-то тяжестью и вскоре и впрямь может стать неподвластным мне.

С огромным трудом я заставила себя приподняться со стула. Ноги подрагивали.

– Я... пожалуй, приду в следующий раз, – слабым голосом произнесла я. – Что-то я неважно себя чувствую...

– Татьяна, куда вы, мы же только начали работать, механизм уже запущен, процесс перерождения пошел, – заговорил астролог, пытаюсь удержать меня за руку, но я упорно двинулась было к двери.

Астролог быстро развернул меня за плечи лицом к себе.

– Сидеть! – властно произнес он, и я, вся обмякнув, пластом повалилась в кресло, явственно ощущая, что нахожусь под каким-то гипнотическим воздействием. – Татьяна, смотреть мне в глаза, прямо мне в глаза, только мне в глаза!

Я уже плохо различала лицо Рахметова, перед глазами стояла какая-то мутноватая пелена, но его пронизывающий взгляд словно протыкал, разрывал ее, проникая в мои зрачки. Я сглотнула слюну, она показалась мне горькой, и я начала потихоньку сползать с кресла.

– Татьяна, вам плохо? – склонился надо мной астролог, но уже и голос его я различала нечетко, еле-еле. – Наверное, я воздействовал на вас слишком мощным импульсом. Не волнуйтесь, я сейчас позову врача, все будет хорошо...

Я казалась себе космонавтом, оказавшимся в состоянии невесомости. На меня навалилось полнейшее безразличие к происходящему, какая-то абсолютная апатия. Примерно такое состояние я испытала однажды, когда во время погони за приступником сломала ногу в двух местах, и потом в больнице мне вкололи обезболивающий наркотический препарат.

Астролог продолжал хлопотать вокруг меня, что-то приговаривая, но я уже почти не различала произносимых им слов...

– Сейчас приедут врачи... все будет хорошо, – все-таки услышала я, а

следом дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появились люди в белых халатах.

Один из них подошел ко мне, деловито пощупал пульс и, ни слова не говоря, достал из чемоданчика уже наполненный шприц. Он взял мою безжизненную руку, быстро перетянул ее жгутом и аккуратно, профессионально ввел иглу в вену. По моему телу моментально растеклось приятное тепло, на губы наплзла блаженная улыбка, и, глядя на мужское лицо, маячившее передо мной, я вдруг поняла, кого мне так напомнил астролог Рахметов...

И одновременно я почувствовала, что теряю контроль над ситуацией. Лица присутствующих расплывались, становились какими-то амебообразными, нечеткими, отдельные слова находившихся в комнате людей мой мозг отмечал, но осознать их смысл я была уже не в силах. Одновременно на меня, начиная с головы, накатил новая, невероятно тяжелая волна, противостоять которой было невозможно. Она накрыла меня полностью... еще одно мгновение я была в сознании, а затем – окончательный провал в темноту.

## Глава шестая

Виктор Кондырев стал таксистом поневоле. До этого он работал водителем маршрутки, но эта работа мало того что была собачьей – с шести утра до позднего вечера, так еще и платили за нее, по мнению жены Риты, сущие копейки. Это всегда злило Виктора.

«Королева! – думал он про жену. – Забыла, как недавно китайской лапшой питалась!»

Те времена и впрямь были тяжелыми: Виктора, с его средним образованием, на высокооплачиваемую работу не брали, предпринимательством он заниматься не умел, хотя и пробовал в девяностые годы открывать разные ИП, но бизнес у него все как-то не шел. Однажды открытый им на пару с приятелем Михаилом колбасный цех и вовсе прогорел: оборудование встало, фарш протух из-за жары, и его пришлось выбросить. Сели они, подсчитали убытки, обхватили руками головы и решили больше не заниматься не своим делом.

Немного встав на ноги, он сумел поднакопить денег и купить собственную «Газель». Не новую, конечно, но вполне приличную. И устроился на один из маршрутов. Поначалу все было ничего. Уставал, правда, сильно, но все-таки тридцать шесть – это еще не возраст для мужчины. Тем более что для Ритки он всегда время находил, по ночам не обижал жену вниманием, хоть ему и спать хотелось, не до любви было. Но жена требовала. Короче, до полуночи – любовь, потом – сон, в пять утра – на работу. Нормально!

Оказалось, для Ритки – ненормально. Сначала она жаловалась, что Виктор никуда с ней не ходит. А когда ему ходить-то, если у него всего один выходной посреди недели? Потом и вовсе началось: «Я тебя совсем не вижу! Я себя женщиной не ощущаю!» Слушать противно! Нахваталась из дебильных бабских журнальчиков да сериалов всякой ерунды, вот и выдывается. Понятное дело, сама дома сидит с ребенком, скучно ей, вот она с ума и сходит. Пошла бы работать, как сам Виктор, так он еще посмотрел бы, как бы она запела!

Когда Анютка немного подросла, Ритка и правда устроилась на работу. Поначалу Виктор повеселел, что теперь жена будет при деле и к нему меньше приставать станет. Ан нет! Оказалось, дальше только хуже все пошло.

Во-первых, в семье стало меньше денег. Ну, это Ритка так считала, он-



то думал, что нормально, раз у них теперь две зарплаты вместо одной. Но вместе с зарплатами, как известно, растут и потребности. Ритка принялась капризничать: то ей нужны новые сапоги, потому что прошлогодние уже вышли из моды, то ремонт у них в квартире несовременный, то холодильник пора менять... Набрали кредитов, влезли в долги, зато в доме появилась дорогая бытовая техника и кое-что из мебели, а у жены – новая шуба. Но теперь денег не хватало катастрофически, и Ритка на эту тему пропилила Виктору все мозги.

Пришлось ему продать «Газель» и купить легковушку, на которой он и «таксовал» впоследствии. Денег немного прибавилось, но дома-то он из-за работы чаще бывать не стал. А Ритка словно с цепи сорвалась, требовала внимания к себе, ласки, попрекать его начала – какой, мол, ты мужик? Грозилась уехать к маме.

Виктор сперва сдерживался, потом плюнул и высказал жене все, что он о ней думает. Ритка, надув губы, собрала Анютку и гордо покинула квартиру Виктора, не забыв, однако, прихватить с собою все новоприобретенные вещи, кредит за которые еще не был выплачен и висел на Викторе.

Зол он был на жену – не то слово! Но к материальным проблемам добавилось еще и то, что, оказывается, долго без женщины мужику жить тяжело. Ритка, зараза такая, на его предложение хотя бы иногда устраивать интимные встречи для разрядки – «все ж таки мы не чужие люди!» – повесила трубку, словно оскорбленная в своих лучших чувствах ходячая добродетель.

«Забыла, как сама по пять раз среди ночи ко мне приставала!» – точил зубы на супругу Кондырев.

В сущности, работая таксистом, решить подобную проблему не представляло труда. Но Виктор был брезглив, к тому же его спутницами чаще всего оказывались женщины уже в возрасте (по его меркам – за тридцать пять), полноватые, часто выпившие. А он этого не любил. Ритка, несмотря на то, что родила Анютку, за собой следила и сохраняла стройность.

А эту девчонку, похожую на молодую лань, он заприметил давно. Правда, пока Виктор жил с Риткой, ему и в голову не приходила мысль познакомиться с ней. Она, во-первых, была совсем еще молодая, во-вторых, ему и везти-то ее тогда было некуда. А в машине... она могла и не согласиться.

Когда они приехали к нему, Виктор первым делом отправил девочку под душ, выбросил ее пропахшую вокзалом и поездами одежонку, а взамен

нашел в шкафу что-то из стареньких Риткиных вещей, которое она забирать не стала, видимо, больше не намереваясь это носить.

Когда она вышла из ванной, чистая, свежая, благоухающая душистым гелем для душа, в полупрозрачном коротком платьице, у Виктора аж сердце застучало – красавица! Ему захотелось сразу же обнять ее, уложить на диван и целовать – всю, с ног до головы...

Однако сначала все-таки нужно было ее накормить. Виктор отварил пельмени на двоих, смотрел, как она ест, улыбался... Заметив, что после сытного ужина у нее начали слипаться глаза, он сказал:

– Я тебе на диване постелю.

Она кивнула как-то просто, равнодушно. Он ей постелил, а когда вернулся в кухню, она уже спала за столом, положив на него голову с рассыпавшимися волнистыми волосами. Он поднял ее на руки, повернул лицом к себе, ощутил небольшую упругую грудь, оперевшуюся в его собственную, скользнул ладонью по нежной ноге...

Когда он укладывал девушку на диван, сил, чтобы сдерживаться, у него уже не было. Женщины у Виктора не было третью неделю, а тут к тому же такая новизна, помноженная на красоту! Платье он с нее снимал дрожащими руками, не обращая внимание на ее неумелое сопротивление; жадно прижимался к юным розовым губам, гладил нереально гладкую поверхность худеньких бедер, вжимал, вминал в диван это хрупкое тело, теряя голову от наслаждения...

То, что она была девственницей, он понял только позже, когда встал, чтобы пойти в кухню покурить. Долго не мог сообразить, что сказать, только смотрел, как она лежит, уставившись в потолок немигающими глазами. И молчит... С того момента она не сказала ему ни слова. По ночам отдавалась покорно, молча, не сопротивляясь, но сама в процессе словно и не участвовала вовсе. Словно отбывала повинность, молча соглашалась на пытку. И от этого Виктору становилось не по себе.

Днем он оставлял ее одну, запирали дверь на ключ, домашний телефон отключал. А когда возвращался вечером, она все так же лежала на диване. Еда в холодильнике оставалась нетронутой.

Надоела она ему быстро, уже на третий день. И своей покорностью, и безучастностью, и постоянным молчанием. Он даже не знал, как ее зовут, и это тоже его угнетало.

«Бревно настоящее!» – раздраженно думал Виктор, вспоминая, как стонала и извивалась под ним Ритка.

И главное, молчит все время! Смотрит не мигая и молчит! А в глубине ее глаз таится что-то такое, отчего в его сердце поселяется безотчетный

страх.

«Черт ее знает, еще зарежет ночью!» – думал он, уже не зная, как избавиться от девчонки, которой он еще пару дней тому назад хвастался перед дружками-таксистами.

На четвертый день Виктор твердо решил выпроводить ее вон. К тому же ему позвонила Ритка. Тон она сменила, разговаривала ласково, рассказывала, что Анютка все время спрашивает об отце, что она и сама соскучилась. Видно, ей без мужика тоже несладко стало. Словом, хватит дурью маяться, нужно им вновь сходиться и жить нормально.

Весь день он размышлял. Вечером пришел домой пораньше, накормил девчонку и просто сказал ей:

– Поехали.

Ни о чем его не спросив, она вышла из квартиры и села в машину. Смотрела тупо прямо перед собой. И до места они оба ехали молча. Виктор так и не знал, поняла она или нет, куда он ее привез. Высадил ее перед воротами. Уже темнело, и он смотрел на освещенные окна здания, ломая голову – позвонить или нет? Знал, что просто так ее не возьмут, придется за это им бабки отвалить, и немаленькие... В конце концов, он решил, что оно ему не надо.

– Позвонишь вот сюда, тебе откроют, заберут. Все будет хорошо, – бросил он ей.

Неловко погладил ее по руке и пошел к машине. Отъезжая, Виктор видел, как она стоит одна перед воротами – тоненькая, потерянная, – и смотрит на него бездонными глазами...

Потом несколько ночей подряд ему снился этот взгляд, он заставлял Виктора просыпаться и вскрикивать от страха, и Ритка тихонько и ласково похлопывала мужа по плечу, шептала: «Ч-ш-ш-ш, я тут, тут!» Она думала про себя: «Настрадался без меня! Мужики – они же как дети, спать одни боятся!»

\* \* \*

– Очухалась, стерва!

Таковыми словами мир встретил меня, тяжело пробуждавшуюся от забытья. И вложил он эти грубые слова в уста человека с квадратным лицом, способным на выражение только негативных эмоций. Во всяком случае, так мне тогда показалось.

Я с трудом разомкнула веки и посмотрела куда-то перед собой. Увидела две большие колонны из джинсовой ткани. Они казались неподвижными и крепко стоящими на земле. Я, находясь еще во власти наркотика, не сразу сообразила, что это чьи-то ноги. Ноги человека, который так грубо встретил мое возвращение к реальности.

Его квадратное лицо, о котором я уже упоминала, я имела несчастье лицезреть чуть после, как только сумела поднять взгляд повыше.

– Ну так что, очнулась, что ли? – повторил свой вопрос тот же голос, только с еще более угрожающей интонацией.

И в подтверждение серьезности вопроса обладатель голоса больно ткнул меня кулаком в бок.

Я медленно, борясь с тяжестью, которой налились мои веки, приподняла голову. В голове еще бродил неясный хмель, вызванный препаратом, которым меня усыпили в кабинете астролога Рахметова. Поэтому все происходящее доходило до моего сознания с трудом, словно сквозь пленку. Все окружающее представлялось виртуальной реальностью, казалось даже, что вот-вот, еще чуть-чуть – и туман рассеется. А потом, очнувшись от тяжелого сна, можно будет сладко потянуться, наслаждаясь знакомой обстановкой своей спальни.

Однако очередной пинок кулаком в бок – он оказался еще более болезненным, чем предыдущий, – и я явственно осознала, что это отнюдь не сон. Я вздрогнула, и глаза мои открылись почти полностью, а в следующее мгновение людские голоса надо мной обрели более четкий тембр, как это бывает, когда ты протрешь спиртом магнитофонную головку.

– Видать, крепко ее зацепило...

– Да уж, мы постарались...

– Ничего-ничего, сейчас заговорит...

– Да скорее бы...

Эти высказывания, относившиеся к моей собственной персоне, зазвучали вдруг совсем рядом и как-то очень реально. Разговаривали между собою несколько мужчин, и по их интонациям можно было с уверенностью судить, что намерения у них по отношению ко мне отнюдь не добрые. Говорили они с каким-то холодным равнодушием.

Я понемногу приходила в себя и вскоре смогла наконец почти полностью открыть глаза. Тут-то я и увидела типа с квадратным лицом, что отнюдь не прибавило мне оптимизма в планах на ближайшее будущее.

Скосив взгляд в сторону, я поняла, что оказалась в каком-то подвальном помещении. В двух метрах от меня стоял обшарпанный стол из разряда тех, что обычно отвозят на дачу. Там эта мебель благополучно и

доживает свой век. По обеим сторонам его стояли табуретки, примерно такого же пошиба.

Под потолком висела лампочка, окруженная металлическим круглым плафоном, отчего свет, падавший вниз, растекался на полу большим круглым пятном. Сама же я лежала на тюфяке, который, в свою очередь, валялся на полу. Попробовала двинуть рукой, но почувствовала, что не могу этого сделать. Оказалось, что я ко всему прочему еще и пристегнута к батарее наручниками.

– Ну так что, ты готова к разговору или как? – снова прозвучало сверху.

– Похоже, она готова, да, – ответил за меня чей-то голос.

– Очень хорошо, – ехидно констатировал первый. – Приведите ее в нормальное положение, чтобы я видел ее глаза!

Сильные мужские руки схватили меня и подтащили к стене. Кто-то подsunул мне под голову подушку. Теперь я оказалась в полусидячем положении и наконец разглядела всех, бывших в помещении рядом со мной.

Здесь было трое мужчин. В центре подвала стоял знакомый мне Рахметов. Он снял свой маскарадный астрологический наряд и теперь был в обычном костюме с галстуком. Справа от него – какой-то типичный мордovorот. Абсолютно бульдожья у него физиономия! И, наконец, слева от босса – какой-то худощавый гражданин с тонкими и, как показалось мне, даже нервными чертами лица. Он чуть улыбался и смотрел на меня немигающими глазами. На нем был неприметный серый свитерок и джинсы. Волосы – прямыми, и ничем особым они не отличались, однако создавалось такое впечатление, что прическу ему делают в лучших салонах города.

«Прямо метросексуал», – неожиданно для себя подумала я о какой-то чепухе, неприязненно глядя на этого незнакомца.

– Начнем, – коротко сказал Рахметов и злобно посмотрел на меня: – Итак, зачем ты все это у меня выведывала?

Я замешкалась с ответом. Отходняк после наркоза все же был тяжелым, и я не сразу смогла что-либо ответить. Но, выдержав паузу, я вдруг решила избрать наступательную тактику:

– Да как вы смеете?! Вы похитили меня?! Вы даже не представляете, что с вами будет завтра! Я вам не девочка из Заводского района, из неблагополучной семьи, которую можно увезти на поляну и дружно поиметь всем скопом!

С каждой фразой моя уверенность в себе крепла, я быстро

возвращалась в реальность. Главное, что меня радовало – я оставалась собою даже в такой, мягко скажем, неприятной ситуации.

– Хватит распальцовок! – оборвал меня Рахметов. – Говори – зачем ты расспрашивала об Одинцовой?!

Интонации его были угрожающими, и в знак серьезных намерений всех находившихся в помещении мужчин «мордovorot» вплотную приблизился и слегка пнул меня ногой в бок. Впрочем, учитывая его размеры и силу, которой он обладал, это «слегка» отдалось в моем боку весьма сильной болью.

– С чего вы взяли, что я что-то специально выведывала? Я просто спросила о своей подруге!

– Молчи! – Рахметов вновь оборвал меня. – Скажи лучше, на кого ты работаешь, сука?

– Я вам не сука! – упрямо заявила я.

Рахметов как-то скептически-злобно посмотрел на меня, но никак не прокомментировал мою реплику.

– Еще раз повторяю оба вопроса – зачем ты это выведывала и на кого ты работаешь?

– Да с чего вы взяли, что я что-то выведываю? – продолжала я прикидываться дуручкой.

– Я считаю, что тебе пора прекратить гнать этот гнилой базар и отвечать по делу. А то ведь у нас есть Сережа – настоящий виртуоз своего дела, – он показал на художавого типа, – он живо заставит тебя говорить. Правда, Сережа?

Вместо ответа художавый улыбнулся и кивнул, пожирая меня взглядом. Взгляд этот не предвещал мне ничего хорошего. В глазах этого человека читалась жестокость, которую, казалось, нельзя было «пробить» ничем. Это был взгляд маньяка, которого не остановят никакие аргументы, если уж он принял решение.

– Надо же, – усмехнулась я, чтобы избавиться от противного холодка, волною пробежавшего по спине. – Как с вас сразу слетел весь лоск! Какая метаморфоза! Вместо пышных витиеватых фраз – низкий тюремный штиль. Фи!

– Ты институтку-то из себя не строй, барышня! – презрительно сказал Рахметов. – Ты на вопросы отвечай! Я думаю, что Сереже и рот раскрывать не придется. У него и без того очень красноречивая внешность. Знаешь, как у нас его зовут?

Я молчала, не выказав никакого интереса к этому вопросу.

– Эс-эс! – назидательно сказал Рахметов. – И не только потому, что он

– Сережа Соколов. Догадываешься, почему?

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите... – продолжила я, не ответив на этот риторический вопрос.

– Ты не понимаешь?! – вдруг взорвался Рахметов и, подойдя ко мне, грубо ухватил за ворот блузки. – Ты на ментов работаешь! Кому про меня наболтала, дрянь? Не понимает она...

– Ни на каких ментов я не работаю, – твердо заявила я, попутно прикидывая, каковы мои шансы выбраться отсюда.

Если они и существовали, то пока что лишь в теории. Эти трое мужчин, находившихся во вполне определенном настроении, отнюдь не способствовали оптимистическим размышлениям по поводу моего будущего.

– Короче, эта ботва мне надоела, – бросил Рахметов мордovorоту и отвернулся.

Мордovorот умел угадывать настроение своего патрона. Он нагнулся ко мне и рывком, одной рукой приподнял над тьюфяком. Блузка затрещала по всем швам, и я почувствовала, что еще немного – и я задохнусь в крепких объятиях этого громилы.

А спустя мгновение я ощутила боль в спине. Это мордovorот, чуть приподняв, бросил меня обратно на тьюфяк. Я закрыла глаза.

– Так что же? – прозвучал голос Рахметова над моей головой. – Поговорим, или нам стоит применить крайние меры?

– Ну, ладно: я выведывала насчет Вероники, – сдалась я.

– На кого ты работаешь? – спросил Рахметов. – Что ты разнюхивать явилась – это мне и так ясно.

– Ни на кого.

Ответом мне был едкий смешок Рахметова. Краем глаза я увидела, что усмехнулся и Василий. Что же касается Сережи, которого я мысленно окрестила Метросексуалом, то эта кривая легкая улыбочка, по-видимому, была его «визитной карточкой». Она была какой-то нечеловеческой, похожей на улыбку наркомана, находящегося под кайфом.

Метросексуал откинул со лба прядь волос, сложил руки на поясе и выжидательно уставился на меня. Ему, видимо, не терпелось приступить к делу, и он, возможно, был несколько расстроен, что я так быстро начала «колоться».

– Как это – ни на кого? Давай, выкладывай все и не пытайся пудрить мне мозги! – грубо проорал Рахметов.

– Вам этого не понять, – тихо и как можно более убедительно принялась объяснять я. – Я познакомилась с Вероникой, мы подружились...

Ее исчезновение потрясло меня, и я решила, что не оставлю всего этого просто так. Вот я и решила все разведать самостоятельно.

– Ты меня за лоха держишь?

– Я же говорила, что вам этого не понять, – уверенно продолжила я.

– Хочешь сказать, что ты – шпион-одиночка? – в голосе Рахметова явственно послышались ехидные нотки.

– Ну, что-то вроде этого... Я частный детектив.

Скрывать этого не было никакого смысла: сумочку мою они уже наверняка обыскали, а там лежало как мое удостоверение, так и пистолет. Вот смириться с его потерей мне было труднее всего!

«Ты лучше себя пожалей, Иванова! – мысленно вздохнула я. – Если ты останешься здесь навсегда, тебе уже никакой пистолет не понадобится».

– Вот я и решила, что вполне смогу разузнать обстоятельства исчезновения Вероники самостоятельно.

– Ты давай, кончай, – уже не так уверенно сказал Рахметов. – Не думай, что я тебе поверю! Говори, кто тебя послал шпионить за мной? Если не скажешь по-хорошему, твое здоровье здорово пострадает. А у тебя его, как я посмотрю, – он, пожалуй, впервые окинул меня чисто мужским взглядом, – не очень-то много. Особенно в некоторых местах.

И он скосил взгляд на нижнюю часть моего тела.

– Мое здоровье – это мое дело, – отрезала я. – Зачем мне работать на кого-то, если я сама, лично, была знакома с Вероникой?

– Когда ты с ней познакомилась?

– Два года тому назад, как только она приехала из Пензы, выйдя из детского дома, – торопливо произнесла я. – Я знала, что у нее никого нет из родных, поэтому и удивилась, что она пропала.

– Как ты вышла на меня? Обо мне никто не мог знать! Я запретил ей рассказывать! Она подчинялась мне – подчинялась абсолютно!

– Видела у Вероники журналы с вашими фотографиями, – честно сказала я. – Кучу рекламных проспектов, адрес и телефон центра были обведены фломастером... И потом! Она все-таки кое-что говорила о каком-то необыкновенном человеке, астрологе, не упоминая вашего имени.

– Дура чертова! – выругался Рахметов. – Ладно, хорошо, – помолчав, нехотя вымолвил он. – Но я не верю, что ты по своей собственной воле влезла в эту историю.

Через несколько секунд он добавил:

– А если даже и по своей воле, то тебе же хуже. Женщинам нельзя соваться в серьезные мужские дела!

– Ты – половой шовинист? – неожиданно перешла я на «ты».



– Чего? – не поняв сути моего вопроса, подал вдруг голос «мордоворот».

– Ладно, проехали, – я махнула рукой, правда, только мысленно, убедившись в низкой степени интеллектуального уровня развития подручного из «бригады» Рахметова.

Я внимательно смотрела на астролога. Я почувствовала, что в нашей беседе наступил какой-то перелом. Во всяком случае, Рахметов прекратил на меня наезжать, и стало ясно, что он отнюдь не является таким предельно уверенным в себе человеком. Ситуация, в которой он оказался, похоже, совсем не отвечала его ожиданиям.

– Я всегда считал баб дурами! – неожиданно заявил Рахметов. – Только они могут влезть в какое-то дело, совершенно не понимая, чем это для них может закончиться. Зачем тебе это понадобилось? Что, спокойно тебе жить неинтересно?

– Не живется мне спокойно, – вздохнула я и с надеждой посмотрела на Рахметова.

Но тот вовсе не собирался проявлять ко мне милость и с миром отпустить восвояси.

– Все, собираемся, едем! – вдруг заявил Рахметов, обращаясь к «мордовороту».

И тут впервые подал голос Метросексуал:

– А с ней-то что делать?

Голос у него оказался неожиданно жиденьким, тоненьким, он вызвал у меня ассоциации с интонациями людей нестандартной половой ориентации. И тут я действительно испугалась. Если он голубой, то к женщинам отношение у него особое. Вернее, вообще нет никакого отношения. А учитывая специфику его деятельности, было очевидно, что он выполняет при Рахметове функции палача, и меня, в случае чего, этот тип примется допрашивать с очень большим пристрастием.

– Профильтруй ее на предмет базара, – жестко приказал Метросексуалу Рахметов. – Как она на меня вышла, через кого? И главное – кто еще знает обо мне? Ясно?

Он погрозил пальцем перед носом Метросексуала. Тот улыбнулся чуть шире и потер руки.

«Точно, маньяк! – холодея, подумала я. – А я связана и без оружия...»

Лицо Рахметова внезапно исказилось злобной гримасой, и он окинул всех присутствующих недоверчивым, каким-то болезненно-подозрительным взглядом.

– Я никому не верю! Предупреждаю сразу: если кто-то из вас сдал

меня ей – лично урою! Сгною! – выкрикнул он и, резко отвернувшись, направился к двери и покинул помещение.

Следом за ним, сохраняя спокойствие и уверенность в каждом своем шаге, вышел «мордоворот», он же – охранник Василий. Что же касается Метросексуала, то он остался на месте. Когда дверь за двумя мужчинами закрылась, он примерно минуту-другую неотрывно смотрел на меня.

– Что, так и будем молчать? – первой не выдержала я.

Метросексуал поднял одну бровь и невозмутимо ответил:

– Ну почему же? Сейчас поговорим... Всему свое время. К фильтрации надо подготовиться.

– К чему?!

– К фильтрации. Меня же попросили вас профильтровать. Вот этим я и займусь в ближайшее же время.

Он двинулся к тумбочке, которая стояла в дальнем углу комнаты. Покопавшись в ней, он стал последовательно и очень методично вынимать оттуда различные предметы. Сначала на свет божий появился паяльник, затем утюг допотопный советских времен, наконец паяльная лампа. Как будто одного паяльника было мало! Метросексуал, аккуратно разложив все это хозяйство на столе, улыбнулся мне:

– Банальные вещи, да? – и, не дожидаясь моего ответа, он резюмировал: – Но действуют очень эффективно. Я не люблю извращений, люблю то, что приносит пользу.

Он поднял указательный палец, опять полез в тумбочку и вынул оттуда щипцы и гинекологический набор.

– Чуть не забыл, – слегка извиняющимся тоном сказал он.

– Может быть, вы еще и косметичкой моей воспользуетесь? – решила пошутить я.

– Без надобности.

– А я думаю, что вам без надобности все это применять, – сказала я. – Я уже все сказала вашему шефу.

Метросексуал скривился в усмешке.

– То, что вы сказали или не сказали, не имеет никакого значения. Я нахожусь на работе. Я очень добросовестный исполнитель и буду делать то, что мне приказали.

– С чего же вы начнете? – спросила я и почувствовала, что голос мой предательски задрожал, а сознание медленными порциями, как будто его вводят в мой мозг шприцем, заполняет липкий страх.

– Видимо, с этого, – указал он на паяльник. – Этот предмет можно ведь использовать не только по его прямому назначению, и он при этом

смотрится не менее адекватно, поверьте мне...

Его речь, правильно выстроенная и выдававшая человека с высшим образованием, пугала меня больше, чем грубые, безыскусные реплики «мордоворота». Я по своему опыту знала, что интеллигенты зачастую бывают гораздо более жестокими и изощренными злодеями, нежели носители примитивного менталитета.

– А раз так, вам придется слегка раздеться, – он спокойно приблизился ко мне и положил паяльник на тот край стола, который был ближе к тюфяку.

– Не трогай меня! – заорала я и яростно задргала ногами.

Я всегда считала крик последним методом самообороны, но в тот момент это был единственный способ сопротивления, доступный мне.

– Вам не повезло, – бесстрастно констатировал Метросексуал. – Если бы на моем месте был кто-то другой, он, вероятно, и прельстился бы вашими внешними данными. – Он вздохнул. – Это, конечно, оказалось бы не очень приятным ощущением, но, по крайней мере, ущерба для здоровья было бы меньше. Но... Дело в том, что на работе я не позволяю себе подобных вещей.

Метросексуал заглянул в мое лицо, как будто искал у меня одобрения своим словам.

«Он сумасшедший! – панически пронеслось в моей голове. – От него нет спасения, логика на него не действует... Как же я попала, господи ты боже мой!»

– Итак...

Метросексуал вытянул руки и расстегнул «молнию» моей юбки. Я в отчаянии завертелась на месте. Набрав во рту побольше слюны, я плюнула в своего мучителя.

Тот, не обращая внимания на то, что плевок угодил ему прямо в щеку, продолжал методично делать свое черное дело. Невзирая на мое сопротивление, Метросексуал последовательно стащил с меня юбку, затем блузку...

Меня поразило и даже испугало прикосновение его рук. Они были холодными, словно у мертвеца. Вблизи я рассмотрела, что они были белыми и холеными. Глаза же Метросексуала светились ясной голубизной, как безоблачное небо в знойный летний день. Однако ничего человеческого в выражении этих глаз я не заметила.

Тем временем Метросексуал включил паяльник в розетку и принялся разглядывать мои ноги. Он тихо стоял, задумавшись, метрах в двух от меня, напоминая мне чей-то памятник, статую какого-то писателя. Он как будто

обдумывал стихотворение или очередную главу своего романа.

Я уже решила, что, как только он приступит к взятию последнего бастиона, а именно моего нижнего белья, я изловчусь и нанесу ему обеими ногами удар в лицо. Но это мне еще только предстояло сделать. Ко всему прочему, я была абсолютно уверена, что этот шаг вовсе не облегчит, а лишь утяжелит мою участь. Но так уж я привыкла – бороться за жизнь до последнего, пока дышу, даже если не остается никаких шансов...

Наконец изувер сдвинулся с места и подошел ко мне. Я вся сжалась, готовясь к выполнению задуманного. Однако он неожиданно передумал, остановился и сосредоточил свое внимание на утюге.

– А вот этот совершенно обычный утюг предназначен для выравнивания линии бюста, – каким-то очень вкрадчивым тоном заговорил он, словно объясняя студенческой аудитории сложную теорему. – Представляете себе такую операцию? Вы ложитесь на спину и расслабляетесь. А потом гладкая горячая металлическая поверхность медленно разглаживает ваши выпуклости. Эффект, как правило, достигается хороший... Так вы скажете мне правду?! – вдруг резко, визгливым голосом спросил он и застыл на месте, вперившись в меня своими голубыми очами.

– Я уже все сказала, – стараясь вложить в свои интонации максимум искренности, ответила я.

– Не все! Кто еще знает об «Андромеде»?

– Никто! – ответила я, осознавая, что злая ирония моей ситуации состоит в том, что это – чистая правда! Я ведь и в самом деле никого не предупредила, что собираюсь в центр предсказаний, даже Мельникова! А надеяться, что у кого-то хватит ума найти журналы, порыться в них, обратить внимание на обведенную фломастером фотографию астролога и вычислить, куда он меня завез, было бы верхом наивности с моей стороны.

– Хорошо. А знаете ли вы, для чего предназначен вот этот инструмент? – он показал мне щипцы.

– Для выравнивания еще чего-нибудь, – едко ответила я.

– Нет, наоборот, – с жутким спокойствием улыбнулся Метросексуал.

И он продолжил просвещать меня на предмет предназначения этих орудий пыток, но я больше не слушала его, внезапно осознав самое главное.

«Он садист! Господи, ему же все равно, расскажу я о чем-либо еще или нет! Он все равно будет измываться надо мною, даже если я сейчас захлеб начну сочинять признательные показания!»

Нет, я понимала, что Рахметов не оставит меня в живых после этого

похищения. Но Рахметова здесь сейчас не было, а шанс сбежать от Сережи был бы реальным лишь в том случае, если бы я как-то запудрила ему мозги, насочиняв с три короба. Например, заявив, что про «Андромеду» я насвистела уже половине жителей города. Тогда, может быть, я избежала бы пыток... Но этот садист не собирался от них отказываться – в любом случае! Что бы я ни говорила, в чем бы ни призналась – он все равно убьет меня, предварительно замучив до полусмерти...

– О, паяльничек-то совсем уже готов! – радостно воскликнул Метросексуал.

Он приблизился ко мне и нагнулся, чтобы своими ледяными, как у трупа, руками стянуть с меня нижнее белье. Я напряглась, прицелилась и закрыла глаза. В следующий момент я совершила два молниеносных движения ногами. Сначала сжала их в коленях, а затем резко выбросила вперед, попав прямо в лицо этому изуверу.

Я лишь почувствовала, как ноги мои наткнулись на что-то твердое. Видимо, это были его зубы.

– О-ой!.. – вырвалось у Метросексуала в тот момент, когда он, отлетев после моего удара к противоположной стене комнаты, приземлился на пол.

Вскоре он очнулся и окинул меня крайне недобрый взглядом. Это продолжалось очень недолго. На лице его вновь заиграла улыбка, еще более зловещая, чем прежде. Я поняла, что наступает самое страшное...

Метросексуал поднялся с пола, вытер разбитые губы, подошел к столу и взял щипцы. Улыбка его стала еще выразительнее, так как изо рта у него тонкой струйкой текла кровь – следствие моего удара.

– Вы сами выбрали свою судьбу, – шепелявя и кривя окровавленный рот, сказал он.

И он поиграл щипцами, повертев их в пальцах. В животе у меня что-то страшно екнуло. Метросексуал уже занес руку, чтобы ударить меня щипцами по ногам – для острастки, как вдруг откуда-то снаружи, из-за стены послышался громкий стук, перешедший в грохот. Щипцы от неожиданности выпали из рук палача и со звоном упали на бетонный пол подвала.

Секунду Сережа постоял в раздумьях, затем бросил косой взгляд на щипцы и повернул голову в сторону двери. Движения его вмиг стали резкими, непохожими на те плавные, спокойные, уверенные жесты, какими они были до этого момента. Раздумывал он недолго и быстро пошел к выходу из подвала.

Я уже поняла, что на улице что-то случилось. И, оставшись одна, я вдруг осознала, что сейчас у меня появился, может быть, единственный

шанс на спасение. Так, руки мои скованы... Свободны только ноги.

Я не почувствовала холода бетонного пола, когда, отталкиваясь от него босыми ступнями, попыталась сползти с тюфяка. Казалось, все чувства, кроме инстинкта самосохранения, умерли во мне. Я попробовала пошевелить руками, но они, увы, были накрепко прикованы наручниками к батарее.

Подняв голову, я оглядела помещение. На столе лежали предметы, предназначенные для пыток. Дотянуться до них было невозможно, да это и не имело особого смысла. Кроме, пожалуй, одного предмета...

Я остановила взгляд на массивных специальных ножницах, максимально отодвинулась от стены, уперевшись скованными руками в тюфяк и попыталась дотянуться ногами до стола. Ножницы лежали не очень далеко от ближнего ко мне края.

«Только бы они упали правильно», – сверлила мой мозг единственная мысль. Я дотянулась до них пальцами ног и сбросила на пол, оцарапав себе при этом палец. Однако это было сущей мелочью по сравнению со всем ужасом моего теперешнего положения.

Ножницы упали на пол, и мне показалось, что звон от их падения разнесся далеко вокруг. Сердце бешено заколотилось, мною овладело лихорадочное возбуждение человека, который, оказавшись в жутком цейтноте, должен сделать невозможное, чтобы остаться в живых.

Достать ножницы, валявшиеся на полу, было уже легче. Еще раз вытянув ногу и поблагодарив господу – и своих папу с мамой – за то, что я уродилась высокой и длинноногой, я придвинула их пальцем чуть ближе. Потом, слегка отдохнув, подтянула их еще ближе...

Наконец инструмент оказался совсем рядом. Я почувствовала, что предельно устала от этих манипуляций – мое тело принимало крайне неудобные положения. Но отдышать, к сожалению, было некогда. Собрав остатки сил, я наконец ухватила их одной рукой и принялась за работу, мельком посетовав на то, что в старших классах школы девочек учили шить и вязать, а не работать в слесарной мастерской. Сейчас бы эти навыки мне оченьгодились.

Трудиться мне приходилось в ужасно неудобной позе. Я не видела, что я там режу этими ножницами. Но идея была такова, что ножницы по металлу вполне могут перегрызть наручники, сковавшие мои запястья.

Мне удалось победить свои оковы минут через пять. Вытащив одну руку, я уже достаточно легко освободила и вторую. Ощувив резкий прилив крови к голове, я чуть было не упала обратно на тюфяк, попытавшись встать.

Справившись с внезапно нахлынувшей слабостью, я двинулась к тумбочке. Все тело болело у меня, голова кружилась... Еще немного, и я упаду в обморок... Но нет, не сейчас, только не сейчас, когда я уже почти на свободе!

Я заглянула в тумбочку и обнаружила там массу предметов бытового назначения. Все они, видимо, были приспособлены предприимчивым Метросексуалом для развязывания языков несговорчивым людям. Меня заинтересовал один металлический предмет, предназначенный для отбивания бифштексов.

«Вполне подойдет!» – злорадно подумала я.

Хотя отбивная из него, конечно, вряд ли получится. Слишком мало мяса в этом худощавом чаде...

Как на заказ, в этот миг снаружи послышались шаги. Кто-то приближался к двери. Я быстро встала сбоку от нее. Дверь распахнулась, и вошедший на мгновение застыл на пороге. Через секунду он, недоумевая, сделал шаг вперед, обратив взгляд на тюфяк.

Я тоже шагнула вперед и, вложив в удар всю свою силу и ярость, «угостила» Метросексуала отбивалкой для мяса по голове.

Метросексуал мешком рухнул на пол. Нанеся удар, я инстинктивно выпустила молоточек из рук. И только там, внизу, он отделился от Сережиной головы, звякнув об пол рядом с его телом. Отведя глаза от молотка, окрасившегося кровью, я бросилась за дверь. Только там я заметила, что убегаю босиком. Вернуться или нет?

Здравый смысл победил. Я, преодолев страх, вернулась в подвал и, забрав свои вещи, надела туфли. Мысль о моей сумочке вернулась в мою кое-как вставшую на место после пережитых страхов голову. Обезвреженный противник по-прежнему неподвижно лежал на полу, однако я знала, что он жив. Я лишь вырубилась на некоторое время. Я осмотрела эту камеру пыток и вскоре нашла свою сумку среди других вещей Метросексуала. С удовлетворением я убедилась, что все на месте, включая удостоверение, деньги и, главное, пистолет.

Держа в руках свои вещи, я поднялась по лестнице, молясь про себя, чтобы в доме никого больше не оказалось и человек, нарушивший наше с Метросексуалом «общение», уже ушел бы.

Поднявшись на один пролет, я оказалась в достаточно стандартно обставленном – для жилища бизнесмена средней руки – холле. Потихоньку я продвигалась вперед, ища выход отсюда. По всему было ясно, что я в каком-то особняке.

Осторожно обойдя весь первый этаж, я убедилась, что там никого нет.

Дверь на улицу я обнаружила довольно-таки быстро и, открыв ее и выглянув наружу, решила выйти из помещения. Пригнувшись, я пересекла двор, отодвинула задвижку на металлических воротах и оказалась на улице.

Сориентировалась я практически мгновенно: это было Октябрьское ущелье, хорошо знакомый мне район, удаленный от центра Тарасова. Мне предстояло лишь спуститься с горы, а там уже начиналась магистраль, где вполне можно остановить машину.

Спускалась я почти бегом, хотя ноги и все тело у меня страшно болели. Жара сил тоже мне не прибавляла, зато их очень хорошо прибавляло желание поскорее покинуть логово преступников. Тем более что с пистолетом в сумочке я чувствовала себя гораздо увереннее.

На дороге я оказалась минут через десять и заметила припаркованное у обочины такси. Я быстро села в машину и, назвав водителю адрес Кировского РУВД, без промедления направилась к подполковнику Мельникову...

\* \* \*

На задержание в особняк я отправилась вместе с группой захвата и с Андреем, на его служебной машине. Другая группа уже двинулась в «Андромеду», хотя я не была уверена, что астролог Рахметов именно там. Однако Мельников, уже пробивший его личность по базе данных и выяснивший настоящие имя и фамилию этого типа, успокоил меня, заявив, что астролог все равно никуда не денется.

Я не знала, в каком состоянии пребывает Сережа-Метросексуал, но меня это не очень-то и волновало. Я думала совсем о другом человеке. О том самом, который был так сильно похож на астролога.

Первыми к особняку двинулись омовцы в камуфляжной форме и с автоматами. Передвигаясь короткими перебежками, они ворвались во двор и вломились в особняк. Мы с Мельниковым сидели в машине. Признаться, у меня не было ни малейшего желания не то что принимать участие в задержании, а даже просто заходить в особняк – воспоминания о моем пребывании там были еще совсем свежи в моей памяти.

Операцию ребята провели чисто, что называется, без шума и пыли, и вскоре омовцы уже выводили из дверей согнувшегося пополам Сережу Соколова. Правую руку ему кто-то заломил за спину. Он увидел мое лицо



через автомобильное стекло, замер на миг – узнал, но, подталкиваемый дулом автомата, сам полез в машину с решетками на окнах.

А следом – в той же позе – на пороге дома появился человек, не выходящий у меня из памяти. Тот самый, кто ввел мне в вену наркотик, отключив мое сознание в кабинете астролога Рахметова. Увидев его и мысленно облегченно вздохнув с ощущением завершения очень важного дела, я не удержалась и, выбравшись из машины, подошла к нему.

– Здравствуйте, Анатолий Дмитриевич! – четко произнесла я, глядя прямо в его выразительные серые глаза. – Как же вы докатились-то до жизни такой?

Лебедев ничего не ответил, только желваки на его щеках нервно заходили туда-сюда.

– Иванова, иди в машину! – крикнул мне Мельников.

Я еще пару секунд холодно смотрела в глаза врача-убийцы, затем развернулась и пошла обратно.

\* \* \*

Собственно, дело я могла было считать раскрытым. Все участники преступной группировки были арестованы, включая «мордоворота» Василия, Феликса Рахметова и остальных его мелких подручных. Следствие шло полным ходом, допрос следовал за допросом, у Мельникова и его оперов, равно как и у следователя, работы было навалом. Общий смысл произошедшего уже прояснился, оставалось только уточнить некоторые подробности, чем и занимались сейчас Мельников и его коллеги. Здесь я уже была не нужна – выбивать показания и без меня в милиции умели прекрасно.

В принципе, дальнейшая судьба злодеев была предрешена. Мельников так и сказал мне:

– В сущности, Таня, на них и так грехов висит предостаточно. Одних только твоих показаний хватило бы, чтобы упечь их за решетку. А тут еще столько всего всплывает, что я не успеваю бланки протоколов получать! Так что можешь оставить свои розыски и положиться на волю судьбы. Может, ее и в городе-то уже нет, твоей Вероники?

– Я все-таки хочу попытаться! – упрямо стояла я на своем. – Освобождай Арсентьева от разъездов в электричках, я сама ее поищу.

– Ну, как хочешь, дело твое, – вздохнул Мельников. – Только смотри,

опять во что-нибудь не вляпайся! И так с того света еле ноги унесла!

– Постараюсь, – улыбнулась я. – Думаю, еще одна встреча с садистами мне не грозит.

Мысль отыскать Веронику Одинцову не покидала меня, хотя никто не уполномочивал меня этого делать. Я уже знала примерно, что с ней случилось, понимала, что девушка тяжело больна и может просто погибнуть. Черкасовым я отзвонилась и, отчитавшись в предварительных выводах, получила гонорар за проделанную работу – полностью. Больше я была им не нужна. Однако неожиданно Виталик поддержал меня относительно продолжения поисков Вероники. Он пришел ко мне на следующий день после задержания бандитов и сказал, что готов заплатить из своих личных средств, чтобы я нашла подругу Марианны. Честно признаться, я уже собиралась искать ее по собственной инициативе, бесплатно.

К вечеру, предварительно договорившись с Галиной Пивоваровой, я направилась на железнодорожный вокзал. Раскатывать в электричках было бессмысленно – на это уже целых два дня потратил Арсентьев. Но Галина как-то говорила, что Вероника в тот день, когда Галя видела ее, ушла вместе с какой-то цыганкой. Цыганки на привокзальной площади крутились постоянно, и имелся реальный шанс отыскать ту, которая и могла бы вывести нас на след Вероники.

Несмотря на жару Галина выразила свою готовность помочь. Экспедитор Костров любезно подвез ее к площади, высадил, а сам остался ждать в машине.

Мы стояли на привокзальной площади, стараясь не обращать внимания на вечернюю духоту, и всматривались в лица прохожих.

– Что-то вообще тут не видно цыган, – задумчиво сказала я. – Может, облаву провели недавно? Да вроде Мельников ничего такого не говорил...

Мы купили по мороженому в хрустящем рожке. Время приближалось к восьми часам вечера. Попутно Галина поведала, что, как я и предполагала, менеджер-экспедитор Костров, увидев, что никто не бежит за ним, роняя на ходу туфли, и не умоляет его вернуться обратно, резко передумал устраиваться на работу в «Восток-Запад». Уже на следующий день после скандала он пришел в «Венецию» и как ни в чем не бывало приступил к выполнению своих обязанностей. И даже ни словом не заикнулся об утраченной премии. И сегодня он милостиво согласился отвезти Галину, куда она пожелает, поскольку ее «Ауди» находилась в ремонте. Галина рассказала мне об этом с улыбкой, и я поняла, что в ее жизнь снова вернулась прежняя гармония.

Запив сладкое мороженое стаканом газировки, я повернулась в сторону скверика на площади, подумав, не пройти ли нам туда, как вдруг Галина тихонько толкнула меня в бок.

– Таня, кажется, вон она!

Я посмотрела в указанном направлении. К тоннелю небрежной походкой, размахивая руками, в драных шлепанцах на босу ногу шагала маленькая неопрятная цыганка с косичками. На ходу она облизывала разноцветное эскимо. Мы поспешно двинулись вслед за ней.

– Эй, девушка, погадать можешь? – остановила я ее первой фразой, которая пришла мне в голову.

Та остановилась мгновенно, весьма удивленная такой просьбой. Обычно это ей приходилось приставать к гражданам с назойливыми предложениями. Быстро осмотрела нас с Галиной, она осталась, видимо, довольна нашим внешним видом, прикинув в уме, сколько можно запросить за гадание.

– Пятьсот! – выдохнула она и сама ошалела от собственной наглости.

Я улыбнулась и вынула сторублевую купюру. Глаза цыганки жадно заблестели, она уже схватила мою руку и повернула ее ладонью вверх, уже приоткрыла рот, чтобы начать вешать мне лапшу на уши, как я остановила ее, раскрыв сумочку:

– Постой, не мне. Вот на эту девушку я гадаю. Скажи, где она?

Увидев изображение Вероники, цыганка побелела от страха, и на щеках ее сразу проявились полоски грязи, скрытые общей смуглостью. Она затрясла головой и хотела было убежать, но я крепко схватила ее за плечи и заговорила, глядя девушке прямо в глаза:

– Я не стану тащить тебя в милицию, просто скажи, где девушка, и я дам тебе еще столько же! Просто скажи, где она – и все! Отпущу моментально! Где? Ну!

И я с силой встряхнула цыганку за плечи. Та, блестя глазами от страха, осторожно указала пальцем на таксистов, стоявших у входа в здание вокзала. Потом, воспользовавшись тем, что я повернула в их сторону голову, проворно выхватила у меня из пальцев сторублевку и опрометью понеслась в глубь тоннеля.

– Держи ее, Таня! – крикнула Галина, неожиданно возбужденная новыми приключениями в своей жизни и обрадовавшаяся возможности погони.

– Стой, не надо. Пошли к таксистам.

Таксисты, конечно, нас уже заприметили, они посматривали на нас, пока мы разговаривали с цыганкой. Их сегодня было немного, всего три

человека, да и третий вскоре прихватил пассажира и укатил с ним на белой «шестерке». Неожиданно мне в голову пришла одна мысль:

– Галя, ты говорила, что Костров иногда по вечерам подрабатывает извозом, помнишь?

– Ну да, – удивленно ответила Галина.

– Пусть он поговорит с таксистами, может быть, он найдет к ним верный подход.

– Ну... давай попробуем, – неуверенно согласилась Галина.

Кострова срочно вызвали из машины и вкратце описали поставленную перед ним задачу. Он выслушал нас несколько хмуро, но деньги и фотографию взял и, нарочно помахивая купюрами, направился к таксистам.

Беседа их была короткой, Костров вернулся минут через пять. Мы с Галиной ждали в сторонке, в скверике.

– Виктор Кондырев, – коротко сказал Костров, возвращаясь с фотографией. – Синие «Жигули», «девятка». Девушка уехала с ним дня три тому назад. Дополнительная информация – недавно от него ушла жена. Таксистам он хвастался, что на халяву отхватил классную девочку.

– Где он?! – вскричала я.

– Повез клиента в «Юбилейный», минут сорок тому назад. Скоро должен вернуться.

– Молодец, Владимир Леонидович! – хлопнула менеджера по плечу Галина.

Костров посмотрел на нее с надеждой и, кажется, хотел осторожно намекнуть, не начислит ли ему начальница все-таки премию в июне, но не отважился при мне пуститься в торги. Я попросила его вернуться в машину – с Виктором Кондыревым я намеревалась побеседовать лично.

Синяя «девятка» шустро подкатила к вокзалу минут через десять. Я заметила ее, еще когда она выворачивала из-за угла, и быстренько направилась к ней. Кондырев поднял симпатичное лицо, оглядел меня оценивающе и поинтересовался:

– Куда едем, девушка?

Я села на переднее сиденье и прямо спросила:

– Где Вероника?

Лицо Кондырева напряглось.

– Не понимаю, о чем вы! – пробормотал он в сторону.

– Не прикидывайся, Кондырев, если не хочешь на зону загреметь за изнасилование! – прошипела я.

– Я ее не насиловал, все по взаимному согласию было, – быстро проговорил он, бегая глазами.

– А воспользоваться состоянием больной девушки – это как? – едва сдерживая ярость, зло сказала я. – Короче, где она? Говори и катись на все четыре стороны!

– Я ее в больницу отвез, – быстро сказал Кондырев.

– Так, в какую больницу? – теряя терпение, спросила я.

– На Алтынку... У нее же совсем крыша съехала! Что я, нанимался, что ли, нянчиться с ней? У меня, вообще-то, жена есть!

– Вот именно, Кондырев, – усмехнулась я. – Ты впредь помни об этом! А еще о том, что на зоне таких, как ты, моральных уродов, очень сильно не любят. Но встрече с ними радуются. Ты помни!

Кондырев молча смотрел на меня. Я вышла из его машины и с удовольствием изо всех сил бабахнула дверцей.

\* \* \*

В палату к Веронике ни меня, ни Мельникова не пустили. Разрешили лишь посмотреть на нее из коридора. Я увидела сидевшую на постели девушку с тонкими, редко встречающимися чертами лица. Портило ее лицо лишь его болезненное выражение и чрезмерная худоба. Девушка молча смотрела прямо перед собой, но словно бы ничего не видела.

– Мутизм, – коротко пояснил пожилой врач, Георгий Робертович, стоя рядом с нами.

Благодаря подполковничьим погонам Мельникова и его служебному удостоверению мы вскоре отыскали Веронику в городской психиатрической больнице. Более того, лечащий врач согласился ответить на наши вопросы.

– Это пройдет? – спросила я.

– Мутизм обычно снимается довольно быстро, после ряда процедур, – уверенно кивнул Георгий Робертович. – А вот амнезия, которая у нее тоже имеется в наличии, – неизвестно, пройдет ли. Девушка, по всей видимости, в недавнем прошлом пережила какой-то шок. Он и спровоцировал мутизм на фоне амнезии.

– Боюсь, что шок у нее в последнее время было предостаточно, – вздохнула я. – Может быть, вы разрешите мне с ней поговорить? Я знаю ее настоящее имя, фамилию, имена близких ей людей и некоторые факты из ее биографии. Вероятно, если это все ей изложить, она вспомнит хоть что-то? Эта девушка стала жертвой преступления, ей обязательно нужно

помочь, у нее совсем никого нет.

Георгий Робертович задумался, потом сказал:

– Давайте все-таки с этим подождем. Вполне вероятно, что мы так и сделаем. Но сперва закончим с курсом кофеина и амиталнатрия.

– Хорошо, – согласилась я.

– Следствие еще нескоро закончится, – успокаивающе сказал мне Мельников, когда мы вышли из ворот больницы. – Проверяются все показания, всплывают новые свидетели. Мне пока что и других показаний хватает. Будем надеяться, что к его завершению она все-таки придет в себя.

– Будем, – кивнула я.

\* \* \*

Следствие и впрямь шло долго. На Рахметове и Лебедеве висело множество махинаций и убийств. Эта преступная группировка просуществовала в нашем городе больше двух лет, и благодаря осторожности бандитов и довольно умелому ведению дел она могла бы продержаться и дольше.

Как сообщил мне Мельников, Феликс Рахметов, оказавшийся на самом деле Алексеем Лебедевым, приходился старшим братом Анатолию Лебедеву. Неудивительно, что лицо астролога показалось мне знакомым – братцы здорово походили друг на друга, хотя Анатолий и был поменьше ростом. В юности оба брата закончили медицинский институт, но если Анатолий пошел работать по специальности, то Алексея не устраивал масштаб обычной больницы. К тому же авантюрный характер с юности не давал ему покоя и заставлял придумывать разные махинации.

Привело это к тому, что в двадцать шесть лет он получил срок – правда, условный. И после этого решил заняться чем-то более надежным и прибыльным. Почитал соответствующую литературу, попрактиковался на курсах гипноза, которым и так владел от природы, сменил серое имя Алексей Лебедев на звучный псевдоним Феликс Рахметов и открыл центр «Андромеда».

– Неужели ему дали лицензию, несмотря на судимость? – поинтересовалась я у Мельникова.

– Таня, ну ты иногда бываешь такой наивной! – снисходительно посмотрел на меня подполковник. – Ты забыла, что в нашей стране если не все, то почти все решают деньги? А остальные лицензии, думаешь, как

приобретаются? Экзамены у них, по-твоему, комиссия принимает? Ты еще спроси, как становятся добропорядочными депутатами бывшие бандиты!

Механизм их «предприятия» был прост, как и все гениальное. Рахметов быстро завоевывал у клиентов популярность, но главной его целью был вовсе не «поиск предназначения» обратившихся к нему людей, а уровень их благосостояния. Точнее – их недвижимость. Рахметов очень внимательно присматривался к своим клиентам, выбирал подходящих, полностью одиноких, людей. Проводил сеансы, «чистил каналы» – словом, всячески пудрил им мозги. А потом, используя гипноз, убеждал их перевести на других людей квартиру. Разумеется, на подставных лиц – в основном на разных асоциальных типов. Все процедуры проводились в присутствии нотариуса, имевшего свою долю в этом прибыльном «бизнесе».

А братец Анатолий, добросовестно трудившийся на «Скорой помощи», стал правой рукой астролога, выполняя самую грязную, но и самую высокооплачиваемую часть работы...

Когда клиент, введенный в транс, отключался, появлялся младший братец и вводил ему убойную дозу снотворного, после чего человек исчезал навсегда... Нужно ли говорить, каким доходным был этот бизнес! Он позволял хорошо жить не только братьям Лебедевым, но также и подкармливать их подручных – от садиста Сережи до нотариуса.

Доверчивая Вероника Одинцова стала одной из их жертв. Случайно прочитав в журнале статью об астрологе – которую, к слову, накатал он сам, – она отправилась в его центр и была буквально очарована магическим обаянием Рахметова, после чего рассказала ему о себе всю подноготную. Вся скрытность девушки как рукой сняло его психологическое воздействие. А уж он-то как обрадовался такой клиентке! Хорошую комнату в центральном районе можно было продать по цене квартиры где-нибудь на окраине. И главное – у девчонки мало того, что никого нет из родни, так она еще и приезжая. Идеальный вариант! Оставалось лишь подписать все документы. Рахметов мастерски ввел девчонку в транс, бумаги та подписала, и комната перешла во владение некоего Геннадия Звонарева, который, разумеется, в глаза не видел ни этой комнаты, ни самой Вероники. За ящик водки этот человек был согласен оформить на себя любую бумажку, не вникая в ее смысл. А уж потом комнату продали другим хозяевам, и все снова оформили правильно – так, что и комар носа не подточит!

Только вот с Вероникой вышла небольшая накладка. Видимо, после сеанса гипноза у нее в голове произошел какой-то сдвиг – она перестала

узнавать людей и понимать смысл происходящего. Собственно, это и спасло ей жизнь: братья решили не брать на себя еще одно убийство. По приказу брата Анатолий отвез девушку подальше за город, где и бросил на какой-то дальней станции. А уж там она мыкалась с бомжами, пока ее не подобрала какая-то бабка. Потом она попала к цыганам, затем к Виктору Кондыреву, пока наконец не оказалась в психиатрической больнице.

Это уже рассказала нам сама Вероника: к счастью, к девушке постепенно возвращалась память. Я проводила с ней по несколько часов в день, слушала ее рассказы и удивлялась тому, что и такое бывает в жизни. К сожалению, пришлось сообщить Веронике о том, что Марианны больше нет. Правда, эту функцию я возложила на Георгия Робертовича, боясь брать на себя ответственность за едва пошедшую на поправку девушку. Конечно, расстроилась она сильно, но зато преисполнилась решимости дать на суде показания против Рахметова и его подельников.

Удалось мне через Мельникова подробно выяснить и обстоятельства гибели Марианны Новожиловой. Не удовлетворившись результатами расследования Антона Колесникова, искавшего по ее просьбе Веронику, Марианна, памятуя о «необыкновенном человеке», решила разыскать его сама. Как призналась нам Вероника, она все-таки назвала Марианне его имя – Феликс.

Будучи девушкой прямой, но не очень осторожной, Марианна направилась напрямик к астрологу, никому ничего не сказав. Может быть, она и не была уверена в том, что именно Рахметов виновен в исчезновении ее подруги, пришла просто поговорить с ним. Теперь этого уже невозможно было установить точно.

Но почувявший угрозу Рахметов сориентировался моментально. Рассказал о Марианне брату, и Анатолий решил подстраховаться. Назначил Марианне деловую встречу рано утром, потом подвез ее к училищу. По дороге он угостил ее кофе из термоса. В напиток был подмешан яд. Ему и в голову не могло прийти, что всего через несколько часов, после окончания занятий, Марианна придет к нему домой за пресловутой капельницей! Тут ему повезло и не повезло одновременно: яд подействовал, когда она еще была в квартире Лебедева, и, с одной стороны, он оказался на виду у милиции; но с другой стороны, в силу того, что никто не знал о его утренней встрече с девушкой, все подозрения с него снимались: яд-то был долгого действия.

Словом, теперь мы ожидали суда, материалы туда уже успешно передали. С родителями Черкасовых я больше не встречалась – мы получили друг от друга все что хотели. А вот Виталик неожиданно стал



частенько навещать Веронику в больнице, и, кажется, боль после утраты Марианны уже не так сильно свербил его сердце...

«Боюсь, впечатлительную Альбину Юрьевну ожидает новый удар! – с улыбкой думала я. – Да и папу тоже!»

Но, как бы там ни было, я не вмешивалась в эти отношения, считая, что Вероника с Виталиком уже достаточно взрослые люди, чтобы самим во всем разобраться. Просто в душе пожелала им обоим счастья.

Вероника – возможно, чувствуя симпатию к себе со стороны Виталика и под влиянием общения с ним – сильно изменилась внешне, причем в лучшую сторону: затравленность исчезла из ее взгляда, робость и болезненность постепенно сменялись уверенностью и силой. Она немного поправилась, на ее щеках появился румянец, и природная красота ее заиграла свежими красками. Я рассказала ей о своем посещении детского дома в Пензе, и Вероника сама позвонила своим бывшим воспитателям.

Галина Пивоварова уверяла меня, что, как только Вероника выздоровеет окончательно, она сразу же возьмет ее в свое кафе, певицей, так что о средствах к существованию девушка может больше не волноваться.

Также она должна была получить прежние права на свою комнату, поскольку после передачи в суд все сделки, совершенные подставным нотариусом, членом преступной группировки, автоматически признавались незаконными. И это тоже являлось поводом для радости.

Главным же поводом к радости для Мельникова было то, что по результатам раскрытия такого громкого преступления ему наконец-то должны были присвоить звание полковника, о чем он и сообщил мне с таинственным и гордым видом. Правда, информация эта пока что считалась неофициальной, а сама процедура должна была свершиться по возвращении Мельникова из отпуска, куда он и так опоздал уйти из-за дела Рахметова-Лебедева.

– Ну что ж, Андрей, – улыбнулась я старому приятелю. – Теперь у тебя что впереди? Генеральские погоны?

– Я не доживу, – прижав руку к сердцу, потряс головой Мельников.

– А если все-таки? – подмигнула я. – Меня-то позовешь на торжество? По старой дружбе?

– Не вопрос, Иванова! – расплылся в широкой улыбке Мельников.

# Table of Contents

[Марина Серова Хрустальный шар судьбы](#)

[Пролог](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)